

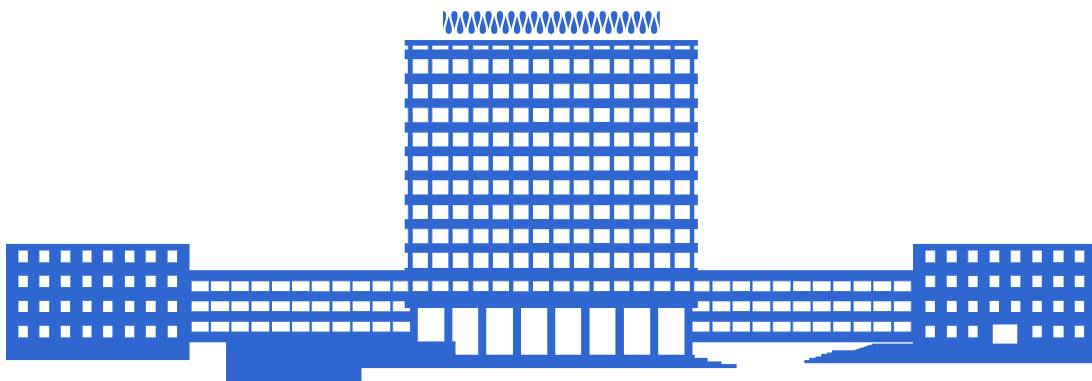
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 17 Выпуск 4 (54) 2021

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2021. – Т. 17. – Вып. 4 (54). – 121 с.

*Печатается по решению Учёного совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 7 от 3 декабря 2021 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 17 Выпуск 4 (54) 2021

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2021

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»
FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 17 Issue 4 (54) 2021

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 17, Вып. 4 (54), 2021

Германские языки

<i>Басыров Ш. Р.</i> Метафоры и метонимии в сфере терминологических единиц немецкого языка.....	5
<i>Сысоева Е. С.</i> Специфика функционирования оценочных антропонимов в постмодернистском английском романе (на материале романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта»).....	15
<i>Фатьянова И. В.</i> Метафора как способ реализации интенции в американском политическом дискурсе XX века.....	24

Романские языки

<i>Кремзикова С. Е.</i> Моделирование комплексных единиц словообразования с учетом структурно-семантических и концептуальных связей их элементов в историческом контексте.....	37
--	----

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Бакина А. Д.</i> Прагматика перевода библейских фразеологических единиц (на примере медийных текстов).....	54
<i>Гармаш Д. А.</i> Фразеологизмы со значением <i>труд</i> в английском и русском языках: структура, семантика, компонентный состав.....	67
<i>Дроздов В. А.</i> Семантические пути развития заимствований лексико-семантической группы «наименования мифических существ» в карибских креолях на англоязычной основе.....	83
<i>Федуленкова Т. Н.</i> Деловая фразеологическая терминология причастно-субстантивной структуры.....	92
<i>Шетэля В.</i> О названиях женщин в польском языке по их профессии и функции.....	103

Портрет учёного

Владимир Дмитриевич Калиущенко.....	110
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 17, Issue 4 (54), 2021

Studies in Germanic Languages

<i>Basyrov Sh. R.</i> Metaphors and Metonymies in Sphere of Terminological Units in German...	5
<i>Sysoieva Ye. S.</i> Specific Functioning of Evaluative Anthroponyms in Postmodern English Novel (Based on «French Lieutenant's Woman» by John Fowles).....	15
<i>Fatyanova I. V.</i> Metaphor as a Means of Expressing Intention in American Political Discourse of the XX-th Century	24

Studies in Romance Languages

<i>Kremzikova S. Ye.</i> Modeling Complex Word-Building Units in Terms of Structural, Semantic and Conceptual Links of their Elements in Historical Context.....	37
--	----

Typological and Contrastive Studies

<i>Bakina A. D.</i> Pragmatics of Biblical Phraseological units Translation (Based on Mediatexts).....	54
<i>Garmash D. A.</i> Phraseological Units Denoting <i>Labour</i> in English and Russian: Structure, Semantics, Component Composition.....	67
<i>Drozдов V. A.</i> Ways of Semantic Development of Lexical Borrowings in Lexico-Semantic Group «Names of Mythical Creatures» in English-Based Caribbean Creoles.....	83
<i>Fedulenkova T. N.</i> Business Phraseological Terminology of Participial-Substantive Structure...	92
<i>Shetelya V.</i> On Names of Women Denoting Profession and Function in Polish.....	103

Scholar's Portrait

Vladimir D. Kaliuščenko.....	110
------------------------------	-----

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112.2'04:81

© 2021 Ш. Р. Басыров

МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ В СФЕРЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена изучению процессов метафоризации и метонимизации лексических единиц в области медицины и техники (автомобилестроение, машиностроение, энергетическое и подъемно-транспортное оборудование). В работе устанавливаются структурные типы данных терминов, определяются концептуальные области их распространения (человек / часть тела человека; артефакты; животное / часть тела животного; растение / часть растения), выявляется степень их продуктивности.

Ключевые слова: терминологическая единица, вторичная номинация, метафора, метонимия, концептуальная область, структура, продуктивность.

© 2021 Sh. R. Basyrov

METAPHORS AND METONYMIES IN SPHERE OF TERMINOLOGICAL UNITS IN GERMAN

The article deals with the study of metaphorization and metonymization processes of lexical units in the spheres of medicine and technology (motor vehicle industry, mechanical engineering, power engineering equipment, lifting and transporting equipment). The structural types of the studied terms as well as the conceptual areas of their distribution have been analyzed (person / part of the human body; artifacts; animal / part of the body of an animal; plant / part of a plant). The degree of their productivity has been established.

Key words: terminological unit, secondary nomination, metaphor, metonymy, conceptual area, structure, productivity.

1. Вступление. Вторичная номинация является одним из наиболее эффективных механизмов образования терминологических единиц, необходимых для языковой фиксации новых, ранее не существовавших в науке и технике реалий, процессов и понятий, а также переосмысления ранее принятых терминов. Терминологические системы различных научных дисциплин содержат немалое количество метафорически и метонимически переосмысленных терминов.

В настоящей статье исследуются случаи метафорического и метонимического использования лексических единиц в профессиональной сфере человека, в частности в области медицины и техники (автомобилестроение, машиностроение, энергетическое и подъемно-транспортное оборудование).

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим вниманием к систематическому изучению терминологической лексики в ее парадигматическом аспекте

[Абдурахманова, 2016; Будаев, 2010; Буданова, 2018; Деева, 2015; Димитрова, 2016; Егорова, 2016; Киселева, 2018; Манина, 2018; Мезит, 2018; Милюк, 2004; Озингин, 2010; Шкилёв, 2009]. Бурное развитие науки и техники, глобализация в экономике способствуют ускоренному развитию различных терминологических систем языка, динамическому взаимодействию лексических подсистем языка, активизации его разных способов словообразования, в том числе и лексико-семантической деривации.

Целью настоящей работы является поиск и систематизация терминов, возникших путем метафорических и метонимических переносов в ряде специальных немецких подязыков (медицина, машиностроение, автомобилестроение, энергетическое и подъемно-транспортное оборудование).

Материалом исследования послужили специальные отраслевые словари немецкого языка [Болотина, 2002; Морковина и др., 2009; НРСДМ, 1969; НРМС, 1958; НРСЭПТО, 1970; Duden, 2007], а также Интернет-источники [DWDS-Themenglossar zur Covid-19-Pandemie, 2020]. Общий объем проанализированных немецких терминов-метафор и метонимий, относящихся к сферам медицины, машиностроения, автомобилестроения, энергетического и подъемно-транспортного оборудования, составил свыше 1500 единиц.

2. Структура терминов. Метафора и метонимия как универсальные явления являются важной составной частью лексической системы любого языка, в том числе и его различных терминологических систем.

Как известно, термин представляет собой слово или словосочетание специального языка, создаваемое для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [Ахманова, 1969: 474]. В соответствии с этим, основными признаками термина считаются обычно его однозначность, точность, стилистическая нейтральность и высокая степень абстракции. Термин, являясь двусторонней единицей языка, т. е. обладая планом выражения и планом содержания, неразрывно связан с мышлением, которое отражает динамический процесс познания человеком действительности.

Среди терминов встречаются, с одной стороны, слова, возникшие путем различных типов вторичной номинации, а с другой, слова, которые обретают метафорические и метонимические переносы благодаря своему употреблению в общенародном языке (нем. *die Arterien einer gesunden Wirtschaft* ‘артерии здоровой экономики’, *das Zentralnervensystem moderner Gesellschaften* ‘центральная нервная система современного общества’, *Computer Virus* ‘компьютерный вирус’).

Нас будут интересовать термины-метафоры / метонимии и их наиболее распространенные модели в названных терминосистемах немецкого языка.

В структурно-семантическом плане анализируемые терминологические единицы распадаются на две группы:

1) однословные (моноксемные) терминологические единицы: *Katze* 'грузовая тележка; каретка', *Hund* 'шахтная вагонетка (ручной откатки)', *Krebs* 'рак', *Wurm* 'червь / глист';

2) многословные (полилексемные) терминологические единицы: *Hahnin Dreiwegeform* 'трехходовой кран', *viergängige Schnecke* 'четырёхзаходный червяк'.

3. Вторичная номинация в сфере терминологии. В процессах метафоризации и метонимизации в исследуемых терминологических пластах лексики более активно задействованы концептуальные области «Животное / часть тела животного», «Артефакты», «Человек / часть тела человека», менее активно – «Растения и их части».

3.1. Концептуальная область «Животное / часть тела животного». В области машиностроения, энергетического и подъемно-транспортного оборудования в немецком языке выявлено свыше 150 терминов с зоонимными компонентами: *Bulle* 'бык, буйвол', *Bock* 'козел', *Gans* 'гусь', *Katze* 'кошка', *Ente* 'утка', *Hahn* 'петух', *Kalb* 'теленочек', *Ross/Pferd* 'лошадь, конь', *Raupe* 'гусеница', *Hund* 'собака', *Schlange* 'змея', *Haufisch* 'кит', *Schnecke* 'улитка', *Frosch* 'жаба' (всего 14 зоонимов). Среди них особенно высокую частотность обнаруживают зоонимы *Schnecke* (48 ед.), *Raupe* (36 ед.), *Katze* (около 30 ед.), *Bock* (свыше 10 ед.). Перечисленные зоонимы обычно появляются в структуре двухкомпонентных композитов, выступая в функции детерминативного (определяющего) компонента (*Bockkran* 'козловой кран', *Raupenantrieb* 'гусеничный ход', *Haifischzahn* 'китовый (изношенный) зуб') или базового (определяемого) компонента (*Doppelschlange* 'двойной змеевик', *Federbock* 'рессорный кронштейн'). Отмечены случаи появления зоонима в срединной позиции трехкомпонентных композитов: *Elektroböckkran* 'электрокозловый кран', *Abraumraupenbagger* 'вскрышной гусеничный экскаватор'.

У медицинских терминов (свыше 100 ед.) количественный набор зоонимов почти такой же, как и у приведённых выше терминов из сферы техники (всего 11), хотя их состав несколько отличается от вышерассмотренного (*Ziege*, *Wurm*, *Wolf*, *Vogel*, *Tier*, *Tiger*, *Schnecke*, *Krebs*, *Huhn*, *Hase*, *Egel*). Высокочастотными зоонимами в медицинской терминологии выступают лексемы *Krebs* 'рак' (свыше 40 ед.), *Wurm* 'червь, глист' (22 ед.), которые продуктивно участвуют в образовании сложных существительных: *Wurmanhang* 'червеобразный отросток', *Wurmfortsatzbruch* 'грыжа червеобразного отростка', *Dickdarmkrebs* 'рак толстой кишки', *Magenkrebs* 'рак желудка'. Интересным представляется в этой связи композит *Herdenimmunität* 'стадный иммунитет', возникший в период

распространения коронавируса и конкурирующий с традиционными в эпидемиологии терминами *Bevölkerungsimmunität / kollektive Immunität* 'коллективный иммунитет'.

Вторичные переносы в терминологических системах данной концептуальной области строятся обычно по следующим свойствам:

1) *внешняя форма*: *Schneckenradform* 'форма червячного колеса'; *Wurmfortsatz* 'червеобразный отросток, аппендикс'; *Hasenauge* 'лагофтальм' (ненормально широкая глазная щель, вследствие чего большая часть глазного яблока не прикрыта веками);

2) *внешняя форма и функционирование механизма или отдельного узла механизма*: *Greiferbockkran* 'козловой грейферный кран', *Doppelraupe* 'двухгусеничная тележка (ходовая часть крупного экскаватора)';

3) *место расположения чего-либо*: *Schwanzlager* 'концевой (хвостовой) подшипник', *Magenkrebs* 'рак желудка';

4) *функционирование*: *Bockkran* 'козловой кран', *Baggerkatze* 'механизм перемещения ковшовой рамы'.

3.2. Концептуальная область «Часть тела человека». В формировании терминологических систем «Детали машин, энергетическое и подъемно-транспортное оборудование» активно участвуют лексемы, называющие следующие части человеческого тела: *Arm, Auge, Backe, Bauch, Daumen, Finger, Fuß, Flanke, Glied, Hals, Hand, Herz, Kehle, Kopf, Körper, Lippe, Nase, Ohr, Rücken, Rumpf, Sohle, Stirn, Zahn* (всего 23 соматизма общим объемом 930 терминов). Среди них высокую производительность проявляют соматизмы *Zahn* (400 ед.), *Stirn* (64 ед.), *Fuß* (57 ед.), *Kopf* (51 ед.), *Körper* (46 ед.), образующие как однословные, так и многословные термины, например:

Zahn 'зуб, зуб(ец)', *Zahnkette* 'зубчатая цепь', *gegossener Zahn* 'литой зуб'; *Stirn* 'лоб, торец, торцовая (лобовая, передняя) часть', *Stirnverzahnung* 'торцовое (лобовое) зубчатое соединение'; *Fuß* 'стопа, лапа, нога, ножка, опора, пята, подошва, хвостовик', *Fußkupplung* 'сцепление с ножным управлением', *Fuß der Stütze* 'пята опоры'; *Kopf* 'голова, головка, вершина; торец; насадка', *Kopfwipper* 'роторный (круговой) (вагоно)опрокидыватель с торцовой выгрузкой', *gegabelter Kopf* 'вилчатая (раздвоенная) головка'; *Körper* 'тело, корпус, остов', *Körperachse* 'ось тела', *Körperschwerpunkt* 'центр тяжести тела', *diathermaner Körper* 'диатермическое (проницаемое) тело'.

Соматизмы *Hand* 'рука' и *Herz* 'сердце' употребляются лишь в составе терминологических композитов или словосочетаний и образуют соответственно 150 терминов и 3 термина, например: *Handrad* 'маховичок', *Handbohrmaschine* горн.

‘ручная бурильная машина’, *Handkurbel mit losem Griff* ‘рукоятка с вращающейся ручкой’; *Herzkurvengetriebe* ‘коноидный механизм’, *Sicherheitsherz* ‘предохранительный хомутик’.

Метафорические и метонимические переносы с использованием соматизмов строятся в терминологических системах «Детали машин, энергетическое и подъемно-транспортное оборудование» с опорой на следующие свойства:

1) *внешнее сходство формы*: *Kehle* ‘гортань, канавка, желобок, паз; выемка, впадина (резьбы)’; *Lippe* ‘губа, выступ; скос; закраина’; *Dichtlippe* ‘уплотняющий скос (сальника); уплотняющая кромка (манжеты)’; *Daumen* ‘большой палец руки, кулачок, палец’, *Daumenwalze* ‘кулачковый валик’; *Greiferzahn* ‘зуб грейфера’;

2) *функциональное сходство*: *Glied* ‘член, конечность, звено, элемент’, *Glied mit Richtwirkung* ‘элемент направленного действия’;

3) *месторасположение*: *Fuß* ‘стопа ноги, лапа, нога, опора, пята, основание, подошва’, *Fuß des Abbaustoßes* ‘основание забоя’, *Fuß des Gehäuses* ‘опорная лапа кожуха’.

Высокую активность соматизмов в создании рассматриваемых терминов можно объяснить влиянием ряда факторов преимущественно экстралингвистического характера, в частности: лёгкостью фиксации формы объекта в зрительной памяти, а также оперативностью его распознавания на практике с опорой на знания собственной анатомии.

Добавим, что стремительное распространение коронавируса во всем мире привело к появлению в немецком языке новых понятий и к обогащению его словарного фонда новыми узуальными метонимиями, которые обозначают ритуальные формы приветствия путем касания части тела: *Ellenbogengruß* (букв. приветствие локтями), *Fußgruß* (букв. приветствие стопой ноги).

3.3. Концептуальная область «Артефакты». Около 420 терминов, входящих в терминологические системы детали машин, энергетическое и подъемно-транспортное оборудование, включают в свою структуру различного рода артефакты (всего 19 наименований), а именно:

– предметы домашнего быта, кухонной утвари и мебели (*Nadel* – 70 ед.; *Gabel* – 50 ед.; *Teller* – 26 ед.; *Band* – 14 ед.; *Kamm* – 10 ед.; *Pfanne* – 7 ед.; *Bett* – 4 ед.; *Kissen* – 2 ед.; *Schrank* – 2 ед.; *Stuhl* – 1 ед.);

– наименования одежды, обуви и их атрибутов (*Riemen* – 145 ед.; *Mantel* – 30 ед.; *Hut* – 8 ед.; *Knopf* – 2 ед.; *Schuh* – 1 ед.);

– наименования предметов для хранения различных вещей (*Käfig* – 17 ед.; *Schale* – 10 ед.; *Korb* – 7 ед.);

– *прочие предметы* (11 ед.).

Наибольшее количество терминов образуется при участии следующих артефактов: *Riemen* (145), *Nadel* (70), *Gabel* (50), *Mantel* (30), *Teller* (26), например:

Riemen ‘ремень, приводной ремень’; *Nadel* ‘игла, игольчатый ролик (игольчатого роликотолкателя); игла; стрелка’; *Gabel* ‘вилка, (раз)вилка; вилкообразный (вилокотый) конец (например, тяги); переводная вилка (для ременной передачи)’; *Mantel* ‘пальто, кофуж; коробка; рубашка (цилиндра); крышка; оболочка; обшивка’; *Teller* ‘тарелка, тарелки, диски (тарелчатой пружины)’.

Развитие вторичной номинации у артефактных терминов связано с двумя основными свойствами данных предметов:

- 1) *формой*: *Tellerfeder* ‘тарелчатая пружина’, *Gabellaste* ‘вилкообразная накладка’;
- 2) *функциональным / инструментальным назначением*: *Riemenantrieb* ‘ременная передача, ременной привод’, *Riemenverbinder* ‘ременный соединитель, скрепка’, *Mantelabsorber / Mantelaufsauger / Mantelsättiger* ‘баранный абсорбер (поглотитель)’.

Активность данной концептуальной области в образовании вторичных терминов в целом обусловлено сущностью артефактов как объектов, созданных человеком в ходе целенаправленной деятельности и используемых им в быту и повседневной жизни.

3.4. Концептуальная область «Флора». Флористическая метафора представлена в анализируемых терминологических системах в целом менее активно по сравнению с рассмотренными выше концептуальными областями (свыше 200 терминов), хотя в медицинской терминологии данный тип вторичных терминов встречается чаще, чем в сфере машиностроения, энергетического и подъемно-транспортного оборудования.

Флористическая метафора представлена отдельными номинациями растений и основных частей растений (*Blatt* мед. ‘лист, листок; пластинка; пленка’; машин. ‘лист; рессорный лист; перо (лопатки)’; метал. ‘полотно (пилы)’; *Zahnwurzel* мед. ‘корень зуба’; машин. ‘неактивная часть ножки зуба’; метал. ‘основание зуба’; *Nervenzwurzel* ‘нервный корешок’, *Nervenzweig* ‘нервная ветвь’, *Zweigrohr* ‘отвод’, *Zweigrohrleitung* ‘ветвь трубопровода’; *Rinde* ‘корковая часть мозга’), а также плодов (*Frucht* ‘плод’; *Augenapfel* ‘глазное яблоко’, *Weintraubenkur* ‘лечение виноградом’, *Birnmuskel* ‘грушевидная мышца’, *Zwiebel* ‘луковица’, *Tannenzapfenöl* ‘скипидарное масло’, *Eichel* ‘желудь; головка полового члена’).

4. Выводы

4.1. Метафоризация и метонимизация являются важным лексико-семантическим источником пополнения терминов различных отраслей. Метафора и метонимия благодаря

своей компактности, лаконичности и объему информации стали необходимым элементом отраслевого языка, открывая перспективы в номинации нового объекта или явления.

4.2. Изучение терминосистем медицины, машиностроения, автомобилестроения, энергетического и подъемно-транспортного оборудования в немецком языке показало широкое применение метафор и метонимий, что вызвано особенностями развития данных отраслевых терминологий.

4.3. Значительная роль вторичной номинации, прежде всего антропоморфных и зооморфных типов метафоры и метонимии в создании терминов, обусловлена близостью функциональных процессов, свойственных организму человека и работе оборудования.

4.4. По своей формальной структуре немецкие термины медицины, машиностроения, автомобилестроения, энергетического и подъемно-транспортного оборудования, возникшие лексико-семантическим способом, подразделяются на две группы: а) однословные (моноксемные) терминологические единицы; б) словосочетания (многословные, полилексемные терминологические единицы).

4.5. Моноксемные термины представляют собой субстантивы, часто композитного типа, а полилексемные образования строятся на различных подчинительных отношениях своих компонентов с именем существительным в качестве базового слова.

4.6. При номинации предметов, явлений, процессов в сфере медицины, машиностроения, автомобилестроения, энергетического и подъемно-транспортного оборудования привлекаются знания, полученные человеком на основе жизненного опыта.

4.7. Вторичная номинация в сфере медицины, машиностроения, автомобилестроения, энергетического и подъемно-транспортного оборудования в целом наиболее активно происходит с привлечением четырех концептуальных областей: а) человек / часть тела человека; б) артефакты; в) животное / часть тела животного; г) растение / часть растения.

4.8. Метафорической и / или метонимической основой при концептуализации обычно служат знания человека о структуре своего тела и тела животных, предметах быта и интерьера, связанные с ведением домашнего хозяйства, инструментами, одеждой.

4.9. Чаще всего исходной базой при вторичной номинации выступают внешний вид, функциональное назначение предмета, место его нахождения, сходство принципов функционирования, что обусловлено легкостью фиксации формы объекта, его локализации в зрительной памяти человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурахманова А. З. Лингвистическое моделирование строительной терминологии (на материале строительной терминологии): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.21. Москва, 2016. 25 с.
2. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2010. 50 с.
3. Буданова Н. А. Развитие медицинской терминологии в русском литературном языке XIX века (на материале названий болезней): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тверь, 2018. 21 с.
4. Деева А. И. Лингвокогнитивная специфика метафорического моделирования русской нефтегазовой терминологии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2015. 24 с.
5. Димитрова Н. К. Терминология транспортно-экспедиционной деятельности (структурно-семантическое описание): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2016. 23 с.
6. Егорова Ж. Д. Медицинская метафорика немецкого языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2016. 21 с.
7. Киселева Л. А. Терминологическая репрезентация профессиональной языковой картины мира врача в немецком языке (на примере предметной области медицины «акушерство и гинекология»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Астрахань, 2018. 23 с.
8. Манина А. Р. Соматический аспект антропоморфной метафоризации (на материале английской нефтегазовой терминосистемы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2018. 24 с.
9. Мезит А. Э. Подъязык и профессиональная языковая картина мира работников гидроэнергетической отрасли (функциональный и лексикографический аспекты): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 2018. 23 с.
10. Милюк А. В. Вторичная номинация в отраслевых терминологиях (на примере терминологии физической культуры и спорта): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Краснодар, 2004. 234 с.
11. Озингин М. В. Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2010. 23 с.
12. Шкилёв Р. Е. Метонимический перенос в устойчивых терминологических словосочетаниях (на примере юридической терминологии английского и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2009. 20 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. Москва: Советская Энциклопедия, 1969. 606 с.
2. Болотина А. Ю. Медицинский словарь: Русско-немецкий, немецко-русский: около 70000 терминов. Москва: Руссо, 2002. 997 с.
3. Морковина И. Ю., Логинова Е. В., Зубанова О. А., Ефимов А. В. Большой немецко-русский и русско-немецкий медицинский словарь. Свыше 100 тысяч терминов, сочетаний, эквивалентов и значений / под ред. И. Ю. Морковиной. Москва: Живой язык, 2009. 576 с.
4. Немецко-русский медицинский словарь / сост. Е. Ф. Соммерау. Москва: МЕДГИЗ, 1958. 459 с. [НРМС].
5. Немецко-русский словарь по деталям машин / сост. инж. С. К. Личак, инж. П. Г. Кузьмин. Москва: Советская энциклопедия, 1969. 344 с. [НРСДМ].

6. Немецко-русский словарь по энергетическому и подъемно-транспортному оборудованию / сост. инж. Клаус Фритцше. 3-е изд. Берлин: Техника. Москва: Советская энциклопедия, 1970. 782 с. [НПСЭПТО]
7. Duden. Wörterbuch Medizinischer Fachbegriffe. 8., überarbeitete und ergänzte Auflage. Mannheim: Dudenverlag, 2007. 639 S.
8. DWDS-Themenglossar zur Covid-19-Pandemie, 2020. Доступ: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 30.06.2021)

REFERENCES

1. Abdurakhmanova, A. Z. (2016). *Lingvisticheskoe modelirovanie stroitelnoy terminologii (na materiale stroitelnoy terminologii)* [Linguistic modeling of construction terminology (based on construction terminology)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.21. Moskva. (In Russ.).
2. Budaev, Ye. V. (2010). *Sopostavitelnaya metaforologiya* [Comparative metaphorology]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.20. Ekaterinburg. (In Russ.).
3. Budanova, N. A. (2018). *Razvitie meditsinskoy terminologii v russkom literaturnom yazyke XIX veka (na materiale nazvaniy bolezney)* [The development of medical terminology in Russian literary language of the 19th century (based on the names of diseases)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Tver. (In Russ.).
4. Deeva, A. I. (2015). *Lingvokognitivnaya spetsifika metaforicheskogo modelirovaniya russkoy neftegazovoy terminologii* [Linguo-cognitive specificity of metaphorical modeling of Russian oil and gas terminology]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Tomsk. (In Russ.).
5. Dimitrova, N. K. (2016). *Terminologiya transportno-ekspeditsionnoy deyatel'nosti (strukturno-semanticheskoe opisanie)* [Terminology of shipping and forwarding activities (structural and semantic description)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Voronezh. (In Russ.).
6. Egorova, Zh. D. (2016). *Meditsinskaya metaforika nemetskogo yazyka* [Medical metaphor of the German language]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
7. Kiseleva, L. A. (2018). *Terminologicheskaya reprezentatsiya professional'noy yazykovoy kartiny mira vracha v nemetskom yazyke (na primere predmetnoy oblasti meditsiny «akusherstvo i ginekologiya»)* [Terminological representation of the doctor's professional linguistic world-image in the German language (using the example of «obstetrics and gynecology» subject area)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Astrakhan. (In Russ.).
8. Manina, A. R. (2018). *Somaticheskii aspekt antropomorfnoy metaforizatsii (na materiale angliyskoy neftegazovoy terminosistemy)* [Somatic aspect of anthropomorphic metaphorization (based on English oil and gas terminological system)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
9. Mezit, A. Je. (2018). *Podyazyk i professional'naya yazykovaya kartina mira rabotnikov gidroenergeticheskoy otrasli (funktsionalnyy i leksikograficheskiy aspekty)* [Sublanguage and professional linguistic world-image of workers in the hydropower industry (functional and lexicographic aspects)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Krasnoyarsk. (In Russ.).
10. Milyuk, A. V. (2004). *Vtorichnaya nominatsiya v otraslevykh terminologiyakh (na primere terminologii fizicheskoy kultury i sporta)* [Secondary nomination in industry terminologies (using the example of physical culture and sports terminology)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Krasnodar. (In Russ.).
11. Ozingin, M. V. (2010). *Rol metafory v strukturirovanii i funktsionirovanii russkoy meditsinskoy terminologii* [The role of metaphor in the structuring and functioning of Russian medical terminology]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Saratov. (In Russ.).
12. Shkilyov, R. E. (2009). *Metonimicheskii perenos v ustoychivyykh terminologicheskikh slovosochetaniyakh (na primere yuridicheskoy terminologii angliyskogo i russkogo yazykov)*

[Metonymic transfer in fixed terminological collocations (using the example of legal terminology in English and Russian)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kazan. (In Russ.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (1969). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [A dictionary of linguistic terms]. Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya. (In Russ.).
2. Bolotina, A. Yu. (2002). *Meditinskiy slovar: Russko-nemetskiy, nemetsko-russkiy: Okolo 70000 terminov* [Medical dictionary: Russian-German, German-Russian: about 70,000 terms]. Moskva: Russo. (In Russ.).
3. Morkovina, I. Yu., Loginova E. V., Zubanova O. A., Efimov A. V. (2009). *Bolshoy nemetsko-russkiy i russko-nemetskiy meditsinskiy slovar. Svyshe 100 tysyach terminov, sochetaniy, ekvivalentov i znacheniy* [Large German-Russian and Russian-German medical dictionary. Over 100 thousand terms, collocations, equivalents and meanings]. Moskva: Zhivoy yazyk. (In Russ.).
4. *Nemetsko-russkiy meditsinskiy slovar* [German-Russian Medical Dictionary] / sost. E. F. Sommerau. Moskva: MEDGIZ, 1958. (In Russ.).
5. *Nemetsko-russkiy slovar po detalyam mashin* [German-Russian dictionary of machine parts] / sost. inzh. S. K. Lichak, inzh. P. G. Kuzmin. Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969. (In Russ.).
6. *Nemetsko-russkiy slovar po energeticheskomu i podemno-transportnomu oborudovaniyu* [German-Russian Dictionary of Power and Material Handling Equipment] / sost. inzh. Klaus Fritzsche. 3-e izd. Berlin: Izd-vo «Tekhnika». Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya, 1970. (In Russ.).
7. *Duden. Wörterbuch Medizinischer Fachbegriffe*. 8., überarbeitete und ergänzte Auflage. Mannheim: Dudenverlag, 2007.
8. *DWDS-Themenglossar zur Covid-19-Pandemie, 2020*. Aailed at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 30.06.2021).

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schambar@yandex.ru)
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schambar@yandex.ru),
Educational Institution of Higher State Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 30 августа 2021 г.

УДК 81'373.23:316.74:81=111

© 2021 Е. С. Сысоева

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ АНТРОПОНИМОВ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ АНГЛИЙСКОМ РОМАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. ФАУЛЗА «ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА»)

В статье рассматриваются семантические и функционально-стилистические особенности литературных антропонимов, лексический фон которых содержит оценочный компонент. В работе предложено толкование оценочного антропонима, критерии идентификации антропонимических единиц с оценочной семантикой, а также описана структура оценки литературного антропонима. На материале романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» анализируется эволюция оценки именования главного персонажа произведения.

Ключевые слова: оценочный антропоним, антропонимическая система, структура оценки, лексический фон, апеллятивная основа, эволюция именования.

© 2021 Ye. S. Sysoieva

SPECIFIC FUNCTIONING OF EVALUATIVE ANTHROPONYMS IN POSTMODERN ENGLISH NOVEL (BASED ON «FRENCH LIEUTENANT'S WOMAN» BY JOHN FOWLES)

The study addresses the semantic and functional-stylistic features of literary anthroponyms whose lexical background contains an evaluative component. In the article the definition of evaluative anthroponym and the criteria for identifying anthroponymic units with evaluative semantics have been suggested. The evaluation structure of a literary anthroponym has been described. The theory of anthroponymic evaluation evolution has been illustrated on the material of the novel «The French Lieutenant's Woman» by John Fowles.

Key words: evaluative anthroponym, anthroponymic system, evaluation structure, lexical background, appellative basis, evolution of naming.

1. Введение

Статья посвящена исследованию особенностей семантики и функционирования английских антропонимических единиц со значением, осложненным оценочным компонентом. Оценочный антропоним (далее ОА) рассматривается как имя человека (личное имя, фамилия и прозвище), лексический фон которого содержит оценочный компонент. Оценка является компонентом коннотации антропонимов, который может быть эксплицирован на основании таких признаков: родное – иностранное; редко – часто употребляемое; активное – пассивное; знакомое – незнакомое; созвучное с позитивно-оценочными – негативно-оценочными единицами вокабуляра; тождественное именам достойных – недостойных известных носителей [Тынянов, 1977: 212]. Например, позитивная оценка женского имени *Goldie* в современной антропонимической системе

определяется на основании созвучия единицы с английским существительным *gold* 'золото'. Таким именем традиционно называют девушек с красивым золотистым цветом волос. Мужское имя *Adolf* является негативно-оценочным из-за ассоциации с именем известного общественно-политического деятеля Адольфа Гитлера, идеолога нацизма и основателя тоталитарной диктатуры Третьего Рейха [Сысоева, 2016: 170].

Материал исследования составили 3275 ОА, отобранные из антропонимических словарей: «Oxford Dictionary of First Names» под редакцией П. Хенкса, Ф. Ходжес, «The Wordsworth Dictionary of First Names» под редакцией Т. Фрадмана и Словаря английских личных имен и фамилий под редакцией А. И. Рыбакина. Текстовую выборку формируют примеры из английских и американских художественных произведений XIX – XX веков.

1. Структура оценки в семантике антропонимической лексики

1.1. Вслед за Е. М. Вольф оценка в значении антропонимической лексики рассматривается как единство следующих элементов: субъект оценки (языковая личность, которая дает имя), объект оценки (языковая личность, которой дают имя), характер оценки (абсолютная позитивная или негативная оценка) и основания оценки (признаки, которые влияют на позитивный или негативный знак оценки антропонима) [Вольф, 2009: 56]. В семантике имен собственных (далее ИС) на первый план выходят такие признаки, как: родное – иностранное, редко – часто употребляемое, активное – пассивное, знакомое – незнакомое. Признак «знакомое – незнакомое» позволяет определить этимологию, которая, в свою очередь, тесно связана с культурным компонентом коннотации, и констатировать, что имя имеет ярко выраженную национальную принадлежность, которая реализуется в процессе именования, т. е. выступает основой для мотивов имянаречения. Признаки «часто употребляемое – редко употребляемое» и «знакомое – незнакомое» позволяют субъекту номинации реализовать свои предпочтения с точки зрения частотности имени. Указанные признаки раскрывают систему ценностей, а также основные преференции общества в процессе именования на современном этапе.

1.2. Полный и глубокий анализ актуализации оценочного значения антропонимов в разных типах речи невозможен без обращения к особенностям функционирования ОА в художественном тексте. Структура оценки литературных антропонимов значительно отличается от структуры оценки общезыковых антропонимов, что обусловлено спецификой функций литературных ОА. Автор литературного произведения (субъект оценки) выражает свое положительное или отрицательное отношение к персонажу (объект оценки), что является релевантным согласно концепции произведения (основание оценки). Общезыковые

ОА, функционируя как социальные знаки, кроме номинативной функции выполняют еще идентифицирующую и дифференцирующую. Литературные ОА актуализируют идею, являющуюся основой авторского замысла, и как неотъемлемая часть художественного текста характеризуются рядом функций, которые обусловлены их спецификой. Вслед за Е. Ю. Андриенко [Андриенко, 1992], М. В. Горбаневским [Горбаневский, 1988], Т. А. Гордиенко [Гордиенко, 1984], В. М. Калинин [Калинкин, 1999], Ю. А. Карпенко [Карпенко, 1986], В. М. Михайловым [Михайлов, 2008] рассматриваются такие литературные ОА, которые выполняют в тексте номинативную, характерологическую, локализаторскую, идеологическую, экспрессивную и оценочную функции.

В художественном произведении все имена в большей или меньшей степени значимы. Как утверждал Ю. Н. Тынянов, «в художественном произведении нет неговорящих имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» [Тынянов, 1977: 198-222]. Имя в художественном тексте, закрепленное за определенным референтом, имеет свой смысл, который отражает специфические признаки своего носителя, его наиболее существенные физические и моральные качества. Имя литературного персонажа является чрезвычайно насыщенным по объему содержащейся в нем информации и не в меньшей, а даже в большей степени, чем слово в художественной речи, отмечается способностью вызывать самые разнообразные представления, эмоциональные и логические ассоциации.

Эволюция литературной антропонимии, связанная с эволюцией социальных условий, политических направлений и т. д., находит свое отражение в творчестве каждого автора, выражается не только в изменении отношения автора к описываемым событиям, но и в эволюции образов, вместе с тем и имен персонажей. «Говорящие имена» выражают субъективное мнение автора о персонаже-носителе такого имени, содержат в себе оценочную характеристику этого персонажа как определенного социального типа, поэтому в предлагаемом исследовании мы придерживаемся мнения о том, что каждое «говорящее имя» в литературе является оценочным. «Говорящие имена» чаще всего характерны для сатирической литературы, иногда такими именами называют негативных или второстепенных персонажей. На наш взгляд, в художественном тексте наиболее интересны такие антропонимы, которые с первого взгляда не характеризуют персонажа, однако в зашифрованном или полужашифрованном виде могут содержать определенную оценочную характеристику литературного героя. Подобные антропонимы не просто выдуманные или выбранные автором из антропонимического словаря языка, они имеют четкую цель:

показать многообразие и значимость стилистической функции ОА для более глубокого понимания художественного образа. Проиллюстрируем данное утверждение примерами из романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта».

2.1. Эволюция именования главного персонажа в романе Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта»

Антропонимикон романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» интересен в первую очередь вариативностью собственного имени. Автор называет свою героиню такими именами: *Poor Tragedy, the French Lieutenant's Woman, The French Lieutenant's Whore, Sarah Woodruff, Sara Roughwood, the New Woman*.

Интересной является мысль Г. В. Таича о важности вариаций для формирования семантики литературного антропонима: «Здесь дело, конечно, не в стремлении избежать тавтологии, а в концентрированном употреблении имен, сознательно, с целью более полного раскрытия образа. Именованье будто оттачивается, уточняется, выкристаллизовывается для того, чтобы как можно полнее охарактеризовать человека» [Таич, 1974: 37]. С точки зрения антропонимии, вариации не являются видоизменениями одного и того же имени, как, например, варианты. Будучи различными именованиями, они имеют лишь одно общее – принадлежность к одному лицу. При этом внимания заслуживает тот факт, что в процессе развития сюжета и жизни персонажа в произведении подвергается эволюции не только носитель имени, но и само имя, на которое очень часто влияет ситуация. Именно ситуация формирует именование персонажа и заставляет имя звучать по-разному. Проанализируем эволюцию именования главного персонажа романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта»:

«*Good heavens, I took that to be a fisherman. But isn't it a woman?*». «*But I can guess who it is. It must be poor Tragedy*». «*Tragedy?*». «*A nickname. One of her nicknames*». «*And what are the others?*». «*They call her the French Lieutenant's ... Woman*» [Fowles, 1996: 12]. – «Боже, сначала я считал, что это рыбак. Но это женщина, не так ли?». «И я могу догадаться, кто это на самом деле. Это должно быть бедная Трагедия». «Трагедия?». «Это прозвище. Одно из прозвищ». «Какие же другие?». «Ее называют <...> женщиной французского лейтенанта».

Первичная номинация персонажа представлена в примере производной официальной формой имени, а неофициальная – прозвищами. Как известно, семантика прозвищ обычно определяется признаками их носителей, это – именование, которое предоставляется человеку кроме имени и указывает на определенную выдающуюся черту

его характера, внешности или поведения и выражает определенное оценочное отношение автора к персонажам произведения. Значит, имя-прозвище осознается, прежде всего, как оценочное, значащее имя. Оно отличается от обычной фамилии закономерностью, мотивированностью, значимостью. Действительно, читатель узнает, что Сара – дочь фермера, когда ее отец разорился, то лишился здравого ума, умер в психиатрической больнице, она начинает сама зарабатывать себе на жизнь, работая гувернанткой. Семантика ее первого прозвища не только полностью определяется фактами их биографии, но и подчеркивает обреченность, одиночество Сары. Происходят изменения в жизни Сары, она встречает молодого француза. Молодой офицер после кораблекрушения получает серьезные травмы, Сара принимает очень активное участие в его исцелении, это способствует их сближению. Изменения в жизни персонажа, изменение отношения к нему окружающих влияет на эволюцию имени. Первичное официальное имя *Sarah Emily Woodruff* постепенно уступает негативно окрашенному, унижительному именованию *The French Lieutenant's Whore* и его эвфемистической вариации *The French Lieutenant's Woman*, которое скрывает в своей семантике пейоративную оценку, характеризуя Сару как женщину легкого поведения. Отъезд Сары из родных ей мест в Лондон, где никто не знает ее прошлого, имеет дальнейшее влияние на эволюцию имени. Вариации *Poor Tragedy*, *The French Lieutenant's Whore*, *The French Lieutenant's Woman* выходят из употребления, сыграв свою роль для характеристики персонажа, они исчезают, уступая исходному начальному имени *Sarah Woodruff*.

В художественной речи ведущими становятся антропонимическое и доантропонимическое значения. При этом имена, прямо характеризующие персонажей, в основном, активно функционируют в жанрах сатирических, например, в комедиях Р. Шеридана, а имена, которые дают непрямую характеристику персонажам, то есть имеют косвенные указания на те или иные черты, имплицитно выражающие оценку автора, имеются в любом художественном произведении. Среди имен художественных произведений нет незначащих имен, в художественном тексте происходит семантическая перестройка антропонимов, при которой очень часто апеллятивное значение становится ведущим. Не является исключением в этом отношении имя *Sarah Woodruff*. *Woodruff* – название лекарственного растения, известного в Англии как «сенная трава», то есть она пахнет так приятно, как сено после сенокоса. Высушенные листья этой травы применяются для приготовления ароматного чая, который лечит головную боль и развеивает печаль. Семантика апеллятивной основы литературного антропонима *Sarah Woodruff* указывает не только на мотивированность имени таким свойством Сары, как

способность к лечению, поскольку она возвращает к жизни морского офицера после кораблекрушения. Название лекарственного растения передает определенную информацию и вызывает у читателя представление о чем-то свежем, приятном, чистом. На самом деле, с развитием сюжета репутация распутной женщины, которая создается негативно-оценочными прозвищами *The French Lieutenant's Whore*, *The French Lieutenant's Woman*, не соответствует действительности. Рассказав выдуманную историю о своих отношениях с французским лейтенантом, Сара заставляет окружающих ее людей называть себя унижительными прозвищами. На самом деле она такая же чистая, как «сенная трава».

Следует подчеркнуть еще один оттенок семантики фамилии Сары. В староанглийском языке название вышеупомянутого лекарственного растения имело форму *Wuderofe* и глагольное значение «скитаться, ползать, унижаться». Именно такое впечатление Сара произвела на Чарльза и Эрнестину, более удачливых персонажей романа. Таким образом, первоначальное апеллятивное значение литературного антропонима имеет прямую связь с носителем этого имени и, если у читателя возникают соответствующие ассоциации, то он «обогащен в своем восприятии образа, потому, что он, читатель, кроме всего прочего, расшифровывает и тайные знаки субъективного авторского отношения к герою, образу, то есть, получает в имени не вывеску, которая заранее все объясняет читателю, с чем тот имеет дело, а лишь своеобразный аккомпанемент» [Магазаник, 1978: 11].

Анализ антропонимов в хронологическом плане, то есть в тесной связи с этапами жизни персонажа, показывает, что хронологическая эволюция антропонима делает его важным средством характеристики героя. В конце романа героиня получает новое имя – *Sarah Roughwood* [Fowles, 1996]. Новое имя, как правило, связано с новой личностью. В конце повествования Сара уже не изганница, не объект насмешек, каким она была в родном городе, – это женщина, полная достоинства, которая выбрала свой путь в жизни. Изменение имени символизирует появление новой личности, и не случайно в процессе развития сюжета этот персонаж получает не только новое имя, но и описательно именуется *The New Woman* [Fowles, 1996]. Этот антропонимический вариант передает позитивную авторскую оценку этого этапа жизни Сары, окончательно утверждая о том, что справедливость всегда побеждает.

3. Выводы

Стилистический потенциал антропонимов в художественном тексте обусловлен своеобразием их языковой природы. В тексте художественного произведения в семантике

антропонимов актуализируются потенциальные семы, которые являются источником различных коннотаций, которые дают основание маркировать литературные антропонимы как позитивно или негативно оценочные, и лежат в основе стилистической актуализации английского антропонима. Коннотативная часть семантики антропонимов играет особо важную роль, поскольку в процессе перехода антропонимов из речи в язык художественного текста возникает сдвиг в семной структуре значения антропонимов, проявляется его качественное изменение, которое выражается в обогащении семантики антропонимов новыми коннотативными, оценочными компонентами значения. В отличие от нарицательных имен в английских антропонимах понятие коннотации, его специфика меняется и расширяется. Так же, как и в именах нарицательных, коннотативная часть лексического значения антропонимов может быть представлена эмоциональным, оценочным, экспрессивным и стилистическим компонентами, которые в художественном тексте часто сопровождают друг друга и могут использоваться в различных комбинациях. Обычно контекст обогащает значение антропонимов этими компонентами. Своеобразие коннотативного значения английских антропонимов проявляется и в том, что в конкретном акте его употребления в структуру лексического значения антропонима вводятся социальная, историческая и литературная коннотации, которые, реализуясь в тексте художественного произведения, служат для достижения определенных художественных целей. Вместе с другими стилистическими средствами они выражают авторскую позитивную и негативную оценку и способствуют созданию многогранного художественного образа литературного персонажа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриенко Е. Ю. Коммуникативно-прагматический потенциал собственных имен в научно-фантастическом тексте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Одесса, 1992. 17 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: Либроком, 2009. 280 с.
3. Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе. Москва: Знание, 1988. 87 с.
4. Гордиенко Т. А. Санжарова В. П. Имя собственное в творческой лаборатории писателя (на материале романа М. Н. Алексеева «Вишневый омут») // Русская ономастика. Одесса: Изд-во ОГУ, 1984. С. 151-157.
5. Калинин В. М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.
6. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34-40.
7. Магазаник Э. Б. Ономопоэтика, или «говорящие» имена в литературе. Ташкент : Фон, 1978. 148 с.
8. Михайлов В. Н. Антология поэтонимологической мысли. Донецк: Юго-Восток, 2008. 418 с.
9. Таич Р. У. Антропонимия сатирического текста (на материале произведений

М. Е. Салтыкова-Щедрина). Черновцы, 1974. 48 с.

10. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь // Поэтика. История литературы. Кино. Москва, 1977. С. 198-226.

11. Сысоева Е. С. Аллюзия в семантике английских оценочных антропонимов // Мир. Человек. Язык. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. С. 211-216.

12. Сысоева Е. С. Структурно-семантические особенности однотемных непроизводных оценочных антропонимов // Лингвистика и лингводидактика: традиции и инновации. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. С. 170-179.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Апресян Ю. Д. Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. 6-е изд., стер. Москва: Русский язык, 2001. 2496 с.

2. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен. Москва: Русский язык, 1989. 221 с.

3. Delahunty A. Oxford Dictionary of Nicknames. Oxford: Oxford University Press, 2003. 230 p.

4. Freedman T., Maclead I. The Wordsworth Dictionary of First Names. Herefordshire: Wordsworth Editions LTD, 1997. 254 p.

5. Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1996. 444 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта. 2017. 576 с.

2. Fowles Jh. The French Lieutenant's Woman. Vintage, 1996. 448 p.

REFERENCES

1. Andrienko, E. Yu. (1992). *Kommunikativno-pragmatischeskiy potentsial sobstvennykh imen v nauchno-fantasticheskom tekste* [The communicative and pragmatic potential of proper names in a science fiction text]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Odessa. (In Russ.).

2. Vol'f, E. M. (2009). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moskva: Librokom. (In Russ.).

3. Gorbanevsky, M. V. (1988). *Onomastika v khudozhestvennoy literature* [Onomastics in fiction]. Moskva: Znaniye. (In Russ.).

4. Gordienko, T. A. Sanzharova, V. P. (1984). *Imya sobstvennoye v tvorcheskoy laboratorii pisatelya (na materiale romana M. N. Alekseeva «Vishnevyy omut»)* [Proper name in writer's creative laboratory (based on the novel «The Cherry Pool» by M. N. Alekseev)]. In *Russkaya onomastika*. Odessa: Izd-vo OGU. Pp. 151-157. (In Russ.).

5. Kalinkin, V. M. (1999). *Poetika onima* [Poetics of onyms.] Donetsk: Yugo-Vostok. (In Russ.).

6. Karpenko, Yu. A. (1986). *Imya sobstvennoye v khudozhestvennoy literature* [Proper name in fiction]. In *Filologicheskiye nauki*. Pp. 34-40. (In Russ.).

7. Magazanik, E. B. (1978). *Onomapoetika, ili «govoryashchiye» imena v literature* [Onomapoetics, or charactonyms in literature]. Tashkent: Fon. (In Russ.).

8. Mikhaylov, V. N. (2008). *Antologiya poetonomologicheskoy mysli* [Anthology of Poetonymological Thought]. Donetsk: Yugo-Vostok. (In Russ.).

9. Taich, R. U. (1974). *Antroponimiya satiricheskogo teksta (na materiale proizvedeniy M. Ye. Saltykova-Shchedrina)* [Anthroponymy of the satirical text (based on the works of M. E. Saltykov-Shchedrin)]. Chernovtsy. (In Russ.).

10. Tynyanov, Yu. N. (1977). *Dostoyevskiy i Gogol* [Dostoevsky and Gogol]. In *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. Moskva. Pp. 198-226. (In Russ.).

11. Sysoeva, Ye. S. (2019). *Allyuziya v semantike angliyskikh otsenochnykh antroponimov* [Allusion in the semantics of English evaluative anthroponyms]. In *Mir. Chelovek. Yazyk*. Vladimir: Izd-vo VIGU. Pp.211-216. (In Russ.).

12. Sysoeva, Ye. S. (2016). *Strukturno-semanticheskiye osobennosti odnotemnykh neproizvodnykh otsenochnykh antroponimov* [Structural and semantic features of one-component non-derivative evaluative anthroponyms]. In *Lingvistika i lingvodidaktika: traditsii i innovatsii*. Rostov-na-Donu: Izd-vo YUFU. Pp. 170-179. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Apresyan, Yu. D. (2001). *Novyy bolshoy anglo-russkiy slovar* [New Great English-Russian Dictionary]: v 3-kh t. 6-ye izd., ster. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

2. Rybakin, A. I. (1989). *Slovar angliyskikh lichnykh imen* [Dictionary of English personal names]. Moskva: Russkiy yazyk.

3. Delahunty, A. (2003). *Oxford Dictionary of Nicknames*. Oxford: Oxford University Press.

4. Freedman, T., Maclead, I. (1997). *The Wordsworth Dictionary of First Names*. Herefordshire: Wordsworth Editions LTD.

5. Hanks, P., Hodges, F. (1996). *A Dictionary of First Names*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Faulz, Dzh. (2017). *Lyubovnitsa frantsuzskogo leytenanta* [The French Lieutenant's Mistress]. (In Russ.).

2. Fowles, Jh. (1996). *The French Lieutenant's Woman*. Vintage.

Сысоева Евгения Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии (e-mail: ye.sysoieva@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Sysoeva Evgenia S. – Candidate of Philology, Associate Professor of English Philology Department (e-mail: ye.sysoieva@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 30 сентября 2021 г.

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕНЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX ВЕКА

Статья посвящена анализу функционирования метафоры как способа реализации интенции в американском политическом дискурсе XX в. Выделяются наиболее типичные концептуальные метафоры, используемые адресантом (президентом) с целью оказания влияния на адресата (граждане США, мировое сообщество). Проводится анализ основных факторов (экстралингвистических и лингвистических), влияющих на возникновение и формирование метафорических моделей, демонстрируется зависимость последних от эпохи, типа культуры и вида дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, политический язык, политическая коммуникация, дискурсообразующий концепт, интенция, концептуальная метафора.

© 2021 I. V. Fatyanova

METAPHOR AS A MEANS OF EXPRESSING INTENTION IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF THE XX-TH CENTURY

The article presents the analysis of the metaphor functioning as a way of expressing intention in the American political discourse of the XX-th century. The most typical conceptual metaphors used by the addresser (president) in order to influence addressees (US citizens, the world community) have been described. The analysis of the main factors (extralinguistic and linguistic) influencing the emergence and formation of metaphorical models has been carried out, the dependence of the latter on the era, type of culture and discourse being demonstrated.

Key words: political discourse, political language, political communication, key concept, intention, conceptual metaphor.

Вводные замечания

Статья посвящена описанию метафор, используемых в американском политическом дискурсе (далее – АПД) XX ст., которые помогают создать необходимый образ восприятия действительности общественностью в лице американского народа и мирового сообщества благодаря завуалированно выраженным намерениям лидера страны и правящей партии на материале публичных выступлений президентов США.

Изучению отдельных видов метафор и их функций в политическом дискурсе посвящены работы Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, А. П. Чудинова. Исследования Дж. Серля, П. Стросона, Т. Н. Ушаковой, В. А. Цепцова, К. И. Алексеева направлены на изучение интенции, ее видов и способов реализации в политических текстах.

Актуальность темы исследования определяется рядом факторов, среди которых следует отметить привлечение когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики к

анализу АПД XX ст. как системы в единстве ее когнитивного и коммуникативно-функционального аспектов, а также нерешенной проблемы реализации совокупности интенций в АПД с помощью разных видов метафор.

Объектом исследования является употребление концептуальных метафор в американском политическом дискурсе XX в. Предметом – интенции, реализуемые в публичных выступлениях президентов США посредством концептуальных метафор.

Цель исследования – выявить и изучить основные виды интенций, реализуемых в американских президентских речах XX в. посредством концептуальных метафор.

Характеристика материала исследования и методика его анализа

Дискурсивный подход к исследованию политических текстов взят за основу в данной работе. Вслед за Т. ван Дейком в определении границ политический дискурс (далее ПД) исходим из его узкого понимания, включая только институциональные формы общения [Dijk, 1997]. Таким образом, АПД – это речевой акт, сопровождающий политическое действие в политической обстановке.

Развивая идею сложной структурированности политической жанристики Б. С. Каримовой [Каримова, 2006], вслед за Е. И. Шейгал, понимаем ПД как конгломерат определенных жанров. К центральным жанрам относим публичную речь президента, которая соответствует основной интенции ПД – борьбе за власть [Шейгал, 2004]. Исходя из специфических черт АПД и особенностей его функционирования в XX ст., считаем целесообразным применение комплексного анализа для его изучения, основанного на сочетании различных методов и подходов научного исследования. В основе работы лежат общенаучные принципы системного анализа (классификация, описание, моделирование), а также частнонаучного (когнитивный анализ, дискурс-анализ, концепт-анализ и контекстуальный анализ). Изучение идиостиля президента, в том числе его метафорического инструментария, дает возможность эксплицировать когнитивные стратегии политика. Применяется лингвостилистический и количественно-качественный методы анализа, на которых основывается изучение ПД.

Материал исследования составляет корпус текстов официальных стенограмм публичных выступлений американских президентов в XX в. (509 официальных речей), представленных на сайте *Millercenter.org: Presidential speeches*. Общий объем выборки составляет более 15 тыс. страниц. Следует заметить, что в XX в. президентами США были представлены 509 публичных выступлений, относящихся к ритуальным (66), ориентационным (360) и агональным (83) жанрам ПД, включая инаугурационное обращение президента (23), традиционное обращение (12), юбилейную речь (21),

прощальную речь (7), речь-оправдание / покаяние (3), послание президента о положении дел в стране (103), послание президента о положении дел в мире (131), послание президента другим странам (13), выступление президента на различных уровнях конференции (2), отчетный доклад (70), программную речь (11), пресс-конференцию (30), речь о принятии выдвижения от партии (предвыборное выступление) (22), предвыборные дебаты (26), сообщение о созыве специальной сессии Конгресса (2), послание / обращение к Конгрессу (20), обращение к Генеральной Ассамблее ООН (10), обращение к Конгрессу с просьбой об объявлении войны (3).

Теоретические основы исследования метафоры как способа реализации интенции в АПД XX века

Метафорика влияет на сознание и особенно на подсознание адресата, изменяя систему представлений у адресантов и адресатов и их эмоциональное отношение к соответствующему объекту. Эффективность речевого воздействия зависит от степени его эмоциональности [Блакар, 1987: 90], то есть можно предположить, что метафора в АПД является одним из таких средств эмоционального воздействия. Механизмы прагматического влияния метафорики рассматривались в трудах А. Н. Баранова, А. А. Любимовой, Г. Г. Почепцова, А. П. Чудинова, R. D. Anderson, W. Ausmus, J. Charteris-Black, P. A. Chilton, G. Lakoff, J. Mio, J. Zinken и др.

В коммуникативной деятельности метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувство и свободу адресата. Метафора, по мнению А. П. Чудинова, чрезвычайно динамична, понятна и действенна только «здесь» и «сейчас», вместе с тем согласована с основными понятиями отдельной культуры, имеет национальные корни [Чудинов, 2003: 22]. Поскольку основу процесса метафоризации составляют процедуры обработки структур знаний, то метафора, в первую очередь, является когнитивным феноменом, влияющим на мышление человека. Также было выдвинуто предположение, что метафора влияет на процесс принятия решений [Lakoff, Johnson, 1980]. В зависимости от типа дискурса, используемые в нем метафоры реализуют конгломерат функций, содержащих экспрессивную, номинативную и когнитивную функции. Закономерным представляется вопрос и о функциях метафоры в АПД XX ст. Язык данного вида национального дискурса предстает фундаментально побудительным. То есть, в АПД метафоры проявляют себя как мощные эмоциональные возбудители. Это обусловлено наличием у них эмоционально-оценочных коннотаций, что, в свою очередь, приводит к актуализации у реципиента сети ассоциативных представлений в процессе восприятия

метафор. Благодаря связи таких метафор с морально-эстетическими и политическими ценностями, их можно квалифицировать, в известной степени, как ценностные ярлыки. Метафора в ПД – средство определенного способа категоризации мира: выделение одних фрагментов ситуации и замалчивание других, то есть выделение конкретных, необходимых адресанту аспектов ситуации и замалчивание других, позволяет создать необходимый для адресанта образ мира и присвоить ему определенные ценностные характеристики [Langacker, 1988]. По мнению А. Н. Баранова, используемые в таком качестве метафоры наделены определенными характеристиками, отличающими их от метафор чисто когнитивных [Баранов, 1994]. В этом состоит прагматическая функция метафоры, присущая АПД XX в. Данная функция метафоры реализуется в АПД для манипуляции гражданами страны и мировым сообществом с целью убеждения и влияния на него. Прагматическая функция метафоры (функция воздействия на адресата) выступает мощным средством формирования у реципиента необходимого для адресанта (президента) эмоционального состояния и мировосприятия. В такой функции метафора в АПД – это средство превращения имеющейся в сознании адресата политической картины мира, средство побуждения его к определенным поступкам и средство формирования у него продиктованного эмоционального состояния адресантом.

Считаем, что изучение АПД невозможно без осмысления концептосферы ПД. Концепту отводится особое место в политическом сознании. Концепты ретранслируют ценности и идеи, к которым обращается президент в своих публичных выступлениях. Исследование концептов политической картины мира способствует пониманию сущности проводимой государством политики, результаты деятельности представителей которой во многом определяют статус, благосостояние и уровень жизни граждан.

Каждому типу дискурса присущи определенные концепты, которые можно назвать дискурсообразующими. Эти концепты становятся актуальными в ключевых знаках дискурса и составляют содержательно-тематическое ядро, формируют семиотическую модель и жанровую структуру того или иного типа дискурса [Шейгал, 2004: 24].

В рамках настоящего исследования концепт как ключевое понятие когнитивной лингвистики рассматривается с лингвокогнитивной и лингвокультурологической точек зрения [Бабушкин, 1996; Карасик 2002; Кубрякова, 2002; Маслова 2004; Попова, Стернин, 2007; Степанов 2004; Vyessonova, 2021]: под концептом понимаем сложную, динамическую, структурно-смысловую, этнически и культурно обусловленную ментальную единицу сознания, которая выступает способом и результатом категоризации знания и имеет вербальное выражение.

Концепт обладает сложной структурой, что неоднократно отмечено в ряде работ лингвистов [Бессонова, 2019; Карасик, 2002; Маслова, 2004; Никитин, 2003; Попова, 2007; Степанов, 2004; Стернин, 2002]. Структура концепта обусловлена структурой действительного мира и отражает результат культурной жизни разных эпох.

Результаты исследования

Изучение публичных выступлений американских президентов позволило выделить контексты, в которых актуализируются ключевые концепты АПД в XX в. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что основу семантического пространства АПД составляют несколько концептов, среди которых универсальными дискурсообразующими являются POLITICS (ПОЛИТИКА), POWER (ВЛАСТЬ), STATE (ГОСУДАРСТВО) и PEOPLE (НАРОД). Анализ интенциональной направленности АПД XX в. позволяет констатировать, что концептуальная метафора (далее – КМ) является самым продуктивным прагматическим средством в исследуемом дискурсе.

Концептуальное моделирование метафорического значения обладает большой объяснительной силой и позволяет анализировать семантику метафоры как языковой феномен, объединяющий весь комплекс лингвистических и экстралингвистических знаний [Липилина, 2001: 126].

При актуализации в сознании концептов на первый план выдвигаются коммуникативная и прагматическая функции метафорического обозначения денотатов. В первом случае метафора не просто актуализирует некий известный концепт, а выполняет коммуникативную задачу – рематизировать, высветить и вывести в фокус сознания определенные стороны, признаки денотата. Во втором она служит для того, чтобы выразить разнообразные прагматические созначения, в том числе оценочные [Никитин, 2002: 262].

Данное исследование направлено на выявление способов убеждения адресата, основанных на использовании метафорической логики.

Взаимосвязь идеологии и ее метафорического воплощения базируется на том факте, что метафора считается важным элементом социальной и политической реальности [Lakoff, 2002: 156]. Освещая и скрывая определенные аспекты явлений действительности, предоставляя им оценку, метафора способна склонять человека к определенной точке зрения, подсказывая способ действий. Иными словами, метафора выступает инструментом идеологического воздействия на человека.

Для исследования ПД особенно перспективным считается такой подход к тропам, прежде всего к метафорам, который был предложен Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson, 1980]. Основные положения концептуального анализа состоят в том, что

метафора относится не к уровню языковой техники, а к уровню мышления и деятельности [Lakoff, Johnson, 1980]. Суть концептуальная метафора (далее КМ) заключается в актуализации одного концепта посредством другого [Lakoff, 1993: 223]. На языковом уровне метафорическая реализация предусматривает сходство импликационалов взаимодействующих концептов и расхождение интенционалов, что относит их к различным предметным сферам [Никитин, 2003: 197-198].

Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знания, которые называют концептуальным референтом и концептуальным коррелятом, сигнификативной и денотативной зонами, донорской и реципиентной зонами, сферой-целью и сферой-источником [Lakoff, 1993]. Несколько коррелятов, которые соотнесены с одним референтом, составляют спектр метафоры [Kovacs, 1995].

В исследовании выделяем метафорические модели на основе общей сферы-цели метафорической экспансии [Баранов, 2018]. Это обратное направление анализа базируется на конкретных текстовых реализациях метафор, которые рассматриваются как исходные для определения структуры метафорической модели. На этом основании установлены метафорические реализации дискурсообразующих концептов в АПД XX ст. При выборе метафор нами учитывались частотность и степень структурированности соответствующих моделей. Анализ концептуальных сфер-источников метафорической экспансии в АПД XX в. показал, что типичными для исследуемого дискурса, наиболее частотными и структурированными являются такие сферы, как СОЦИУМ, ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК: чаще других встречается социоморфная метафора (61%), на долю природоморфной приходится 28%, антропоморфная метафора встречается в 11% случаев. Основные типы КМ, представляющие универсальные дискурсообразующие концепты в АПД XX в. показаны в таблице.

Принимая во внимание данные, приведенные в таблице, следует заметить, что еще в 1902 г. Теодор Рузвельт, создавший себе имидж первого великого американского героя нового столетия, продолжив курс 25-го президента США, Уильяма Мак-Кинли, используя структурную метафору «ПОЛИТИКА – ВОЙНА» в своих публичных выступлениях, акцентировал внимание на том факте, что сложившаяся политическая ситуация в мире усугубляется и не может рассматриваться как нормальная для переговоров и урегулирования международных отношений, а наоборот, способствует усилению конфронтации между мировыми державами:

(1) *As civilization grows **warfare becomes less and less be normal condition of foreign relations*** [Theodore Roosevelt, December 02, 1902].

Таблица. Процентное соотношение основных типов концептуальной метафоры, представляющей универсальные дискурсообразующие концепты в АПД XX в.

Концепт	Метафорическая модель	Частотность употребления в АПД
1	2	3
POLITICS	POLITICS IS POWER (Политика – Власть)	14%
	POLITICS IS WAR (Политика – Война)	12%
	POLITICS IS THEATER (Политика – Театр)	10%
	POLITICS IS BUSINESS (Политика – Бизнес)	9%
	POLITICS IS SPORT (Политика – Спорт)	8%
	POLITICS IS RELIGION (Политика – Религия)	6%
	POLITICS IS GAMBLING (Политика – Азартная игра)	8%
	POLITICS IS GOOD / EVIL (Политика – Добро / Зло)	6%
	POLITICS IS JOURNEY (Политика – Путешествие)	6%
	POLITICS IS CRIME (Политика – Преступление)	2%
	POLITICS IS NATURAL PHENOMENON (Политика – Природная стихия)	4%
	POLITICS IS PLANT (Политика – Мир растений)	4%
	POLITICS IS BEAST (Политика – Мир животных)	6%
	POLITICS IS HUNT (Политика – Охота)	4%
	POLITICS IS SCIENCE (Политика – Наука)	1%
Всего		100%
POWER	POWER IS POLITICS (Власть – Политика)	14%
	POWER IS POSSESSION (Власть – Объект владения)	12%
	POWER IS WISH (Власть – Желание)	11%
	POWER IS TROPHY (Власть – Трофей)	9%
	POWER IS ARTIFACT (Власть – Артефакт)	8%
	POWER IS A HUMAN BEING (Власть – Человек)	7%
	POWER IS CONTAINER (Власть – Контейнер)	5%
	POWER IS GOOD/EVIL (Власть – Добро / Зло)	5%
	POWER IS DESTINATION (Власть – Пункт назначения)	5%
	POWER IS NATURAL PHENOMENON (Власть – Природная стихия)	4%
	POWER IS PLANT (Власть – Мир растений)	3%
	POWER IS BEAST (Власть – Мир животных)	3%
	POWER IS HUNT (Власть – Охота)	2%
	POWER IS SCIENCE (Власть – Наука)	3%
	POWER IS GAMBLING (Власть – Азартная игра)	3%
	POWER IS TREASURE (Власть – Сокровище)	2%
	POWER IS ENERGY (Власть – Энергия)	2,5%
	POWER IS CRIME (Власть – Преступление)	1,5%
Всего		100%

Окончание табл.

1	2	3
STATE	STATE IS A HUMAN BEING (Государство – Живое существо)	28%
	STATE IS MECHANISM (Государство – Механизм)	18%
	STATE IS ARCHITECTURE (Государство – Архитектурное сооружение)	16%
	STATE IS NATURAL PHENOMENON (Государство – Природное явление)	10%
	STATE IS RELIGION (Государство – Религия)	9%
	STATE IS PLANT (Государство – Растение)	8%
	STATE IS ANIMAL WORLD (Государство – Мир животных)	6%
	STATE IS UNIVERSE (Государство – Космос)	3%
	STATE IS GAMBLING (Государство – Азартная игра)	2%
Всего		100%
PEOPLE	PEOPLE ARE FEELINGS AND EMOTIONS (Народ – Чувства и эмоции)	24%
	PEOPLE ARE NATURAL PHENOMENON (Народ – Природная стихия)	22%
	PEOPLE ARE ANIMAL WORLD (Народ – Мир животных)	16%
	PEOPLE ARE PLANTS (Народ – Растение)	15%
	PEOPLE ARE MECHANISMS (Народ – Механизм)	9%
	PEOPLE ARE MONSTERS (Народ – Монстр)	7%
	PEOPLE ARE RELIGION (Народ – Религия)	4%
	PEOPLE ARE UNIVERSE (Народ – Космос)	3%
Всего		100%

Историческая роль США, по мнению 35-го президента Дж. Ф. Кеннеди, состоит в защите демократии, человеческих прав, мира, свободы и порядка, что не мешает адресанту использовать милитарную метафору на фоне традиционной оппозиции для АПД «Свой-Чужой»:

(2) *The world is very different now. For man holds in his mortal hands the **power to abolish all forms of human poverty and all forms of human life**. And yet the same revolutionary beliefs for which our forebears fought are still at issue around the globe – the belief that the **rights of man come not from the generosity of the state but from the hand of God**. We dare not forget today that we are the heirs of that first revolution. Let the word go forth from this time and place, to **friend and foe alike**, that **the torch has been passed to a new generation of Americans** – born in this century, **tempered by war**, disciplined by a hard and bitter **peace**, proud of **our ancient heritage** – and unwilling to witness or permit the slow undoing of those human rights to which this nation has always been committed, and to which **we are committed today at home and around the world** [John F. Kennedy, January 20, 1961].*

Холодная война (Cold War) между СССР и США, не признанная в международно-правовом смысле, представляла собой глобальное геополитическое, военное, экономическое и идеологическое противостояние с 1946 г. до конца 1980-х гг. Одной из главных составляющих конфронтации была идеологическая борьба между двумя сильнейшими державами СССР и США за доминирующее положение в мировом общественном мнении и политической сфере. Внешняя политика Рональда Рейгана (англ. Reagan Doctrine) поддерживала движения, выступающие за свержение просоветских и прокоммунистических режимов в странах третьего мира – в Азии, Африке, Центральной Америке. В результате проводимой политики в Афганистане, Анголе, Никарагуа шли гражданские войны, которые могут рассматриваться как опосредованные войны в рамках холодной войны. Таким образом, большинство речей Р. Рейгана, правление которого приходится на 80-е годы XX ст. (20.01.1981–20.01.1989) содержат милитарную метафору как средство достижения интенции, а именно убеждение аудитории в правоте и необходимости проводимой страной международной политики, идущей на конфронтацию с противниками.

(3) *When we met in Detroit in that summer of 1980, it was a summer of **discontent for America around the world. Our national defense had been so weakened, the Soviet Union had begun to engage in reckless aggression, including the invasion and occupation of Afghanistan. The U.S. response to that was to forbid our athletes to participate in the 1980 Olympics and to try to pull the rug out from under our farmers with a grain and soybean embargo. And in those years, on any given day, we had military aircraft that couldn't fly for lack of spare parts and ships that couldn't leave port for the same reason or for lack of a crew*** [Ronald Reagan, August 15, 1988].

Выводы

АПД XX в. как целостное образование выступает в виде определенного, т. е. построенного по определенному образцу комплексного речевого действия. Включение исторической перспективы в анализ данного вида дискурса отражает динамическую природу, обусловленную функционированием этого образования в определенном обществе и его спецификой прагматического контекста устно-повествовательного речевого жанра. Выделение в АПД институционального детерминирует значимость функционирования личности во власти, способной создавать и воспринимать тексты, которые отличаются разной степенью структурно-языковой сложности, глубины и точности отражения действительности при определенной целевой направленности.

Интенция борьбы за власть или ее удержание – это специфическая характеристика АПД, которая постоянно присутствует во всех его жанрах. В АПД язык рассматривается

как средство осуществления социальной власти, как средство формирования, а не выражения мировоззрения. Идеологическая направленность высказывания заключается в том, что политический деятель актуализирует в тексте свою систему ценностей, оценок информации, которые он излагает или, в ряде случаев, «навязывает» получателю текста.

В интенциональном аспекте одной из наиболее значимых особенностей АПД XX в. является его метафоричность, представленная двумя ведущими моделями КМ: структурной и онтологической. В данном виде дискурса метафоры проявляют себя как мощные эмоциональные побудители к действию и как средство прагматического воздействия с целью категоризации мира политики и изменения картины мира граждан страны и мирового сообщества. Представленные типы КМ являются как средством формирования у адресата необходимого адресанту эмоционального состояния и мировосприятия, преобразования имеющейся в сознании адресата политической картины мира, так и средством побуждения его к определенным поступкам и действиям в социальной и политической сферах.

В корпусе выявленных метафор исходными сферами-источниками являются СОЦИУМ, ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК; количественный анализ материала свидетельствует о преобладании социоморфной метафоры. Приоритетность вышеуказанной метафоры для актуализации универсальных дискурсообразующих концептов POLITICS (ПОЛИТИКА), POWER (ВЛАСТЬ), STATE (ГОСУДАРСТВО) и PEOPLE (НАРОД) в АПД XX в. можно объяснить тем, что данный вид метафоры включает в себя огромное множество важных метафорических моделей, которые дают представление о доминировании определенных стереотипных мыслей американского языкового сообщества о существующих явлениях, субъектах и объектах политики, государства и власти, а также тем, что социоморфная метафора является неотъемлемым инструментом системы речевого воздействия, благодаря которому происходит взаимодействие языка, политики и общественного сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. 104 с.
2. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга. 2018. Доступ: <http://evartist.narod.ru>. (дата обращения: 02.09.2021).
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. Москва: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
4. Бессонова О. Л. Концепты, обозначающие эмоции удовольствия – неудовольствия, в структуре оценочного тезауруса английского языка // Мир. Человек. Язык. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. С. 12-20.
5. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование

социального взаимодействия. Москва: Прогресс, 1987. С. 88-125.

6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477с.

7. Каримова Б. С. Жанровое пространство политического дискурса // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия филологическая. Алматы, 2006. № 2 (92). С. 37-41.

8. Кубрякова Е. С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Reality, Language and Mind: An International Book of Research Reports. Tambov: Tambov University Press, 2002. Iss. 2. P. 2-13.

9. Липилина Л. А. Концептуальное моделирование метафорического значения // Когнитивнопрагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. С. 121-128.

10. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистеме, 2004. 256 с.

11. Никитин М. В. Метафора: уподобление vs интеграция концептов // С любовью к языку: сб. науч. трудов посвящается Е. С. Кубряковой. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. С. 255-270.

12. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ, 2003. 277 с.

13. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Академический проект, 2004. 991 с.

15. Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002. 190 с.

16. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации // Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2003. 248 с.

17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис, 2004. 326 с.

18. Byessonova O. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community // The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries: Collective monograph / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarína Žeňuchová. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. P. 259-284.

19. Dijk T.A., van The study of discourse // Discourse studies: A multi-disciplinary introduction: In 2 vol. / Ed. by T. A. van Dijk. L., etc. Sage, 1997. Vol. 1.: Discourse as structurer and process. P. 1-34.

20. Kovacs Z. American friendship and the scope of metaphor // Cognitive Linguistics. 1995. Vol. 6. № 4. P. 23-45.

21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 Pp.

22. Lakoff G. The metaphor system and its role in grammar // CLS 29: What We Think, What We Mean, and How we Say It: Papers from the Parasession on the Correspondence of Conceptual, semantic and Grammatical Representations. 1993. Vol. 2. P. 217-241.

23. Lakoff G. Moral Politics. How Liberals and Conservatives Think. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2002. 471 P.

24. Langacker R. A view of linguistic semantics // Current issues in linguistic theory. Topics in Cognitive Linguistics. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 49-90.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Kennedy John F. Inaugural Address, 20 January 1961. Доступ: <https://millercenter.org/>

the-presidency/presidential-speeches/january-20-1961-inaugural-address. (дата обращения: 01.09.2021).

2. Reagan Ronald. Farewell Address at the Republican National Convention, 15 August 1988. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-15-1988-farewell-address-republican-national-convention>. (дата обращения: 01.09.2021).

3. Roosevelt Theodore. Second Annual Message, 2 December 1902. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1902-second-annual-message>. (дата обращения: 08.08.2021).

REFERENCES

1. Babushkin, A. P. (1996). *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of concepts in lexico-phraseological semantics of the language]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta. (In Russ.).

2. Baranov, A. N. (2018). *Politicheskaya metaforika publitsisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa* [Political metaphors in publicistic text: linguistic monitoring capabilities]. Available at: <http://evartist.narod.ru>. (accessed: 02.09.2021). (In Russ.).

3. Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. (1994). *Slovar russkikh politicheskikh metaphor* [Dictionary of Russian Political Metaphors]. Moskva: Pomovskii i partnery. (In Russ.).

4. Bessonova, O. L. (2019). Kontsepty, oboznachayushchie emotsii udovol'stviya – neudovol'stviya, v strukture otsenochного tezaurusa angliyskogo yazyka [Concepts of emotions of pleasure-displeasure in the English evaluative thesaurus]. In *Mir. Chelovek. Yazyk*. Vladimir: Izd-vo VIGU. Pp. 12-20. (In Russ.).

5. Blakar, R. M. (1987). Yazyk kak instrument sotsialnoy vlasti [Language as an instrument of social power]. In *Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya*. Moskva: Progress. Pp. 88-125. (In Russ.).

6. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).

7. Karimova, B.S. (2006). Zhanrovoe prostranstvo politicheskogo diskursa [Genre space of political discourse]. In *Vestnik Kazakhskogo natsionalnogo universiteta im. al-Farabi. Seriya filologicheskaya*. Almaty. No. 2 (92). Pp. 37-41. (In Russ.).

8. Kubryakova, E.S. (2002). O sovremennom ponimanii termina «kontsept» v lingvistike i kulturologii [On the modern understanding of the term «concept» in linguistics and cultural studies]. In *Reality, Language and Mind: An International Book of Research Reports*. Tambov: Tambov University Press. Iss. 2. Pp. 2-13. (In Russ.).

9. Lipilina, L. A. (2001) Kontseptualnoe modelirovanie metaforicheskogo znacheniya [Conceptual modeling of metaphorical meaning]. In *Kognitivnopragmaticheskie aspekty lingvisticheskikh issledovaniy*. Kaliningrad: Izd-vo KGU. Pp. 121-128. (In Russ.).

10. Maslova, V. A. (2004). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk: TetraSisteme. (In Russ.).

11. Nikitin, M. V. (2002) Metafora: upodoblenie vs integratsiya kontseptov [Metaphor: Assimilation vs Concept Integration]. In *S lyubovyu k yazyku: sb. nauch. trudov posvyashchaetsya E. S. Kubryakovoy*. Moskva-Voronezh: IYa RAN, VGU. Pp. 255-270. (In Russ.).

12. Nikitin, M. V. (2003). *Osnovaniya kognitivnoi semantiki* [Foundations of cognitive semantics]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU. (In Russ.).

13. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moskva: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.).

14. Stepanov, Yu. S. (2004). *Konstanty: slovar russkoy kultury* [Constants: a dictionary of Russian culture]. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva: Akademicheskiiy proekt. (In Russ.).

15. Sternin, I. A. (2002). *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh. (In Russ.).

16. Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaya mozayka v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphore pazzle in modern political communication]. In *Uralskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet*. Ekaterinburg. (In Russ.).

17. Sheigal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moskva. (In Russ.).

18. Bessonova, O. (2021). Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. In *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries: Collective monograph* / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University. Pp. 259-284. (In Russ.).

19. Dijk, T. A., van (1997). The study of discourse. In *Discourse studies: A multi-disciplinary introduction*: In 2 vol. / Ed. by T.A. van Dijk. L., etc. Sage. Vol. 1.: Discourse as structurer and process. Pp.1-34.

20. Kovacs, Z. (1995). American friendship and the scope of metaphor. In *Cognitive Linguistics*. Vol. 6. No. 4. Pp. 23-45.

21. Lakoff, G., Johnson M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.

22. Lakoff, G. (1993). The metaphor system and its role in grammar. In *CLS 29: What We Think, What We Mean, and How we Say It: Papers from the Parasession on the Correspondence of Conceptual, semantic and Grammatical Representations*. Vol. 2. Pp. 217-241.

23. Lakoff, G. (2002). *Moral Politics. How Liberals and Conservatives Think*. Chicago: Univ. of Chicago Press.

24. Langacker, R. (1988). A view of linguistic semantics. In *Current issues in linguistic theory. Topics in Cognitive Linguistics*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Pp. 49-90.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Kennedy, John F. Inaugural Address, 20 January 1961. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1961-inaugural-address>. (accessed: 01.09.2021).

2. Reagan, Ronald. Farewell Address at the Republican National Convention, 15 August 1988. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-15-1988-farewell-address-republican-national-convention>. (accessed: 01.09.2021).

3. Roosevelt, Theodore. Second Annual Message, 2 December 1902. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1902-second-annual-message>. (accessed: 08.08.2021).

Фатьянова Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии
(e-mail: irafatianova@mail.ru)
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Fatyanova Irina V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of English Philology Department
(e-mail: irafatianova@mail.ru)
State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 26 августа 2021 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'42:811.133.1'01

© 2021 С. Е. Кремзикова

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ ЕДИНИЦ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ С УЧЕТОМ СТРУКТУРНО- СЕМАНТИЧЕСКИХ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В статье рассматриваются методы и приемы моделирования комплексных словообразовательных единиц – словообразовательных типов и продуктивных словообразовательных рядов как основных единиц вербализации деятельности ситуаций вырабатывающих и обрабатывающих действий в старофранцузский период.

Анализируются когнитивные механизмы концептуальной интеграции, обеспечивающие появление в системе языка вторичных номинативных единиц, образование парадигматических проекций, а также реализация их творческого потенциала в дискурсе.

Ключевые слова: *комплексная словообразовательная единица, многозвенный словообразовательный ряд, деятельностьная ситуация, дискурс, старофранцузский период.*

© 2021 S. Ye. Kremzikova

MODELING COMPLEX WORD-BUILDING UNITS IN TERMS OF STRUCTURAL, SEMANTIC AND CONCEPTUAL LINKS OF THEIR ELEMENTS IN HISTORICAL CONTEXT

The article concerns itself with the methods and techniques for modeling complex word-building units. Derivational types and productive derivational series as the basic units of activity situations verbalization connected with agricultural actions in the Old French period have been analyzed.

The cognitive mechanisms of conceptual integration ensuring the appearance of secondary nominative units in the language system have been considered. The formation of paradigmatic projections as well as the realization of their creative potential in the discourse has been investigated.

Key words: *complex derivational units, multilink derivational series, activity situation, discourse, Old French period.*

Заметными вехами в развитии современной лингвистической мысли стали исследования отечественных и зарубежных ученых, основанные на принципах деятельностно-антропоцентрического подхода, который постулирует изучение языка в тесной связи с человеком, его действиями, мышлением и культурой. В выражении национальной специфики языка и культуры особое место занимает словообразование, десигнативный аспект семантики которого отражает связи и отношения между предметами и процессами реального мира.

В исследованиях второй половины XX и первых десятилетий XXI века представлены теоретические предпосылки, принципы и методики словообразовательного анализа [Лопатин, Улуханов, 1982; Улуханов, 2012; Marchand, 1966; Guilbert, 1971], решаются проблемы словообразовательного макро моделирования, в частности, комплексных словообразовательных единиц [Земская, 1992; Лопатин, Улуханов, 1982; Тихонов, 1985]. В работах ученых этого направления представлен опыт структурно-семантического моделирования парадигмы как комплексной единицы словообразования на материале разноструктурных языков [Араева 1990; Бузашиова, 1987; Guilbert, 1975, Štekauer, 2014], на материале французского языка – моделирование многозвенных словообразовательных рядов. Структурируются словообразовательные типы, гнезда и парадигмы на базе производных единиц русского языка, включая литературный язык, его разговорную разновидность и русские народные говоры [Араева, 2009; Тихонов, 1985]. В работах последнего времени словообразовательная категоризация рассматривается как процесс познавательной лингвокреативной деятельности человека, как средство упорядочивания и отбора знаний о фактах действительности в ментальном пространстве человека [Абросимова, 2015; Вендина, 2002; Ирисханова, 2004]. Е. С. Кубрякова отмечает подлинно когнитивную природу номинативной функции словообразования – функции «ословливания и означивания мира», так как она «связана с выделением и фиксацией средствами словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира» [Кубрякова, 2004: 407].

В области исторического словообразования в конце XX – начале XXI века исследования словообразовательных единиц как комплексных явлений на различных этапах развития языка и цивилизации проводятся с применением новых подходов, характеризующихся поиском механизмов структурирования и функционирования разных видов знания, закодированных в языковых единицах и представленных словообразовательными моделями. Пропозициональный анализ древнерусских приставочных глаголов в условиях их текстового функционирования позволил автору выделить набор выражаемых префиксальными глаголами пропозиций-ситуатем [Дементьянова, 2013]; пропозициональная основа формирования префиксальных глаголов рассмотрена на материале французского и португальского языков [Балакин, 2016]. Проанализирована система словопроизводства существительных со значением собирательности, зафиксированная памятниками древнеанглийского языка [Темникова, 2011]; рассмотрены состав и системная (полевая)

организация словообразовательной категории и словообразовательных типов абстрактных имен в готском и древнеисландском языках [Новицкая, 2015].

В монографиях последнего десятилетия построены модели деятельностных ситуаций на принципах пропозициональности, отражающей суть денотативной ситуации через реализацию продуктивных многозвенных словообразовательных рядов и словообразовательных типов, исследована их роль в создании парадигматических проекций в дискурсах старофранцузского периода [Кремзикова, 2010]; разработана методика реконструкции и описания древневерхненемецких словообразовательных типов отвлеченных имен [Пименова, 2011]; С. И. Иорданиди в книге «Очерки по русскому историческому словообразованию» [Иорданиди, 2018] рассматривает семантическое преобразование в диахронии отглагольных словообразовательных типов.

Весомый вклад в развитие исторического словообразования внесли ученые Донецкого национального университета. Под руководством профессора В. Д. Калиущенко, основателя научной школы «Германистика, типология, сопоставительная лингвистика», проводятся исследования в области контрастивной и исторической лингвистики, словообразовательной типологии, семантики и прагматики [Kaliuščenko, 2000, 2013], выполнен ряд докторских и серия кандидатских диссертаций. Диахроническая линия в изучении германских словообразовательных средств продолжена в докторской диссертации Л. Н. Ягуповой, где исследование функциональной лингвогеографической вариативности системы префиксальных существительных в средневерхненемецких диалектах проведено с использованием методики корпусной лингвистики [Jagupova, 2013].

Как следует из обзора работ, основные проблемы изучения словообразования в XXI веке связаны с пониманием того, что структурно-системная лингвистика является базой когнитивно-дискурсивной научной парадигмы, что позволяет выявить и объяснить не отмеченные ранее языковые факты пропозиционально-словообразовательной синонимии, пропозиционально обусловленной мотивации, пропозиционально-фреймового устройства комплексных словообразовательных единиц: словообразовательного типа, гнезда, многозвенного словообразовательного ряда [Араева 1990, 2009; Балакин, 2016; Ирисханова, 2004]. Таким образом, сфера лингвистических изысканий исторического характера в современном измерении значительно расширилась, интересы сместились со структурного описания языка на исследование того исторического контекста, в котором речь развивается и функционирует, где, как считают ученые, «... постоянно происходит обмен между структурой и событием» [Рикер, 2002: 121], а процесс создания лексем

толкуется как стадия общего процесса трансформации, который, по мнению Луи Гильбера, выступает «генератором порождения фраз в дискурсе» [Guilbert, 1975: 129].

Современная теория языковой концептуализации и категоризации в рамках антропоцентрического направления дала толчок к рассмотрению лексики, маркированной словообразовательно, как такой, которая отражает культурно-историческую специфику языка, указывает на связи между единицами языка и культурно значимыми концептами. В таком понимании комплексные словообразовательные единицы рассматриваются не только как регулярно повторяемая совокупность лексем, но и как разветвленная база данных, которая выполняет функцию сохранения информации определенных структур знаний конкретного исторического периода.

В исследованиях, посвященных проблеме поиска национального своеобразия, которое определяется на словообразовательном уровне через соотношение элементов картины мира в специфике словообразовательных связей, в семантике словообразовательных моделей, подчеркивается, что вся совокупность деятельности человека находит свое отражение в языке не только в номинациях глаголом как процессуальной языковой единицы, но и именами действия и деятеля, в номинациях которых на первый план выдвигается субстанциональный характер человеческой сущности [Вендина, 2002; Земская, 1992; Ирисханова, 2004; Cusin-Berche, 1994; Guilbert, 1975; Kremzykova, 2015].

Целью настоящего исследования является изучение лингвокреативных механизмов концептуальной интеграции, обеспечивающих появление в системе языка вторичных слов, формирующих комплексные словообразовательные единства (словообразовательные типы, многозвенные словообразовательные ряды, словообразовательные категории), а также реализацию их творческого потенциала в дискурсивной деятельности в качестве репрезентантов ситуаций, которые вербализуются в дискурсах старофранцузского периода.

Исследование ориентировано на анализ средств вербализации ситуаций с целью адекватного описания и объяснения динамических процессов старофранцузского периода в их языковой репрезентации, а именно: установление параметров моделирования деятельностной ситуации как лингвокогнитивной единицы дискурсивного измерения и описание особенностей ее репрезентации в совокупности (категориального, когнитивного, коммуникативного, словообразовательного) аспектов. По определению Т. Ван Дейка ситуационные модели являются формой представления личного опыта человека. Если дискурс дает представление о людях, об их свойствах и отношениях, о событиях или действиях, о предметах, то есть о некотором фрагменте мира, который соотносится с

ситуацией, то модель «представляет собой когнитивный коррелят такой ситуации: это то, что происходит в уме человека, когда он является наблюдателем или участником ситуации, когда он слышит или читает о ней» [Ван Дейк, 1989: 68].

Изучение словообразовательных моделей в определенной историко-культурной парадигме связано с описанием процессов словообразовательной категоризации действительности и определяется следующими основными проблемными факторами: изучением производного слова как единицы текста, что предполагает выявление различного типа корреляций, в которых участвуют производные данных моделей, а также двойственной природой словообразовательных процессов, которые на диахронном срезе в эксплицитной форме отражают когнитивные механизмы и принципы осуществления дискурсивной деятельности, присущие определенному языковому сообществу, а на синхронном срезе когнитивно-языковые характеристики как социума, так и конкретной языковой личности. Дискурс, определяемый как закрепленное в языковом пространстве повторяющееся функционально-смысловое единство коммуникативных ситуаций и речевых актов, представляет свой собственный языковой уровень и соответствующие структуры и формы [Bourbelo, 2005], характеризуется временным измерением, а также общими принципами и условиями формирования [Foucault, 1969: 39], содержит культурные коды эпохи, все то, что необходимо для его понимания и оценки.

Различным дискурсам соответствуют определенные ситуации, в которых эти дискурсы реализуются. Известно, что язык каждой эпохи отражает определенный способ восприятия мира, представленный системой взглядов его носителей. В этой системе находит свое выражение картина мира, ее концептосфера. Концепты, реализованные при помощи производной лексики, являются частью языковой картины мира, так как лексика, маркированная словообразовательно, позволяет выявить культурно-историческую специфику языка, а также связи между единицами языка и культурно значимыми концептами. Проблема, которую предстоит решить, касается того, какие факторы влияют на образование производных единиц, каким образом словообразовательная система языка участвует в репрезентации концептов определенного социально-культурного пространства, какие когнитивные механизмы задействованы в реализации моделей деятельностных ситуаций как составляющих определенных типов дискурса в их парадигматических и синтагматических измерениях.

В настоящем исследовании представлена концепция лингвокреативной (деятельностной) ситуации как универсальная категория, которая охватывает лексическую семантику, грамматические и словообразовательные категории, взаимодействует с

категориями текста и дискурса. Такая ситуация рассматривается как лингвокогнитивная модель определенной онтологической ситуации, формулы которой на концептуальном уровне отражают характер связи между объектами реального мира. Она представляет собой функциональную аппроксимацию, идеализацию объекта, исходя из многогранной природы языковых явлений, их семантики, структуры, взаимодействия с другими единицами категоризации, функционированием в речи [Кремзикова, 2010; 2017].

Глагол, как одна из основных составляющих системы языка и как центральный элемент реализации ситуации, сосредоточивает смысловые разновидности признака – действие, процесс, состояние, характеризуется наиболее полным инвентарем грамматических категорий.

Когнитивная модель ситуации деятельности, которую отражает семантика глагола, включает основные компоненты: «тот, кто выполняет действие», «деятельность», «инструмент или средство», «объект, на который направлено действие», «цель действия», «результат действия». Вербализованная ситуация, как представляется, включает не только ментальный, смысловой компонент, но и формальный, структурный (рассматривается ее устройство в двух планах: синтагматических предложений и парадигматических проекций), не только как элементов внутренней структуры, но и как конструктивных составляющих в организации определенного типа дискурса. Таким образом, модель деятельности ситуации представляет узел отношений, который организует языковые единицы в синтагматическом и парадигматическом планах, делает возможным существование широкой глубинной сети взаимоотношений, которая на поверхностном уровне дискурса отражает эти отношения в виде семантически и формально связанных рядов слов [Кремзикова, 2010].

Исходя из того, что вербализованная денотативная ситуация отражает определенную сферу действия, можно представить ее как состоящую из нескольких сегментов (эпизодов). Поскольку сегментированность деятельности ситуации обусловливается действиями и процессами динамического характера, денотатами которых можно выделить отдельные фазы, актуализирующие иное значение, чем значения предыдущих, то такие сегменты могут рассматриваться как отдельные ситуации. Схематически ее можно представить следующим образом:

$$ДС = \Pi / \Phi^1 (A^1, a^2 \dots) > \Pi / \Phi^2 (A^1, a^2 \dots) > \Pi / \Phi^* (A^1, a^2 \dots)$$

Вербализованная деятельность ситуация (ДС) реализуется в синтаксическом плане, формируя сферу действия, выразителем каждого акта (сегмента) которой является

предикат (П), олицетворяющий функцию (Ф) центра отношений, а также обусловленные им актанты (A¹, A²), которые называют участников ситуации.

Развитие деятельностной ситуации в парадигматическом плане представлено следующей моделью:

S A = P/F ¹ = V ¹ --- (A ¹ , A ²)	P/F ² = V ² --- (A ¹ , A ²)	»P/F* = V* --- (A ¹ , A ²)
-NAc ¹ /	-NAc ² /	-NAc*
-NAg ¹ /	-NAg ² /	-NAg*
-P.pas. ¹ /	-P.pas. ² /	-P.pas*
-P.pr. ¹ /	-P.pr. ² /	-P.pr.*
-Adj. ¹ /	-Adj. ² /	-Adj.*

(SA – situation actionnelle; P – predicat, F – fonction, V – Verbe; participants essentiels: A¹ – actant¹, A² – actant² / NAc. – Nom d'action, NAg – Nom d'Agent; – participants facultatifs de la situation – P.pas., P.pr., Adj.).

Семантическое содержание модели ситуации, прежде всего ее семантико-синтаксическая валентность, зависит от двух факторов: 1) от числа и характера актантов ситуации, которые определяют базовое слово; 2) от числа и характера глубинно-синтаксических актантов. Актанты ситуации определяются семантическим описанием ситуации и лексикографическим толкованием соответствующего слова.

В парадигматическом измерении деятельностная ситуация разворачивается через сеть единиц, связанных друг с другом различного типа отношениями, в частности: 1) формальной и семантической мотивации (в виде словообразовательных типов, многозвенных словообразовательных рядов, словообразовательных категорий); 2) синонимии, антонимии, паронимии, которые проявляются на уровне тематических классов слов, устанавливая связи между репрезентантами ситуации. Примером реализации таких сетей в дискурсах старофранцузского периода служат деятельностные ситуации, вербализующие концепт «земледелие».

Исходя из наличия у глаголов родственных общих сем «обрабатывать землю», «выращивать урожай», выводится семантический индекс, который формулируется как «осуществлять определенные действия на земле с целью получения урожая». Эту группу составляют лексемы, имеющие общее значение 'обрабатывать землю': *arer* 'пахать', *ahaner* 'обрабатывать землю', 'тяжело работать'; *labourer* 'пахать', 'обрабатывать землю'; *gaignier* 'обрабатывать землю', 'выращивать урожай', *renguiller* 'сеять'; *cotiver* / *coltiver* 'выращивать', 'обрабатывать землю'. А также мотивированные существительными глаголы, называющие действия специализированного характера: *charuer* 'пахать' от *charue* 'плуг'; *blaier* 'сеять' от *blaie* 'пшеница'; *hercier* 'боронить' от *herce* 'борона'; *aouster* 'жать', 'собирать урожай' от *aost* 'август'. Наиболее регулярным многозвенным

словообразовательным рядом в старофранцузский период является отглагольный ряд веерного типа с образованиями на: *-age*, *-eor*, *-able*.

Таблица 1. Многозвенный словообразовательный ряд обрабатывающего с/х действия в старофранцузский период

V	--- N ¹ Ac.-age	--- N ² Ag.-eor	--- Adj.-able
<i>arer</i>	--- <i>arage</i>	--- <i>areor</i>	--- <i>arable</i>
<i>ahaner</i>	--- <i>ahanage</i>	--- <i>ahaneor</i>	--- <i>ahanable</i>
<i>laborer</i>	--- <i>laborage</i>	--- <i>laboreor</i>	--- <i>laborable</i>
<i>cotiver</i>	--- <i>cotivage</i>	--- <i>cotiveor</i>	--- <i>cotivable</i>
<i>gaaignier</i>	--- <i>gaaigniage</i>	--- <i>gaaignieor</i>	--- <i>gaaigniable</i>

Анализ показал, что этот ряд наиболее регулярно функционирует в деловом дискурсе: хартиях, уставах, предписаниях, отдельные звенья которого реализуются и в других типах дискурса. Например:

(1) «*Il doivent le terre **ahaner** a leur coust, et avoir le moitie de **l'ahenage** pour leur waegnaige*» [Cart. Noir de Corbie. Richel, Gdf.1: 173];

(2) «*Toutez fois que noz chevaulx de labeur yront pour repaistre en ladicte maison en mars ou en **ahanisons***» [Reg. du chap. de S.-J. DeJerus. Gdf. I];

(3) «*Tere **ahanable***» [Chartes d'Aire, Wailly, Gdf. 1: 172];

(4) «*Cil **arerent** ki voldrent, ki volt semer sema*» [Rou, 2-e, p. 717. Gdf. I];

(5) «*Li tiers des **arages** de Broci*» [Asprem. I, 17];

(6) «*Devront et paieront lesdiz habitans audit seigneur autant d'**araige** comme de denre, de toutes labours de charrue qu'il feront es bans et finage ...*» [Ord. V. I, 631. Gdf. I];

(7) «*Por iceste grant genz paene Fu en esfrei la crestiene: Li marcheant **gaaigneor** E li vilain **laboreor***» [Chron. DN, II, 3073];

(8) «*La terre ert mult fructifiable Et totes parz bien **gaaignable***» [Brut, ms. Munich., XII s. Gdf.4].

Таким образом, концептуальное поле 'земледелие' формируют словообразовательные ряды, мотивированные глаголами обрабатывающего действия *arer*, *ahaner*, *laborer*, *cotiver*, *gaaignier*, *renguiller*, которые вербализируют деятельностьную ситуацию, реализуя дополнительные словообразовательные значения:

– опредмеченное действие: *gaaign-age*, *cotiv-age*, *labor-age*, *ahan-age* 'вспашка, обработка земли';

– субъект действия: *gaaign-eor*, *ar-eor*, *labor-eor*, *ahan-eor*, *cotiv-eor* 'земледелец';

– результат физического действия: *gaaingn-erie*, *ahan-ure*, *ar-ee* 'пахота', 'вспаханная земля';

– продукт как результат действия: *gaaigne* ‘продукт земледелия’, ‘зерно’; *gaaign-ee* ‘зерно’, ‘урожай’; *renguillage* ‘семена’;

– признак действия или признак объекта: *gaaign-able*, *cotiv-able*, *labor-able*, *ahan-able* ‘пахотный’, ‘плодородный’.

Кроме того, компонентами концептуального поля являются и факультативные участники деятельностной ситуации обрабатывающего действия, производные имена, реализующие значения времени действия, места действия, времени года, налога на урожай: *ahan-ison* ‘пора вспашки’; *gaaing* ‘пора сбора урожая’, ‘осень’; *gaaign-erie* ‘хутор’, ‘ферма’; *ar-age* ‘сельская местность’; *gaaign-age*, *ar-age*, *ahan-age* ‘налог на результат действия (урожай)’. Словообразовательные ряды, вербализаторы концептуального поля «земледелие» в старофранцузский период, реализуют типичную деятельностную ситуацию этого периода.

Ситуации ‘обрабатывающего’ и ремесленного действия, которые вербализируются в деловом дискурсе (реестрах, уставах ремесленников, долговых книгах, предписаниях), в разновидностях художественного дискурса (городской поэзии, поэтических списках), в эпическом, куртуазном, историческом дискурсе старофранцузского периода, включают различный состав участников. Поскольку модель включает личное знание, которое находится в распоряжении людей относительно определенной ситуации, и это знание является результатом предыдущего опыта, который накапливается в процессе столкновения с подобными ситуациями, такая информация необходима для того, чтобы планировать действия, выполнять их определенным образом и понимать, что делают другие в подобных ситуациях. Каждая новая информация об определенной ситуации может быть использована для расширения и совершенствования модели. Кроме того, модели могут включать знания о ситуации, имеющие личный характер, хотя часть информации, которой они располагают, может использоваться и другими людьми, целыми социальными группами, то есть знание ситуации может быть в большей или меньшей степени уникальным или общим, в большей или меньшей степени личным или социальным [Ван Дейк, 1989: 69]. Структурная организация такой ситуации зависит от определенного типа дискурса. Так, наибольшая регулярность в реализации позиций когнитивной модели обрабатывающего действия характерна для делового типа дискурса. В этих рядах продуктивным является звено опредмеченного действия / его результата (от 3 до 5 производных), например:

V Coltiver---N-age, *coltivage ---N'-ement*, *coltivement -N²-ëure*, *coltivëure*, *-N*-oison*; *coltivoison*, *N-ance cotivance*; *-N³-eor*, *coutiveor*; *-Adj.-able*, *cultivable*.

Многозвенный ряд типа *V-er/-ir/-re ---N¹-ø; N¹-ement,---N²-eor; ---N³-ard; ---Adj.-able* реализует модель ситуации обрабатывающего и ремесленного действия в различных типах дискурса. Кроме делового, неполные ряды функционируют и в эпическом, куртуазном, историческом дискурсах. Нередки примеры корреляции производных на *-age / -ement; -age / -ement / -erie* в рамках одного и того же ряда. В таких случаях производные реализуют различные оттенки словообразовательного значения и занимают разные ступени ряда.

Любая предметная ситуация может когнитивно интерпретироваться в акте речевой деятельности. Подобный акт референции делает ситуацию объектом дискурсивного действия. В любом дискурсе происходит прямая или косвенная репрезентация структуры референтной ситуации: дается описание объектов и отношений присущих данной ситуации приписыванием определенных признаков объектам и отношениям.

Изучение функционирования словообразовательных моделей в дискурсах определенного исторического периода предполагает выявление различного типа корреляций, в которых участвуют производные этих моделей, соответственно пропозициональной основе вербализируемой ситуации. Примером могут служить ситуации ремесленного производственного действия. Анализ материала показал, что продуктивным многозвенным рядом, вербализирующим деятельностьную ситуацию в сфере ремесленного производства является ряд ***V-er,-ir,-re---N^{Ac}-age / -ement; ---N^{Rés} / Loc.-erie; ---N^{Ag}-eor / -eresse; ---Adj.-able***, в структуре которого реализуется позиция «ремесло как результат действия» ***N^{Rés} / -erie***, а также звено агента действия женского рода ***N^{Ag}-eresse***.

Таблица 2. Многозвенный словообразовательный ряд производственного (ремесленного) действия в старофранцузский период

<i>V-er/-ir/-re</i>	<i>---N^{Ac}-age/-ement; ---N^{Rés} -erie;</i>	<i>-N^{Ag}-eor/-eresse;</i>	<i>---Adj.-able</i>
<i>mesurer</i>	<i>mesurage</i>	<i>measureor</i>	<i>mesurable</i>
<i>lister</i>	<i>listage</i>	<i>listeor</i>	<i>listable</i>
<i>Referir</i>	<i>referage</i>	<i>refereor</i>	<i>referable</i>
<i>tendre</i>	<i>tendage / tendement / tenderie</i>	<i>tendeor</i>	<i>tendable</i>
<i>jaujer</i>	<i>jaujerie</i>	<i>jaujeor</i>	<i>jaujable</i>
<i>orbatre</i>	<i>orbaterie</i>	<i>orbateor</i>	<i>orbatable</i>

Отмечена конкуренция производных имен действия с суффиксами ***-age / -ement***, которые, являясь словообразовательными синонимами, актуализировали различные аспекты опредмеченного действия в конкретной деятельностиной ситуации. Например, производное ***tendage*** называет конкретное действие прикрепления / натягивания на раму

изделия из полотна (сукна) для дальнейшей обработки, тогда как *tendement* представляет действие прикрепления как отвлеченное понятие:

NAc-age ---N *tendage* (action de tendre aux rames)

1) V-re- ---NAc-ement ---N *tendement* (action de tendre les draps)

tendre --- N Rés-erie ---N *tenderie* (métier de tendeur de draps)

(*étendre*) ---NAg-eor ---N *tendeor* / *eresse*(ouvrier / ère chargé / e de tendre les draps)

---Adj.-able ---Adj. *tendable* (qu'on peut tendre)

«Ouvrier **tend** les draps --- il fait l'action de *tendement*; il est *tendant* les draps --- il est *tendeor* de draps; les draps qui sont **tendus** par l'ouvrier, sont *tendables*».

(9) «Dou, 1285-87; Maroie des Lices dist sour son sierrement ke se mere, Sare des Lices, ki jadis fu, siervi signeur Jehan **en tendages** par 12 ans uplus» [La draperie médiévale, p. 195].

(10) «Item qu'il ne soit nulz... dudit **mestier de tenderie**, qui puist d'or en avant mettre... asselettes es monstres des draps retrais et retondus» [Arch. Tournai, Gdf. 7].

(11) «Li bans des **tendreurs** en lice. On fait le ban que nus **tenderes maistres** ne soit si hardis...» [1262, Arch. muni. Douai, Gdf.7].

2) V-er --- NAc-age--- N *listage* (action de faire des bordures)

Lister---NAg-eor --- N *listeor* / -*eresse* (ouvrier / -ière qui fait la lisière des draps)

(faire des bordures)

---Adj.-able ---Adj. *listable* (soumis à l'action de listage)

(12) «Dou, 1250: li **eswardeur** de Compaigne et li **listeur** de Douay ont **eswarde** par commun asens des marchans et **des listeurs** pour le grand damage que li marchant ont eu et ont encore pour endroit de **listage**, que nous listeres ne puist drap **lister** k'il n'i ait 2 tilles noeves outre en outre le drap a l'endroit et a l'enviers» [La draperie médiévale].

3) V-ir ---NAc-age---N² *referage* (action à marquer les draps)

referir --- NAg-eor--- N³ *refereor* (officier qui marque les draps)

(marquer)---Adj.-able --- Adj. *Referable* (qui peut être marqué)

(13) «Fermier du **refreaige** pour **referir** les draps de la ville» [Arch. Tournai, Gdf. 6].

(14) «Pour le gravage de deux fers. Est assavoir l'un aux **refreers**, et l'autre aux sargeurs de ladite ville» [Arch. Tournai, Gdf. 6].

4) V-er ---NAc -age ---N¹ *apareillage* (action d'apprêter)

apareiller ---N²Rés-ement ---N² *apareillement* (ornement)

---NAg/-eor ---N³ *apareilleor* (chargé de l'apareillage)

(15) «Pour l'**apareillage** de XI., draps» [Arch. Tournai, Gdf. 1].

(16) «Et que maistres ne varles ne puist tondre par lui seul, pour ce que nulz ne puist bien

apareiller un drap seul» [La draperie médiévale].

5) V-er ---N_{Ac}/Rés -erie ---N¹jaujerie

V/ jaujer ---N_{Ag}/-eor ---N²jaujeor

(17) «Quiconques est **jaujeura** Paris, il doit jurer pardevant le prevost devant dit que le mestier de **jaujerief**era bien et loiaument a son pooir» [Livre des mestiers. Part. I. P. 27].

(18) «Nus jaujeur ne puet ne ne doit prendre de un tonnel **jaujier** quelque li tonniar soit petit ou grans, que I j deniers» [Livre des mestiers. Part. I. P. 27].

6) V-re- - N-erie -N¹orbaterie

V/orbatre - N-eor -N²orbateor/orbaterresse

(19) «Les**batteurs d'oretd'argent à filer** (titre XXXI), après **avoir battu** le métal, l'éтираient et le découpaient en fil, à l'usage des étoffes et des broderies d'or. Les **batteursd'or et d'argent enfeuilles** (titre XXIII) réduisaient le métal **battu** en lames ou en feuilles, en vue de l'ornement de meubles ou d'objets» [E. Boil., Livredesmestiers, 1. P. IV].

Информационная организация дискурса основывается на непосредственной связи с единицами деятельной ситуации, которые формируются на уровне дискурсивной памяти и реализуются синтаксическими, лексическими, словообразовательными способами. Анализ, проведенный на материале старофранцузского делового дискурса, показал, что в системе отглагольного словообразования функционируют разноструктурные многозвенные словообразовательные ряды. Глаголы с лексико-семантическим вариантом 'работать, обрабатывать, изготавливать, выполнять физические действия' мотивируют ряд однотипных производных существительных с регулярным набором аффиксов (суффиксами -age, -eor) и прилагательного с суффиксом -able. Продуктивным в этот период является ряд V-er,-ir,-re---N_{Ac}-ement; ---NRés-erie; ---N_{Ag} -eor; ---Adj-able, вербализирующий деятельностьную ситуацию в сфере ремесленного производства, где каждый участник выполняет определенную роль, которая задается пропозициональной моделью ситуации. Изучение функционирования словообразовательных моделей в дискурсах старофранцузского периода позволило выявить структурно различные типы корреляций продуктивных образований, организующих микросистемы – многозвенные словообразовательные ряды, которые выступали вербализаторами конкретной социально и культурно значимой деятельностьной ситуации. Подтверждается тезис о том, что устойчивость, повторяемость словообразовательных механизмов является одной из форм культурной памяти, а словообразовательно маркируется лишь то, что социально или культурно значимо в сознании народа [Вендина, 2002: 44]. Можно констатировать, что

деловой тип дискурса характеризуется повышенным вниманием к продуктивному виду деятельности людей с учетом всех участников ее реализации. Отглагольные словообразовательные ряды, которые вербализуют производственную деятельностьную ситуацию, демонстрируют наибольшую заполненность своих звеньев серией соответствующих номинаций.

Таким образом, применение метода лингвокогнитивного моделирования к старофранцузскому словообразованию позволяет: 1) упорядочить множество производных слов по совокупности общих структурно-семантических признаков в классы или типы; 2) выявить дифференциальные признаки этих классов; 3) определить аспекты (поля) их функционирования; 4) обнаружить регулярные словообразовательные связи между единицами различных классов (словообразовательных типов) в рамках многозвенных словообразовательных рядов; 5) установить продуктивные лингвистические модели для данного исторического периода. Это дает возможность установить базовые концепты деятельности в старофранцузский период, определить специфику отглагольных многозвенных рядов в процессе вербализации типичных для старофранцузского периода деятельностьных ситуаций, что указывает на их онтологическую соотнесенность со структурой деятельности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова Л. С. Словообразовательная категоризация в языковой картине мира (на материале отсоматической лексики английского языка) дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19; 10.02.04. Ростов-на-Дону, 2015. 425 с.
2. Араева Л. А. Парадигматические отношения на словообразовательном уровне. Кемерово: КеМГУ, 1990. 78 с.
3. Араева Л. А. Словообразовательный тип. Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. 272 с.
4. Балакин С. В. Пропозициональная основа формирования префиксальных глаголов во французском и португальском языках // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6. Доступ: [http://web/snauka.ru/issues/2016/06/69436](http://web.snauka.ru/issues/2016/06/69436). (дата обращения: 05.09.2021).
5. Бузашиова К. Возможности и границы моделирования на уровне словообразовательных парадигм // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Москва: Наука, 1987. С. 14-19.
6. Вендина Т. И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. Москва, 2002. № 4. С. 42-72.
7. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Москва: Прогресс, 1989. 310 с.
8. Дементьянова А. М. Полиситуативный анализ локативных значений в древнерусском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Кемерово, 2013. 160 с.
9. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. Москва: Наука, 1992. 220 с.
10. Иорданиди С. И. Очерки по русскому историческому словообразованию. Семантическое преобразование отглагольных словообразовательных типов. BeauBassin, LAMBERT Academic Publishing, 2018. 127 с.
11. Ирисханова О. К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные

имена. Москва: ВТИИ, 2004. 352 с.

12. Кремзикова С. Ю. Словотвір та дискурс: діяльнісні ситуації у старофранцузькій мові. Київ : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2010. 512 с.

13. Кремзикова С. Е. Деятельностная ситуация как единица описания языковой картины мира в дискурсе (на материале старофранцузского периода) // Мир человека в пространстве языка. Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. Вып. 13. С. 291-300.

14. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.

15. Кубрякова Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Сер. Литература и язык. 2006. Т. 65. № 2. С. 3-14.

16. Лопатин В. В., Улуханов И. С. Основные понятия морфемики // Русская грамматика. Москва: Наука, 1982. Т. 1. С. 123-143.

17. Новицкая И. В. Словообразовательная синонимия в древнегерманских языках (на материале готского, древнеисландского и древневерхненемецкого языков) // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 70-89.

18. Пименова М. Б. Древневерхненемецкие словообразовательные типы отвлеченных имен (реконструкция системных отношений). Москва: Языки славянских культур, 2011. 504 с.

19. Рікер П. Сам як інший. 2 вид. Київ: Дух і Літера, 2002. 458 с.

20. Темникова И. Г. Основные словообразовательные модели лично-собирательных существительных в древнеанглийском языке // Актуальные проблемы современного словообразования. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. С. 251-254.

21. Тихонов А. Н. Основные понятия русского словообразования // Словообразовательный словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1985. Т. 1. С. 18-50.

22. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Москва: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. 264 с. (Лингвистическое наследие XX века).

23. Benveniste E. Mécanismes de transposition // Problèmes de linguistique générale. Paris: Gallimard, 1974. Т. II. P. 113-125.

24. Bourbello V. Introduction à la discoursologie historique: l'ancien français. Kyiv: Université de Kyiv, 2005. 100 p.

25. Corbin D. Morphologie dérivationnelle et structuration du lexique. Tübingen: Niemeyer, 1987. Vol. 1. 512 p.

26. Cusin-Berche F. L'agent peut-il verbaliser l'acteur? Actualisation discursive et potentialités linguistiques // Langue française. Larousse, 1994. № 103. P. 80-90.

27. Foucault M. L'archéologie du savoir. Gallimard, 1969. 288 p.

28. Guilbert L. De la formation des unités lexicales // Grand Larousse de la langue française. Paris: Larousse, 1971. Т. 1. P. IX-LXXXI.

29. Guilbert L. La créativité lexicale. Paris: Larousse, 1975. 286 p.

30. Iagupova Larysa. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit *ge-* im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193 (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik 1).

31. Kaliuščenko V. Die Nominationstypologie eines Begriffs // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 2013. S. 13-18. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik 1).

32. Kaliuščenko V. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S.

(Linguistische Arbeiten; 419).

33. Kremzykova S. Typologie derivationnelle des noms d'action en ancien français et ancien allemand // *Comparatio delectat II. Akten der VII. Internationalen Arbeitstagung zum romanisch-deutschen und innerromanischen Sprachvergleich*, Innsbruck, 6.-8. September 2012 (InnTrans). Frankfurt/M. et al.: Peter Lang, 2015. S. 355-369.

34. Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation: A synchronic-diachronic approach. University of Alabama Press, 1966. 379 p.

35. Štekauer Pavol. «Derivational Paradigms» // *The Oxford Handbook of Derivational Morphology*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 354-369.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Boileau E. Règlement sur les arts et métiers de Paris au XIII-e siècle (avant 1268). Paris: Depping, 1837. 474 p.

2. Chron D. N. Benoît de Saint-Maure. Chronique des Ducs de Normandie / Benoît de Saint-Maure. Publiée d'après le manuscrit de Tours avec les variantes du manuscrit de Londres, XII-XIII s. Genève, 1951. T. I. 630 p.; 1954. T. II. 642 p.

3. De Poerck G. La draperie médiévale en Flandre et en Artois. Technique et Terminologie (avant 1400). Tempelhof: BRUGGE, 1951. T. I. 341 p.; T. II. 234 p.

4. Gdf.: Godefroy Frédéric. (1881-1902). Le Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX-e au XV-e siècle. Paris: Vieweg. T. I-X. Var. p.

5. La Chanson d'Aspremont. Chanson de geste du XII-e siècle. Texte du manuscrit de Wellaton Hall édité par Louis Brandin. T. 1-2. Paris: Champion, 1923. T. I. 208 p.; T. II. 211 p.

6. Wace Rou (1971-1973). Le roman de Rou de Wace / Publ. par A. J. Holden. T. 1-3. Paris: Picard. Доступ: <http://www.uhb.fr/alc/medieval/index.htm>. (дата обращения: 10.09.2021).

REFERENCES

1. Abrosimova, L. S. (2015). *Slovoobrazovatel'naya kategorizatsiya v yazykovoy kartine mira (na materiale otsomaticheskoy leksiki angliyskogo yazyka)* [Word-building categorization in linguistic world-image (based on the somatic lexicon of the English language)]. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19; 10.02.04. Rostov-on-Don. (In Russ.).

2. Arayeva, L. A. (1990). *Paradigmaticheskie otnosheniya na slovoobrazovatel'nom urovne* [Paradigmatic relations at the word-formation level]. Kemerovo: KemGU. (In Russ.).

3. Araeva, L. A. (2009). *Slovoobrazovatel'nyy tip* [Derivative type]. Moskva: LIBROKOM. (In Russ.).

4. Balakin, S. V. (2016). Propozitsional'naya osnova formirovaniya prefiksalnykh glagolov vo frantsuzskom i portugalskom yazykakh [Propositional basis for the formation of prefixal verbs in French and Portuguese]. In *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 2016. No. 6. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2016/06/69436>. (accessed: 05.09.2021).

5. Buzashiova, K. (1987). Vozmozhnosti i granitsy modelirovaniya na urovne slovoobrazovatel'nykh paradigm [Possibilities and boundaries of modeling at the level of derivational paradigms]. In *Sopostavitel'noye izucheniye slovoobrazovaniya slavyanskikh yazykov*. Moskva: Nauka. Pp. 14-19. (In Russ.).

6. Vendina, T. I. (2002). Slovoobrazovanie kak istochnik rekonstruktsii yazykovogo soznaniya [Word formation as a source of reconstruction of linguistic consciousness]. In *Voprosy yazykoznanii*. Moskva. No. 4. Pp. 42-72. (In Russ.).

7. Deyk van T. A. (1989). *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moskva: Progress. (In Russ.).

8. Dementyanova, A. M. (2013). *Polisituativnyy analiz lokativnykh znacheniy v drevnerusskom yazyke* [Polysituational analysis of locative meanings in the Old Russian language]: diss. ... kand. nauk: 10.02.01. Kemerovo. (In Russ.).

9. Zemskaya, E. A. (1992). *Slovoobrazovaniye kak deyatelnost* [Word-building as an

activity]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

10. Iordanidi, S. I. (2018). *Ocherki po russkomu istoricheskomu slovoobrazovaniiu. Semanticheskoye preobrazovanie otglagolnykh slovoobrazovatelnykh tipov* [Essays on Russian historical word formation. Semantic transformation of verbal word-formation types]. Beau Bassin, LAMBERT Academic Publishing. (In Russ.).

11. Iriskhanova, O. (2004). *O lingvokreativnoy deyatelnosti cheloveka: otglagolnye imena* [On the linguocreative activity of a human: deverbal names]. Moskva. (In Russ.).

12. Kremzykova, S. Yu. (2010). *Slovotvir ta dyskurs: diyalnisni sytuatsiyi u starofrantsuzkiy movi* [Word formation and discourse: activity situations in Old French]. Kyiv: Vydavnychyy Dim Dmytra Buraho. (In Ukr.).

13. Kremzykova, S. Ye. (2017). Deyatelnostnaya situatsiya kak edinita opisaniya yazykovoy kartiny mira v diskurse (na materiale starofrantsuzskogo perioda) [Activity situation as a descriptive unit of linguistic world-image in discourse (based on the Old French period)]. In *Mir cheloveka v prostranstve yazyka. Seriya «Kontseptualnyy i lingvalnyy miry»*. Sankt-Peterburg: SPbGEU. Vyp. 13. Pp. 291-300. (In Russ.).

14. Kubryakova, Ye. S. (2004). *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Language and knowledge. On the way of obtaining knowledge about the language: parts of speech from a cognitive point of view]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultur. (In Russ.).

15. Kubryakova, Ye. S. (2006). Obrazy mira v soznanii cheloveka i slovoobrazovatelnye kategorii kak ikh sostavlyayushchie [Images of the world in the cognition of a person and word-formation categories as their components]. In *Izvestiya RAN. Ser. Literatura i yazyk*. T. 65. No. 2. (In Russ.).

16. Lopatin, V. V., Ulukhanov, I. S. (1982). Osnovnye ponyatiya morfemiki [Basic concepts of morphemics]. In *Russkaya grammatika*. Moskva: Nauka. T. 1. Pp. 123-143. (In Russ.).

17. Novitskaya, I. V. (2015). Slovoobrazovatel'naya sinonimiya v drevnegermanskikh yazykakh (na materiale got'skogo, drevneislandskogo i drevneverkhnenemetskogo yazykov) [Word-formation synonymy in ancient Germanic languages (based on the Gothic, Old Icelandic and Old High German languages)]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 3. Pp. 70-89. (In Russ.).

18. Pimenova, M. V. (2011). *Drevneverkhnenemetskie slovoobrazovatelnye tipy otvlechennykh imen (rekonstruktsiya sistemnykh otnosheniy)* [Old High German word-formative types of abstract names (reconstruction of system relations)]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).

19. Riker, P. (2002). *Sam yak inshyy* [Himself as another]. 2 vyd. Kyiv: Dukh i Litera. (In Ukr.).

20. Temnikova, I. G. (2011). Osnovnye slovoobrazovatelnye modeli lichno-sobiratelnykh sushchestvitelnykh v drevneangliyskom yazyke [Basic word-formation models of personal-collective nouns in Old English]. In *Aktualnye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya*. Kemerovo: Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet. Pp. 251-254. (In Russ.).

21. Tikhonov, A. N. (1985). Osnovnye ponyatiya russkogo slovoobrazovaniya [Basic concepts of Russian word-formation]. In *Slovoobrazovatelnyy slovar russkogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk. T. 1. Pp. 18-50. (In Russ.).

22. Ulukhanov, I. S. *Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printsipy ee opisaniya* [Word-formation semantics in the Russian language and its descriptive principles]. Moskva: Knizhnyy dom LIBROKOM. (Lingvisticheskoye nasledie XX veka). (In Russ.).

23. Benveniste, E. (1974). Mécanismes de transposition. In *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard, T. II. Pp. 113-125.

24. Bourbelo, V. (2005). *Introduction à la discoursologie historique: l'ancien français*. Kyiv: Université de Kyiv.

25. Corbin, D. (1987). *Morphologie dérivationnelle et structuration du lexique*. Tübingen: Niemeyer. Vol. 1.
26. Cusin-Berche, F. (1994). L'agent peut-il verbaliser l'acteur? Actualisation discursive et potentialités linguistiques. In *Langue française*. Paris: Larousse. No. 103. Pp. 80-90.
27. Foucault, M. (1969). *L'archéologie du savoir*. Gallimard.
28. Guilbert, L. (1971). De la formation des unités lexicales. In *Grand Larousse de la langue française*. Paris: Larousse. T. 1. Pp. IX-LXXXI.
29. Guilbert, L. (1975). *La créativité lexicale*. Paris: Larousse.
30. Iagupova, Larysa. (2013). Idiomaticisierte Präfixsubstantive mit *ge-* im Mittelhochdeutschen. In *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, S. 183-193 (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik 1).
31. Kaliuščenko, V. (2000). *Typologie denominaler Verben*. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten; 419).
32. Kaliuščenko, V. (2013). Die Nominationstypologie eines Begriffs. In *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang. S. 13-18. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik 1).
33. Kremzykova, S. (2015). Typologie dérivationnelle des noms d'action en ancien français et en ancien allemand. In *Comparatio delectat II. Akten der VII. Internationalen Arbeitstagung zum romanisch-deutschen und innerromanischen Sprachvergleich*, Innsbruck, 6.-8. September 2012 (InnTrans). Frankfurt/M. et al.: Peter Lang. S. 355-369.
34. Marchand, H. (1966). *The categories and types of present-day English word-formation: A synchronic-diachronic approach*. University of Alabama Press.
35. Štekauer, Pavol. (2014). «Derivational Paradigms». In *The Oxford Handbook of Derivational Morphology*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 354-369.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Boileau, E. (1837). *Règlement sur les arts et métiers de Paris au XIII-e siècle (avant 1268)*. Paris: Depping.
2. Chron, D. N. (1951, 1954). *Benoît de Saint-Maure. Chronique des Ducs de Normandie / Benoît de Saint-Maure. Publiée d'après le manuscrit de Tours avec les variantes du manuscrit de Londres, XII-XIII s.* Genève, T. I. T. II.
3. De Poerck, G. (1951). *La draperie médiévale en Flandre et en Artois. Technique et Terminologie (avant 1400)*. Tempelhof: BRUGGE, T. I. T. II.
4. Gdf.: Godefroy Frédéric. (1881-1902). *Le Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX-e au XV-e siècle*. Paris: Vieweg. T. I-X. Var. p.
5. *La Chanson d'Aspremont*. Chanson de geste du XII-e siècle. Texte du manuscrit de Wellaton Hall édité par Louis Brandin. T. 1-2. Paris: Champion, 1923. T. I. T. II.
6. Wace Rou (1971-1973). Le roman de Rou de Wace / Publ. par A. J. Holden. T. 1-3. Paris: Picard. Available at: <http://www.uhb.fr/alc/medieval/index.htm>. (accessed: 10.09.2021).

Кремзикова Светлана Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии (e-mail: svetlana-kremzikova@rambler.ru)
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Kremzikova Svetlana Ye. – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Romanic Philology Department (e-mail: svetlana-kremzikova@rambler.ru),
Educational Institution of Higher State Professional Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 10 сентября 2021 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'373

© 2021 А. Д. Бакина

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ)

В статье обсуждаются вопросы, связанные с проблемой перевода фразеологических единиц библейской этимологии, функционирующих в текстах медийного дискурса. Рассматриваются проблемы, с которыми может столкнуться переводчик при переводе библейских фразеологических единиц как интертекстуальных элементов, к которым относятся отсутствие перевода претекста или его неузнаваемость, утрата смысла при переводе. Также были выделены некоторые приемы, которые наиболее часто используются при переводе фразеологических единиц библейской этимологии: заимствование из других переводов, переводческие комментарии, замена на другой интертекстуальный элемент.

Ключевые слова: библейская фразеология, фразеологизм библейского происхождения, библеизм, медиатекст, прагматика перевода, способы перевода.

© 2021 A. D. Bakina

PRAGMATICS OF BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS TRANSLATION (BASED ON MEDIATEXTS)

The article focuses on the issues related to the translation of biblical phraseological units, functioning in media discourse texts. The challenges a translator may face when dealing with biblical phraseological units as intertextual elements including the lack of pretext translation, its unrecognizability, loss of meaning in translation have been analyzed. Besides, some productive techniques of translating biblical phraseological units, such as: translation borrowings, translation comments, replacement with another intertextual element have been considered.

Key words: biblical phraseology, phraseological units of biblical origin, biblicism, mediatext, translation pragmatics, translation methods.

1. Введение

Библейская фразеология сегодня – это активно развивающийся и разрабатываемый раздел общей фразеологии, который находится в исследовательском фокусе современных лингвистов-фразеологов и изучается в рамках когнитивно-дискурсивного описания фразеологических единиц, семантико-прагматического и функционально-коммуникативного подходов, а также с учетом новейших исследований в области лингвостилистики и фразеографии (См. также [Федуленкова, Бечина, 2011]).

Будучи древнейшим литературным памятником, переведенным на множество языков, Священное писание служит праисточником ставших крылатыми выражений, воспроизводимых во множестве новых контекстов. Библейскими фразеологическими

единицами (далее БФЕ) мы называем восходящие к Библии как своему первоисточнику устойчивые сочетания, а именно словосочетания и предложения. Эти единицы уникальны по своей специфике как в отношении их плана выражения, имеется в виду разнообразие структурных типов исследуемых единиц, так и их плана содержания, обуславливающего особый семантический функционал. «Все более очевидным становится тот факт, что Библия служит не только объектом историко-литературных и философских исследований, но и живейшим, мощным стимулом развития языка <...>» [Федуленкова, 2019: 109].

Наличие многообразия функций БФЕ объясняется фактом неразрывной связи с источником, их породившим, и обуславливает частотное использование БФЕ в текстах различных жанров [Федуленкова, 2014]. Ср., например, «анализ функционального пространства английских фразеологизмов библейской этимологии показывает, что БФЕ – это особенный пласт фразеологии, который играет значительную роль в современном английском языке, обладая устойчивым рядом определенных функций. Без библеизмов не могут существовать многие художественные тексты, пресса, песни, потому как они сообщают тексту особый посыл и делают его выразительнее и ярче» [Федуленкова, 2016: 37].

2. Основная часть

2.1. Библейские фразеологизмы через призму теории интертекстуальности.

В современном мире при переводе очень сложно передать все многообразие смыслов медийного текста. Перевод часто становится интерпретацией. Переводчик всегда стоит перед выбором – какими элементами «пожертвовать», а какие нельзя «потерять» ни при каких условиях. Когда переводчик сталкивается с воспроизводимыми устойчивыми сочетаниями, восходящими к какому-либо конкретному текстовому источнику, в первую очередь, ему необходимо найти прототекст и определить его доминирующую функцию. Кроме того, переводчику необходимо иметь широкий кругозор, чтобы идентифицировать такие сочетания в тексте, иначе они могут быть вовсе не переданы при переводе. На этом этапе перед переводчиком стоит задача полностью осмыслить интертекстуализм и осознать его в системе исходного языка и исходной культуры. В этом отношении примечательным оказывается тот факт, что одним из активно развивающихся подходов к исследованию фразеологических единиц библейской этимологии является их аналитико-контекстуальное описание с позиции теории интертекстуальности [Кристева, 2004].

На этапе синтеза переводчик берет во внимание критерии репрезентативности. Он решает, сможет ли он полностью сохранить интертекстуальный элемент в тексте перевода, т.е. передать в самой ткани произведения содержание, стиль, намерения автора при выборе этого интертекстуализма. Если он понимает, что сделать этого не может, ему

нужно выбрать, какие переводческие приемы использовать, чтобы не потерять важные компоненты смысла.

Попытки создания общей классификации интертекстуальных элементов предпринимались неоднократно в работах различных исследователей и внесли большой вклад в развитие теории интертекстуальности. Однако, очевидно, что в силу многогранности этого явления невозможно создать общую классификацию интертекстуальных элементов, которая бы отражала все их аспекты.

Выявить закономерности перевода интертекстуализмов, систематизировать используемые при этом приемы перевода, а также оптимизировать алгоритм действий переводчика оказывается невозможным. В этом и заключается главная сложность перевода интертекстуальных элементов.

М. В. Вербицкая и А. А. Гусева в своей статье о категориальном подходе к переводу интертекстуальных элементов рассматривают три категории интертекстуализмов:

- 1) категория известности прототекста (текста, на который ссылается автор);
- 2) категория доминантной функции интертекстуального элемента;
- 3) категория уровня функционирования интертекстуального элемента [Вербицкая, Гусева, 2009].

Первая категория крайне важна для перевода. Переводчик должен понимать, узнают ли читатели тот или иной интертекстуальный элемент. Если нет, то переводчик должен адаптировать текст перевода и снабдить его переводческим комментарием.

Прототекст может:

- 1) быть общеизвестным (например, цитаты из Шекспира и Библии);
- 2) быть неузнанным, по причине принадлежности к другой культуре или другой эпохе;
- 3) иметь очень узкую известность (специальная литература) [там же].

Однако ни один текст не выполняет одну единственную функцию. Вместо этого, в каждом речевом сообщении представлена иерархия таких функций, где доминантная функция влияет на всю его структуру.

Как известно, перевод любого текста должен находиться на том же лингвостилистическом уровне, что и оригинал. Поэтому категория уровня функционирования интертекстуализма важна для процесса перевода. Особенно важно, не упустить интертекстуализмы, используемые на метасемиотическом уровне, иначе можно потерять огромный пласт смысла текста. Если это оказывается невозможным, необходимо предоставить переводческий комментарий.

Г. В. Денисова считает, что переводной текст должен образовывать новое «третье» интертекстуальное пространство, когда сталкивается с другими семантическими пространствами [Денисова, 2003].

Для создания качественного перевода переводчик выступает как исследователь текста. В первую очередь, он устанавливает связь между текстами, далее пытается наиболее точно передать их при переводе. Идеальным считается перевод, при котором переводчик полностью повторяет интертекстуальность автора, только на другом языке. Все, что хотел передать автор, передается посредством использования уже существующих переводов претекстов. Такой подход является наиболее удачным, так как данные переводы обладают тем же или почти тем же набором смыслов, что и оригинал.

Однако, при данном подходе переводчик может столкнуться со следующими трудностями:

- 1) отсутствие перевода претекста;
- 2) недоступность перевода претекста для переводчика;
- 3) устаревший язык перевода претекста, неподходящий новому контексту, комплекс смыслов в существующем переводе.

Какое бы решение ни принял бы переводчик для перевода интертекстуального элемента – выбор из нескольких переводов претекста, самостоятельный перевод, введение переводческого комментария – ему необходимо подходить к этой задаче творчески. С учетом вышеизложенного, мы можем выделить следующие приемы передачи интертекстуальных элементов: заимствование из существующего перевода претекста; заимствование из текста-посредника, в котором присутствует перевод данного интертекстуального элемента; заимствование из предшествующего перевода оригинала; введение переводческого комментария с целью повышения читательской компетенции. Выбор приема зависит от выбранной стратегии переводчика. Они могут быть больше ориентированы на читателя и его удобство или на наибольшую близость к оригиналу и авторской идее.

Дальнейшее изучение переводческой интертекстуальности может включать в себя разработку адекватной для переводчика классификации интертекстуальных элементов, разработку стратегий перевода различных типов интертекстуальных элементов, классификацию переводческих трудностей при переводе интертекстуальных элементов и т. п.

2.2. Лингвоспецифика медиадискурса. Средства массовой информации нацелены на огромную и разнообразную аудиторию, чье внимание они должны привлечь и удержать. Кроме этого, они должны донести главную информацию сжато и быстро,

оказать определенное эмоциональное воздействие на читателя и соответствовать публицистическому стилю.

Можно выделить следующие характеристики газеты:

- 1) лаконичность и экономия языковых средств, краткость изложения при содержательной насыщенности;
- 2) выбор языковых средств с целью их четкого понимания;
- 3) использование общественно-политической лексики и фразеологии, изменение терминологической лексики для доступности ее понимания;
- 4) использование типичных для данного стиля речевых стереотипов, устойчивых сочетаний;
- 5) разнообразие жанров и, в связи с этим, стилистическое использование языковых средств: многозначность слова, словообразовательные ресурсы (авторские неологизмы), эмоционально-выразительная лексика;
- 6) использование знаков публицистического стиля с элементами других стилей (научного, официально-делового, литературно-художественного, разговорного), обусловленного разнообразием тематики и жанров;
- 7) использование изобразительных и выразительных средств языка, например, средств стилистического синтаксиса (риторические вопросы и восклицания, параллелизм построения, повторы, инверсия и т. д.).

Заголовок газеты – это первое, что видит читатель, определяя, будет ли он тратить свое время на чтение данной статьи. Заголовок должен не только передать главную мысль произведения, но и уметь увлечь, заинтересовать. Заголовок также является выразителем авторского мнения по обсуждаемому вопросу. По заголовку можно понять мнение автора или редакции на проблему. Поэтому, можно с уверенностью сказать, что заголовок имеет огромное значение и обладает стилистически сильной позицией.

Среди функций газетных заголовков можно выделить следующие: обозначаящая; указательная; рекламная; коммуникативная (сообщает о предмете); аппелятивная (или воздействующая); экспрессивная (передает личность автора); графически-выделительная [Вомперский, 1966].

Для заголовков рассмотренных русскоязычных статей характерны информативная, оценочная и воздействующая функции, однако нередко встречаются эмоциональная и графически-выделительная.

Для корректного перевода заголовка СМИ переводчик должен быть знаком с

основными характеристиками заголовков англоязычных СМИ.

Во-первых, англоязычные заголовки содержат в себе лексические единицы, которые могут вызвать трудности у переводчика:

- 1) игра слов или устойчивые лексические единицы – после распознавания такой единицы переводчик должен выбрать аналог в языке перевода, т. е. в русском языке, с учетом грамматики и стилистики заголовка на исходном языке, т. е. на английском языке;
- 2) сокращение – чаще всего существует эквивалент, но иногда переводчику приходится разъяснять и заменять сокращения;
- 3) смешение литературного и разговорного языка – в русском языке можно использовать более нейтральные слова взамен резким разговорным;
- 4) арго и жаргоны языка СМИ – для этого переводчику нужно уметь их распознавать и знать эквиваленты на русском.

Грамматические черты в заголовках СМИ:

- 1) изменения в глагольных формах – передача будущего времени при помощи инфинитивной формы и употребление настоящего неопределенного времени, когда имеется в виду ближайшее прошедшее действие;
- 2) эллипсис – если это не меняет смысла, то опускаются: артикль, сказуемое, подлежащие (но остается глагольное сказуемое).

Стилистические характеристики заголовков:

- 1) экспрессивность;
- 2) разговорно-фамильярный тон – это привычно для английских читателей, однако в России существует более сдержанная традиция публицистики;
- 3) лаконичность – более сокращенные, чем в русском;
- 4) ярусная структура заголовка – вторая часть заголовка раскрывает первую.

Таким образом, «золотым» правилом перевода заголовка может служить следующее: переводить его на основе информации, контекста и полного текста сообщения, при этом нужно помнить, что «в центре внимания оказываются приемы психологического воздействия, основанные на стереотипах широкой аудитории» [Хабекирова, Адзинова, 2014].

2.3. Перевод заголовков, содержащих БФЕ. Выше мы уже отмечали функциональную универсальность русско- и англоязычных библейских фразеологизмов, заключающуюся в способности «насыщать» тексты любых жанров. Особенно ярко это качество проявляется в заглавиях современной медийной периодики. Ср.: «Библия в англоговорящих странах также постоянно используется как источник заголовков статей» [Федуленкова, 2016: 36].

В стремлении снабдить свои тексты яркими образами путем частотного употребления фразеологических единиц библейского происхождения современные журналисты нередко прибегают к модификации библеизмов. Использование трансформированных окказиональных фразеологических единиц в текстах медийного дискурса является вполне оправданным, поскольку они обладают еще большей выразительностью, оценочностью, вызывая определенные ассоциации у читателя, и моментально приковывают к себе его внимание [Ияс, 2012]. В большинстве случаев модификации фразеологизмов применяются авторами для актуализации своей авторской позиции (именно в заголовках), выражения их интенции и сопровождаются изменением (расширением / сужением) значения [Шустова, 2020: 122].

На основе вышеизложенного предлагаем алгоритм перевода интертекстуальных элементов, реализованных в форме БФЕ, в газетных заголовках:

1) *обнаружить БФЕ*: самый сложный этап, так как если у переводчика недостаточно экстралингвистических знаний, единица может быть не распознана и не переведена вовсе;

2) *найти источник БФЕ*: это необходимо для того, чтобы понять какого эффекта пытался добиться автор, используя этот элемент;

3) *найти существующий в переводном языке эквивалент*: однако, чтобы его использовать, *должны быть соблюдены следующие условия*: а) эквивалент должен вызывать такую же реакцию, как и оригинал; б) он должен подходить под контекст статьи; в) степень известности источника БФЕ как прецедентного феномена в культуре принимающего языка должна совпадать;

4) если эквивалент невозможно использовать, то *необходимо прибегнуть к следующим приемам*:

– эксплицитный перевод скрытого значения БФЕ при возможном сохранении экспрессивности и стиля оригинала;

– подбор средства иной природы;

5) *необходимо учесть все характеристики и различия английских и русских газетных заголовков* и перевести в соответствии.

Рассмотрим библейские фразеологизмы и газетные заголовки, содержащие их. В качестве «популярных», активно используемых в прессе БФЕ, могут выступать следующие: *to bear one's cross* 'нести свой крест', *to condemn oneself out of one's mouth* 'самому осудить себя', *to escape by the skin of one's teeth* 'еле-еле спастись', *to kill the fatted*

calf ‘заклать упитанного тельца’, *to cast pearls before swine* ‘метать бисер перед свиньями’, *to cast bread upon waters* ‘делать добро, не рассчитывая на благодарность’, *to live on the fat of the land* ‘жить в роскоши, припеваючи’, *to keep as the apples of somebody’s eye* ‘хранить как зеницу ока’, *to worship the golden calf* ‘поклоняться золотому тельцу’, *to touch the ark* ‘осквернять’, *the apple of Sodom* ‘красивый, но гнилой плод’, *Whatever man sows, that shall he reap* ‘что посеешь, то и пожнешь’, *forbidden fruit* ‘запретный плод’, *Job’s comforter* ‘горе-утешитель’, *Juda’s kiss* ‘поцелуй Иуды’, *a prodigal son* ‘блудный сын’, *a drop in the bucket* ‘капля в море’, *loaves and fishes* ‘земные блага’, *Alpha and Omega* ‘Альфа и Омега’, *the salt of the Earth* ‘соль земли’ [Адамия, 2019; Федуленкова, 2008].

Для иллюстрирования обсуждаемых положений предлагаем к анализу и переводу следующие газетные заголовки, взятые из таких источников, как *The Times*, *The Guardian*, *The New York Times*, *SkyNews*:

1) «*Forbidden fruit: Estate agent helped himself to pear crop*» [*The New York Times*, 14.08.2015].

В статье рассказывается о риелторе, который собрал все груши в саду дома, который он показывал потенциальным покупателям.

БФЕ *forbidden fruit* рус. ‘запретный плод’ означает что-то ‘недозволенное, недоступное, а потому особенно заманчивое’. Для перевода возможно использовать эквивалент в ПЯ. В заголовке присутствует игра слов, так как риелтор украл плоды фруктов, а именно груш.

Вариант перевода:

1. «Запретный плод сладок: риелтор угостился грушами клиентов». Для перевода производится целостное преобразование, уточнение.

2. «Объелся груш: как риэлтор обокрал клиентов». Во втором варианте перевода предлагаем заменить библеизм на русский афоризм ‘муж объелся груш’, но в сокращенном варианте (хоть и значение у фразы другое). Так сохранится колорит, так как в статье риелтор украл именно груши. При переводе производится модуляция.

2) «*Bungling Italian authorities turn water into wine*» [*Thetimes.co.uk*, 2008].

В статье идет речь об аварии на винном заводе, из-за которой вино попало в городской водопровод, и из кранов текло вино вместо воды.

В заголовке можно заметить игру слов с использованием БФЕ *turn water into wine*, которая обозначает ‘претворить воду в вино’. Это отсылка к первому из семи чудес Христа.

Вариант перевода:

«Итальянское чудо: как из кранов потекло вино». При переводе производится модуляция. БФЕ предлагается опустить.

3) «*President Obama's Eleventh-Hour Conservation Efforts*» [The New York Times, 14.08.2015].

Статья посвящена указам о сохранении дикой природы в штате Айдахо, которые подписал президент Барак Обама в конце своего президентского срока.

БФЕ *at eleventh hour* обозначает 'в последнюю минуту'. Первоначально это выражение относилось к притче Иисуса о рабочих, нанятых в конце дня для работы в винограднике, в которой рабочие, нанятые в одиннадцатый час двенадцатичасового рабочего дня, получали столько же заработной платы, сколько и те, кто начинал работать в первый час.

Так как данная фраза не очень распространена в нашем языке, предлагаем опустить данную аллюзию.

Вариант перевода:

«Президент Обама решил напоследок спасти дикую природу». При переводе была применена модуляция.

4) «*No Sonny Bill, 'six again' rule and the return of a prodigal son: Super League is back*» [The Times, 08.10.2020].

Статья посвящена возвращению Суперлиги, чемпионата США по регби, после длительного перерыва в связи с пандемией коронавируса. В статье идет речь о возвращении в команду Джеймса Грэма.

В заголовке используется выражение *the return of a prodigal son* (рус. возвращение блудного сына), которое является хорошо известным русскоговорящим читателям. 'Блудный сын' – человек, который уходит из дома, чтобы вести расточительную жизнь, но позже возвращается с раскаянием домой. Предлагаем использовать эквивалент в ПЯ.

Вариант перевода:

«Суперлига по регби: без Сонни Билла, с новыми правилами и возвращением блудного сына». При переводе мы прибегли к опущению и модуляции.

5) «*Mainstream media treat Biden as 'the second coming' as he spends trillions*» [SkyNews, 30.04.2021].

В статье говорится о президенте США Джо Байдене, который в первые месяцы своего срока потратил миллиарды долларов на инфраструктурные проекты и социальные

программы. В это время популярные в США СМИ безостановочно хвалят его инициативы, даже если его траты не всегда оправданы.

Заголовок содержит аллюзию *the second coming* (рус. второе пришествие), которая относит нас к библейской легенде о втором пришествии Иисуса Христа на Землю. Данное выражение применяется по отношению к человеку, когда хотят подчеркнуть, какое огромное положительное влияние он оказывает, его появление считается 'чудом' или 'спасением'.

Предлагаем опустить аллюзию, так как ее русский эквивалент не очень подходит к контексту статьи.

Вариант перевода:

«Байдена боготворят, пока он растрчивает миллиарды». При переводе была использована модуляция.

3. Заключение

Степень распознаваемости БФЕ и репрезентативность заголовка в целом будет зависеть от конкретного случая. Во избежание возможных потерь или искажения смысла газетного заголовка во многих случаях имеет смысл переводить БФЕ эксплицитно.

Однако перевод БФЕ требует дальнейших исследований. Такие феномены речи имеют тенденцию возникать, изменяться или полностью исчезать из употребления. На первый план выходит тесная взаимосвязь исследуемых единиц с современными тенденциями в различных сферах, культурой носителей языка и развитием общества в целом. Возникает необходимость регулярно изучать фразеологические явления, описывать их характер и частоту использования как на языке оригинала, так и на языке перевода. Работе переводчика будет способствовать создание и постоянное обновление личных глоссариев, содержащих актуальные на данный момент БФЕ, объяснение прецедентного явления, цели и примеры использования БФЕ в письменной и устной речи. Безусловным для переводчика является стремление к расширению кругозора, постоянное развитие и самосовершенствование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамия З. К. Лепта библейской мудрости: в 2 т. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. Т. 1: А–О. 288 с.
2. Адамия З. К. Лепта библейской мудрости: в 2 т. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. Т. 2: П–Я. 308 с.
3. Вербицкая М. В., Гусева А. А. Проблема перевода интертекстуальных элементов: категориальный подход // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 9-17.
4. Вомперский В. А. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка // Искусство публицистики (проблемы теории и мастерства). Алма-Ата, 1966. С. 82-85.

5. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. Москва: Азбуковник, 2003. 297 с.
6. Ияс М. Трансформации библеизмов в современной публицистике. Хельсинки: Университет искусств, 2012. 72 с.
7. Крестева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. Москва: РОССПЭН, 2004. 652 с.
8. Федуленикова Т. Н., Бечина И. В. Современные направления в изучении фразеологии // Известия ИГЭА. 2011. № 3 (77). С. 203-206.
9. Федуленикова Т. Н. Связи функционирования библейских фразеологизмов английского языка как признак системности // Фундаментальные исследования. 2014. № 12(3). С. 648-651.
10. Федуленикова Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения. Москва: Издательство дом Академии Естествознания, 2016. 146 с.
11. Федуленикова Т. Н. Характеристика прототипов библейской фразеологии и способы их преобразования в языковые единицы // Язык и культура. 2019. № 1 (45). С. 108-120.
12. Хабекирова З. С., Адзинова Ф. С. Реальный и виртуальный мир в языке потребительской рекламы // Вестник АГУ. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2014. Вып. 2. С. 92-96.
13. Шустова С. В. Лингвистические и прагматические свойства паремийных трансформантов // Фразеологизмы и паремии: лингвистические и прагматические аспекты функционирования: коллективная монография / науч. ред. Г. В. Файзиева [и др.]. Пермь: АНО ДПО «ПИЭФ», 2020. 188 с.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Федуленикова Т. Н. Мартюшова Е. В., Боннемарк М. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии. Архангельск: Поморский университет, 2008. 167 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Forbidden fruit: estate agent helped himself to pear crop // The Times. 27.08.2020. Доступ: <https://www.thetimes.co.uk/article/forbidden-fruit-estate-agent-helped-himself-to-pear-crop-9qs7sxlvs>. (дата обращения: 17.09.2021).
2. Bungling Italian authorities turn water into wine // The Times. 08.10.2008. Доступ: <https://www.thetimes.co.uk/article/bungling-italian-authorities-turn-water-into-wine-36v37vgrg38>. (дата обращения: 17.09.2021).
3. President Obama's eleventh-hour conservation efforts // The New York Times. 14.08.2015. Доступ: <https://takingnote.blogs.nytimes.com/2015/08/14/president-obamas-eleventh-hour-conservation-efforts>. (дата обращения: 17.09.2021).
4. No Sonny Bill, 'six again' rule and the return of a prodigal son: super league is back // The Times. 31.07.2020. Доступ: <https://www.thetimes.co.uk/article/no-sonny-bill-six-again-rule-and-the-return-of-a-prodigal-son-super-league-is-back-d7pns123q>. (дата обращения: 17.09.2021).
5. Mainstreet media treat Biden as 'the second coming' as he spends trillions // SkyNews. 30.04.2021. Доступ: https://www.skynews.com.au/details/_6251032475001. (дата обращения: 17.09.2021).

REFERENCES

1. Adamiya, Z. K. (2019). *Lepta bibleyskoy mudrosti* [The mite of Biblical wisdom]: v 2 t. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova. T. 1: A–O. (In Russ.).
2. Adamiya, Z. K. (2019). *Lepta bibleyskoy mudrosti* [The mite of Biblical wisdom]:

v 2 t. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova. T. 2: P–YA. (In Russ.).

3. Verbitskaya, M. V., Guseva, A. A. (2009). Problema perevoda intertekstualnykh elementov: kategorialnyy podkhod [The problem of translation of intertextual elements: categorial approach]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No. 2. Pp. 9-17. (In Russ.).

4. Vomperskiy, V. A. (1966). K izucheniyu sintaksicheskoy struktury gazetnogo zagolovka [To the study of syntactic structure of a newspaper headline]. In *Iskusstvo publitsistiki (problemy teorii i masterstva)*. Alma-Ata. Pp. 82-85. (In Russ.).

5. Denisova, G. V. (2003). *V mire interteksta: yazyk, pamyat, perevod* [In the world of intertext: language, memory, translation]. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).

6. Iyas, M. (2012). *Transformatsii bibleizmov v sovremennoy publitsistike* [Transformations of biblicisms in modern publicistics]. Helsinki. (In Russ.).

7. Kristeva, Yu. (2004). *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected works: the destroyal of poetry]. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).

8. Fedulenkova, T. N., Bechina, I. V. (2011). Sovremennye napravleniya v izuchenii frazeologii [Modern tendencies in phraseological studies]. In *Izvestiya IGEA*. No. 3 (77). Pp. 203-206. (In Russ.).

9. Fedulenkova, T. N. (2014). Svyazi funktsionirovaniya bibleyskikh frazeologizmov angliyskogo yazyka kak priznak sistemnosti [The functioning ties specificity of English biblical phraseological units as the feature of systematicity]. In *Fundamentalnye issledovaniya*. No. 12(3). Pp. 648-651. (In Russ.).

10. Fedulenkova, T. N. (2016). *Leksii po angliyskoy frazeologii bibleyskogo proiskhozhdeniya* [Lectures on English phraseological units of biblical origin]. Moskva: Izdatelstvo dom Akademii Estestvoznaniya. (In Russ.).

11. Fedulenkova, T. N. (2019). Kharakteristika prototipov bibleyskoy frazeologii [The characteristics of biblical phraseology prototypes]. In *Yazyk i kultura*. Tomsk. Pp. 108-120. (In Russ.).

12. Habekirova, Z. C., Adzinova, F. S. (2014). Realnyy i virtualnyy mir v yazyke potrebitelskoy reklamy [Real and virtual world in the language of consumer advertising]. In *Vestnik AGU. Ser. Filologiya i iskusstvovedenie*. Maykop, Vyp. 2. Pp. 92-96. (In Russ.).

13. Shustova, S. V. (2020). *Lingvisticheskie i pragmaticheskie svoystva paremiynykh transformantov* [Linguistic and pragmatic features of proverbial transformants]. In *Frazeologizmy i paremii: lingvisticheskie i pragmaticheskie aspekty funktsionirovaniya: kollektivnaya monografiya / nauch. red. G. V. Fayzieva*. Perm: ANO DPO «PIEF». (In Russ.).

LEXICOGRAPHICAL SOURCE

Fedulenkova, T. N., Martyushova, E. V., Bonnemark, M. (2008). *Anglo-nemetsko-shvedskiy slovar bibleyskoy frazeologii* [English-German-Swedish dictionary of biblical phraseology]. Arkhangel'sk: Pomorskiy universitet. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Forbidden fruit: estate agent helped himself to pear crop. In *The Times*. 27.08.2020. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/forbidden-fruit-estate-agent-helped-himself-to-pear-crop-9qs7sxlvs>. (accessed 17.11.2021).

2. Bungling Italian authorities turn water into wine. In *The Times*. 08.10.2008. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/bungling-italian-authorities-turn-water-into-wine-36v37vgrg38>. (accessed 17.11.2021).

3. President Obama's eleventh-hour conservation efforts. In *The New York Times*. 14.08.2015. Available at: <https://takingnote.blogs.nytimes.com/2015/08/14/president-obamas-eleventh-hour-conservation-efforts>. (accessed 17.11.2021).

4. No Sonny Bill, 'six again' rule and the return of a prodigal son: super league is back. In *The Times*. 31.07.2020. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/no-sonny-bill-six-again-rule-and-the-return-of-a-prodigal-son-super-league-is-back-d7pns123q>. (accessed 17.11.2021).

5. Mainstreet media treat Biden as 'the second coming' as he spends trillions. In *SkyNews*. 30.04.2021. Available at: https://www.skynews.com.au/details/_6251032475001. (accessed 17.11.2021).

Бакина Анна Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии Института иностранных языков
(e-mail: heart-anna@yandex.ru)
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»
302026, Орел, Комсомольская, 95

Bakina Anna D. – Candidate of Philology, Associate Professor, the Head of English Philology Department of Institute of foreign languages
(e-mail: heart-anna@yandex.ru)
State Federal-Funded Educational Institution of Higher Professional Training «Orel State University named after I. S. Turgenev»
95 Komsomolskaya, Orel, 302026

Поступила в редакцию 01 октября 2021 г.

УДК 81'373.7:811.11+161.1

© 2021 Д. А. Гармаш

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ТРУД В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ

Статья посвящена описанию структурно-семантических особенностей английских и русских фразеологизмов со значением «труд», а также их компонентному составу. Установлены сходства и отличия структуры и семантики фразеологизмов, обозначающих понятие «труд». Определена фразеобразовательная активность компонентов в составе исследуемых языковых единиц в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: *ценность, мораль, труд, фразеологизм, семантический признак, компонент.*

© 2021 D. A. Garmash

PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING LABOUR IN ENGLISH AND RUSSIAN: STRUCTURE, SEMANTICS, COMPONENT COMPOSITION

The paper addresses the structural and semantic features of English and Russian phraseological units denoting «labour», as well as the components in their structure. Similarities and differences in the structure and semantics of phraseological units in question have been established. The phraseological productivity of structural components of the studied units in the two languages has been determined.

Key words: *value, morality, work, phraseological unit, semantic feature, component.*

1. Вводные замечания

Статья посвящена сопоставительному исследованию структурно-семантических особенностей и компонентного состава фразеологизмов (ФЕ) со значением *труд*, т. е. таких, как: англ. *with one's nose at the grindstone* 'работающий до изнеможения'; рус. *не покладая рук* 'трудиться, работать без перерывов, не переставая'.

Исследования ценностей базируются на работах, в которых ценности рассматриваются как на материале отдельных языков, в частности английского (Б. А. Душкова, В. В. Кочеткова, В. Г. Крысько, А. В. Павловской, Р. Лакоффа, G. Hofstede, Н. Triandis, F. Jandt, J. Paxman, K. Fox и др.), испанского (Н. Г. Мед, J. Gonzáles, M. Blanco & Н. А. Basilio, Dios Luque, Pamies Bertran, Manjon, Ruiz Gurillo), так и в сопоставительном плане на материале русского и английского (А. В. Аммер, Т. А. Светоносова), английского и испанского (Т. Р. Копылова), русского и французского (Н. Ю. Нелюбова), английского, русского и татарского (Г. К. Гизатова), русского, украинского, английского и немецкого (Ж. В. Краснобаева-Черная).

Анализ литературы по теме исследования показал, что особое место в изучении языка в русле антропоцентрической парадигмы принадлежит фразеологии, в которой отражены национально-специфические представления о мире, веками накопленный опыт, мировоззрение определенного лингвосоциума (Отражение культурных кодов во фразеологической картине мира [Бессонова, 2017], Оценочная семантика фразеологических единиц, выражающих отрицательные эмоции в английском языке [Трофимова, 2019], Национально-культурная семантика топонимической фразеологии в английском и украинском языках [Хохлова, 2014]).

Несмотря на интерес к феномену ценностей в современной лингвистике, тем не менее отсутствуют работы, в которых ценностные доминанты рассматриваются в сопоставительном аспекте с точки зрения отражения в них национально-культурной специфики. Актуальность данного исследования обусловлена сопоставительным ракурсом и лингвокультурологическим подходом к анализу семантических и структурно-грамматических особенностей фразеологических единиц со значением *труд* в английском и русском языках с целью выявления национальной специфики ценностей у представителей данных лингвосообществ.

Объектом исследования являются фразеологические единицы со значением *труд*, зафиксированные во фразеологическом фонде английского и русского языков. Предметом исследования выступают семантические, структурно-грамматические особенности и компонентный состав фразеологизмов со значением *труд*. Целью исследования является установление сходств и отличий семантики, структуры и компонентного состава фразеологизмов со значением *труд* в неблизкородственных языках. Материал исследования составили 62 ФЕ английского языка и 49 ФЕ русского языка.

2. Понятие *труд* в системе ценностей

Традиционные морально-нравственные ценности, содержащие в себе такие общечеловеческие понятия, как патриотизм, коллективизм, альтруизм, трудолюбие и т. д., особенно важны в современном обществе, склонном к моральному нигилизму. Мораль является первоценностью, первоосновой личностной и общественной духовности, поэтому моральность можно рассматривать как главный элемент, как средоточие всей человеческой духовности. По мнению С. Ф. Анисимова, мораль является единственным абсолютным условием духовности. На ее роль не может претендовать никакой другой структурный элемент духовности – ни научное познание, ни эстетическое, политическое, правовое сознание и т. п. [Анисимов, 2001: 113].

Понятие *труд* относится к общечеловеческим ценностям и носит междисциплинарный характер. Например, в Большом психологическом словаре под редакцией Б. Г. Мещерякова это понятие включено в перечень ценностей, с помощью которых дается толкование термина «ценностные ориентации». То есть ценностные ориентации определяются как важные компоненты мировоззрения личности или групповой идеологии, выражающие (представляющие) предпочтения и стремления личности или группы в отношении тех или иных обобщенных человеческих ценностей (благополучие, здоровье, комфорт, познание, гражданские свободы, творчество, *труд* и т. п.) [Мещеряков, Зинченко, 2009: 539].

В словаре по этике рассматривается понятие *трудовая нравственность*, являющаяся совокупностью ценностно-нормативных представлений, в которых отражается отношение социальной группы или общества в целом к труду. Значение труда раскрывается через ряд стимулов, среди которых: 1) материальные стимулы, труд – источник потребления; 2) социально-апробативные (моральные), труд – средство социального самоутверждения; 3) творческие стимулы, способствующие заинтересованности в деятельности; 4) нравственные стимулы, благодаря которым человек трудится, создавая предпосылки для благополучия других людей, общества, духовного развития личности самого работника. Труд, отвечающий этим стимулам и создающий справедливые общественные отношения, облагораживает человека и становится фактором нравственного воспитания [Гусейнов, Кон, 1989: 355-359].

В контексте отечественной политической и культурной жизни стоит вспомнить Моральный кодекс строителя коммунизма, одним из основных принципов которого выступает добросовестный *труд* на благо общества. В Кодекс включены, во-первых, нравственные принципы, которые вырабатывались на протяжении всей истории человечества; во-вторых, отражено все лучшее, что было завоевано социалистическим обществом в борьбе за нравственный прогресс; и, в-третьих, указан путь дальнейшего морального совершенствования строителя коммунизма [Моральный облик строителя коммунизма, 1964].

В словаре под редакцией С. И. Ожегова понятие *труд* обозначает целесообразную деятельность человека, направленную на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей [Ожегов, 2012]. *Трудолюбие*, долг, честь, совесть, справедливость, порядочность – нравственные качества, служащие критерием морального здоровья как отдельной личности, так и общества в целом [Цвык, 2014].

Таким образом, можно утверждать, что понятие *труд* носит аксиологический

характер и представляет интерес для дальнейшего изучения.

3. Семантика фразеологизмов со значением *labour / труд* в английском и русском языках

3.1. Семантический объем понятия *labour / труд* в английском и русском языках

3.1.1. Для уточнения семантического объема понятия *labour* были проанализированы дефиниции понятия в 4 толковых словарях английского языка, среди которых The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles [NSOED], Oxford Advanced Learner's Dictionary [OALD], Longman Dictionary of Contemporary English [LDCE], Collins COBUILD Dictionary [CollinsC].

Семантический объем понятия *labour* 'труд, трудиться' представлен 8 признаками. Ядерными признаками, то есть признаками, зафиксированными во всех лексикографических источниках, являются *very hard work, especially physical work* 'тяжелый труд, особенно физический труд', *to do hard physical work* 'заниматься тяжелым трудом (физическим)', *all the people who work for a company or in a country* 'люди, работающие в компании или стране' (NSOED, LDCE, OALD, Collins COBUILD). Периферийными являются признаки *a task or period of work* 'задание или период выполнения работы' [OALD], *the outcome, product, or result of work* 'результат работы' [NSOED], *a quality of being laborious* 'трудолюбивый', *work considered as required or the execution of a task or as supplying the wants of the community, the contribution of the worker to production* 'работа на благо общества, вклад работника в производство' [NSOED].

Ядерный признак *to do hard physical work* 'заниматься тяжелым трудом (физическим)' обнаружен в значении 24 ФЕ (39%) (*to work at high pressure* 'работать изо всех сил'). Ядерный признак *very hard work, especially physical work* 'тяжелый труд, особенно физический труд' отмечен в значении 23 ФЕ (37%) (*a work of time* 'работа, требующая значительной затраты времени, трудоемкая работа'). Признак *a quality of being laborious* 'трудолюбивый' представлен в значении 10 ФЕ (16%) (*on the job* 'занятый, в работе, не теряющий даром времени'). Признак *the outcome, product, or result of work* 'результат работы' отмечен в семантике 5 ФЕ (8%) (*to speak from the heart* 'говорить от всего сердца, искренне').

3.1.2. Для определения семантического объема понятия *труд* были проанализированы дефиниции соответствующей лексики в 3 толковых словарях русского языка: Современном толковом словаре русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой [Ефремова, 2000], Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова

[Кузнецов, 2000], Толковом словаре русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений под ред. С. И. Ожегова [Ожегов, 2012].

В семантический объем понятия *труд* (*трудиться*, *трудолюбивый*) входят 6 признаков. Ядерными признаками являются: *целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей; усилие, направленное на достижение чего-л.; результат деятельности, работы, производство; предмет школьного образования; обучение навыкам какой-л. профессиональной, хозяйственной деятельности; заниматься каким-л. трудом, работать; отличающийся трудолюбием*. Периферийным является признак *работа, занятие* [Ожегов: 2012, Кузнецов: 2000].

Наибольшей номинативной плотностью характеризуется признак *заниматься трудом, работать*, который обнаружен в семантике 26 ФЕ (53%) (*положить много, немало труда*). Признак *работа, занятие* отмечен в значении 16 ФЕ (33%) (*сложный труд*). Признак *результат деятельности* отмечен в семантике 5 ФЕ (10%) (*кровные деньги*). Признак *отличающийся трудолюбием* представлен в значении 2 ФЕ (4%) (*трудолюбив как муравей*).

3.2. Типы фразеологизмов со значением *labour / труд* по характеру оценки

По мнению В. Н. Телия, оценочная модальность понимается как связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому и т. п.) в соответствии со стандартом бытия вещей или положения дел в некой картине мира, лежащей в основе норм оценки [Телия, 1986: 22-23]. В. Н. Телия указывает на то, что лексические единицы, обладающие оценочным значением, характеризует модальная двувершинность [Телия, 1986: 24]. В высказываниях, где оценка выражена словами с оценочной семантикой, вершинную позицию занимает оценочная, или собственно оценочная, или денотативно-оценочная модальность, которая характеризует предмет обозначения, сообщая дополнительную информацию о нем – как положительную, так и отрицательную.

Оценка характеризуется несколькими критериями, которые приобретает особую ценностную значимость, преломляясь в национальной культуре. Специфический лингвокультурологический характер категории оценки объясняется более сложной и многомерной структурой по сравнению с другими категориями [Vyessonova, 2021: 570].

По характеру оценки исследуемые ФЕ можно разделить на две группы: положительно оценочные и отрицательно оценочные. В английском языке преобладают ФЕ со значением *труд* с отрицательной оценкой (англ. 40 ед., 65%) (*hard labour*

‘каторжные работы’). ФЕ с положительной оценкой насчитывают 22 единицы (35%) (*a willing horse* ‘человек, с готовностью берущийся за что-л, работяга’).

В русском языке также доминируют ФЕ с отрицательной оценкой (30 ед., 61%) (*на износ (работать)*). Фразеологические единицы с положительной оценкой насчитывают 19 ед. (39%), например, *трудолюбив как муравей*.

Преобладание ФЕ с отрицательной оценкой труда можно объяснить тем, что работа ассоциируется с физическим трудом в сельском хозяйстве, то есть крайне тяжелым, требующим огромных усилий. Труд является тяжелой обязанностью, которая сопровождает человека всю жизнь до самой смерти (*root, hog or die* ‘трудись как вол или пропадешь’). Однако чаще всего ФЕ со значением *труд* отрицательно маркированы из-за принудительного характера труда, что объясняется такой исторической реалией как подневольный труд (*тянуть (вытягивать) жилы из кого-л.* ‘изнурять, выматывать непосильной работой’).

Положительно оценивается результат трудовой деятельности (*плоды трудов*), но только результат или достаток, полученный собственным трудом (*Трудовая денежка плотно лежит, чужая ребром торчит*). В то время как поговорка *One beats the bush, and another catches the birds* ‘Чужими руками жар загребать’ отрицательно маркирована.

Нравственная составляющая труда находит отражение в таких примерах, как *Many hands make light work* ‘Когда рук много, работа спорится’, потому что именно коллективный труд оценивается положительно и признается наиболее результативным. Более того, усердие и трудолюбие помогают достичь любого результата (*Без труда не выловишь и рыбку из пруда*). Еще одним нравственным понятием, связанным с трудом, выступает добро, например, *Трудовое добро ни в воде не тонет, ни на огне не горит*. В целом, можно констатировать, что труд красит и облагораживает человека (англ. *Work produces virtue* ‘Труд облагораживает человека’; рус. *Землю солнце красит, а человека – труд*).

4. Компонентный состав ФЕ со значением *labour* / *труд* в разноструктурных языках

Понятие *labour* / *труд* представлено 62 ФЕ английского языка и 49 ФЕ русского языка. В состав фразеологизмов входят различные компоненты. В обоих языках наиболее фразеоактивным является соматический компонент. Зоонимический и антропонимический компоненты в анализируемых языках представлены примерно одинаково. Природно-ландшафтный компонент является продуктивным в английских фразеологизмах, но насчитывает всего одну единицу в русском языке. Следует отметить, что в английском

языке обнаружен компонент-этноним, а также ФЕ, в состав которых входят несколько компонентов (см. таблицу).

Таблица. Компоненты в составе английских и русских ФЕ со значением труд

Компонент	Английские ФЕ, (%)	Русские ФЕ, (%)	Примеры
Соматизм	12 (19%)	12 (24%)	англ. <i>by the sweat of one's brow</i> 'в поте лица' рус. <i>нести, тащить, везти на своих плечах что-л.</i>
Природно-ландшафтный	9 (14)%	1 (2%)	англ. <i>Constant dropping wears away a stone</i> 'Терпение и труд все перетрут' рус. <i>возить воду на ком-л.</i>
Зооним	8 (13%)	7 (14%)	англ. <i>A short horse is soon curried</i> 'легкая работа быстрее делается' рус. <i>как ломовая лошадь</i>
Антропоним	3 (5%)	2 (4%)	англ. <i>A Sisyphian task</i> 'Сизифов труд, тяжелый и бесплодный труд' рус. <i>бочка Данаид</i>
Этноним	1 (2%)	–	англ. <i>to work like a Trojan</i> 'усердно работать'
ФЕ с разными компонентами	1 (2%)	–	англ. <i>One beats the bush, and another catches the birds</i> 'Чужими руками жар загребать'
Лексема <i>труд</i> и ее синонимы	12 (19%)	21 (42%)	англ. <i>a work of time</i> 'трудоемкая работа' рус. <i>положить много, немало труда</i>
Другие	16 (26%)	7 (14%)	англ. <i>to cut corners</i> 'работать недобросовестно' рус. <i>не бей лежащего</i>
Всего	62 (100)	50 (100)	

4.1. Существует несколько классификаций **соматизмов**. По мнению З. А. Богус, соматическая лексика – одно из древнейших универсальных объединений слов во всех языках мира – в процессе функционирования приобретает многочисленные ассоциации и коннотации и в разных языках представляет собой определенную систему [Богус, 2006: 7]. Среди лексико-тематических объединений слов названия частей тела – соматическая лексика – является одной из трех языковых универсалий, представляющих так называемые «сверхобщности» для любого языка, наряду с названиями животного мира (зоонимическая лексика) и названиями растений (ботаническая лексика) [Богус, 2006: 8].

Например, Н. М. Шанский выделяет три ядра соматической лексики: 1) общие обозначения тела / частей человеческого тела и названия, связанные со спецификой мужского и женского тела; 2) обозначения внутренних органов, обеспечивающих

жизнеспособность и жизнедеятельность человеческого организма; 3) обозначения материи (субстанции) тела человека и его органов [Шанский, 2015].

В составе фразеологических единиц английского языка зафиксировано 8 соматических компонентов: *нос* (*with one's nose at the grindstone* 'работающий до изнеможения'), *рука* (*to have one's hands full* 'хлопот полон рот, работы по горло'), *плечо* (*with one's shoulder to the collar* 'в напряженном труде'), *нутро* (*to slave one's guts out* 'работать как вол, надрываться'), *голова* (*to work one's head off* 'не покладая рук'), *кровь* (*to sweat blood* 'работать до седьмого пота'), русского языка – 7 компонентов (*рука* (*не покладая рук*), *плечо* (*нести (тащить, везти) на своих плечах*), *пот* (*умываться потом*), *горло* (*по горло*), *жилы* (*тянуть (вытягивать) жилы из кого-л.*)).

Компоненты *рука* и *плечо* отображены во всех анализируемых языках. К компонентам, обнаруженным только в одном языке, относятся: английский *nose* 'нос', *brow* 'бровь', *blood* 'кровь'; русский *горло*, *спина*, *жилы*. Большинство ФЕ имеют один компонент в своем составе, однако в составе 1 русского ФЕ и 1 английского ФЕ присутствует несколько компонентов-соматизмов. Например, *кровь* + *пот* (*кровь и пот*). Следует также отметить вариативность компонентов, к примеру, английская ФЕ *to be up to one's neck (ears, eyes, elbows) in smth* 'быть по уши в работе'. В английском языке наиболее фразеоактивным компонентом является *рука*, в русском языке – *пот*.

Признак *тяжелый труд*, особенно *физический труд* в английском языке реализуется при помощи нескольких компонентов (*рука*, *нос*, *плечо*, *бровь*, *голова*) (*to work one's head off* 'работать не покладая рук'), в русском языке данное значение передается при помощи компонента *пот* (*до седьмого пота*). Образ фразеологизма *в поте лица* отображает нравственно-культурную установку о том, что человек должен честно, добросовестно, с полной самоотдачей трудиться. Нарушение этой установки порицается обществом, воспринимается с неодобрением [Телия, 1986: 69].

4.2. Природно-ландшафтный компонент культуры занимает одно из центральных мест наряду с иными компонентами (соматическими, предметными и др.). Под фразеологизмами с природно-ландшафтным компонентом понимаются ФЕ, в состав которых включены лексемы, обозначающие природные объекты, элементы ландшафта.

В английском языке были выявлены компоненты, обозначающие растения и их плоды: *дуб* (*Little strokes fell great oaks* 'Терпение и труд все перетрут'), *кукуруза* (*to earn your corn* 'не зря есть свой хлеб'), *орех*, *скорлупа* (*He would eat the nut must first crack the shell*) и компоненты, называющие элементы ландшафта: *несок* (*to plough the sand*

‘зря трудиться’), *камень* (*Constant dropping wears away a stone* ‘Капля и камень точит’), *жемчуг* (*He who would search for pearls must dive below* ‘Без труда нет плода’).

В данных ФЕ труд ассоциируется с *результатом работы* (*to earn your corn* ‘не зря есть свой хлеб’); с *бесполезным трудом* (*to plough the sand* ‘решетом воду носить’). Отдельного внимания заслуживают фразеологизмы-синонимы: *He that would eat the fruit must climb the tree. He that will eat the kernel must crack the nut.*, эквивалентные русской поговорке *Без труда не вынешь и рыбки из пруда*. В данном материале зафиксирован всего один ФЕ русского языка с природно-ландшафтным компонентом – *возить воду на ком-л.*, значением которого является «взваливать на кого-л. тяжелую, непосильную работу».

4.3. Под фразеологизмом с компонентом-**зоонимом** подразумеваются ФЕ, в состав которых входят названия животных, птиц, насекомых, грызунов, т. е. всех существ живой природы. Основной функцией зоонимического компонента является образная характеристика человека. «В основе зооморфной лексики лежат объективные или субъективные качества животных, приписанные им творческим мышлением народа. Во фразеологии, «сосредоточенной» на характеристике человека, его внешности и поведения, качества животного «накладываются» на образ человека» [Кудрявцева, 2015: 131].

В анализируемом материале было зафиксировано 4 зоонимических компонента в английских ФЕ (*бобер* (*an eager beaver* ‘работяга, старательный человек’), *пчела* (*as a bee* ‘очень занятый, трудолюбивый как пчелка’), *белка* (*to turn round like a squirrel in a wheel* ‘как белка в колесе’), *лошадь* (*a willing horse* ‘человек, с готовностью берущийся за что-л, работяга’)) и 7 компонентов в русских ФЕ (*пчела* (*работать (трудиться) как пчела*), *белка* (*вертеться (кружиться, крутиться) как белка в колесе*), *лошадь* (*как ломовая лошадь*), *муравей* (*трудолюбив как муравей*), *вол* (*как вол (работать, трудиться)*), *собака* (*собак гонять*), *рыба* (*Без труда не выловишь и рыбку из пруда*).

Признак *отличающийся трудолюбием* представлен во всех языках (англ. *an eager beaver* ‘работяга, старательный человек’; рус. *трудолюбив как муравей*). Признак *тяжелый труд, особенно физический труд* в обоих языках реализуется при помощи компонента *лошадь* (англ. *to work like a horse* ‘работать как каторжный, работать как вол’); в русском языке также зафиксирован компонент *вол* (*как вол (работать, трудиться)*). Трудолюбию противопоставляется *лень* и *лодырничество*, в русском языке данное значение передается при помощи компонента *собака* (*собак гонять*). Таким образом, основные зоонимические компоненты соотносятся как с дикими животными, известными своим трудолюбием (*белка, муравей, пчела*), так и с одомашненными, задействованными, в основном, в сельскохозяйственных работах (*лошадь, вол*).

4.4. Антропоним выступает низкочастотным компонентом в исследуемом материале. Источниками происхождения ФЕ с антропонимическим компонентом являются мифы и Библия. К примеру, ФЕ *Сизифов труд* представлен в обоих языках и обозначает *тяжелый труд, особенно физический труд*. В английском языке упоминается еще один миф – *labour of Hercules (a Herculean labour)* ‘геркулесов труд, непомерно трудная задача’. *Бочка Данаид* – ФЕ русского языка, обозначающая *бесполезный, не имеющий конца труд, бесплодную работу*. В английском языке представлен один фразеологизм с компонентом-этнонимом, а именно *to work like a Trojan* ‘усердно работать’.

4.5. Лексемы *labour / труд* и их синонимы (англ. *work, job*; рус. *работа*) являются компонентами, активно участвующими во фразообразовании (19% английских ФЕ и 42% русских ФЕ). Например, англ. *lie (fall) down on the job* ‘работать спустя рукава’, рус. *не знать труда*.

4.6. Фразеологизмы, не имеющие в своем составе ярко выраженного компонента, были отнесены в группу «Другие». Например, во ФЕ *chained to the oar* ‘занятый тяжелым трудом, вынужденный тянуть лямку’ труд ассоциируется с трудом раба или каторжника на галерах. Русский фразеологизм *не бей лежачего* (слишком легкая, не требующая никаких усилий работа) является переосмыслением выражения *лежащего не бьют* – нельзя бить поверженного противника.

5. Структурно-грамматические особенности фразеологических единиц со значением *labour / труд* в английском и русском языках

Структурно-грамматическая классификация ФЕ, предлагаемая в данной работе, основывается на наиболее распространенной структурно-семантической классификации, предложенной А. В. Куниным [Кунин, 1996], в основе которой лежит функциональный критерий. Все фразеологические обороты делятся в зависимости от того, какую роль в предложении выполняет данный оборот, что представляет собой его целостное значение и как оно определяет валентность этой фразеологической единицы. Эта классификация представляется наиболее приемлемой, так как она дает комплексное представление о внешней и внутренней природе анализируемых единиц.

В ходе анализа были выделены следующие типы ФЕ в сопоставляемых языках: ФЕ со структурой словосочетания и ФЕ со структурой предложения. Стоит отметить, что наиболее многочисленную группу в обоих языках составляют ФЕ со структурой словосочетания – 45 ФЕ (73%) в английском языке и 39 ФЕ (81%) в русском языке.

Под **глагольными** ФЕ понимаются ФЕ с общим значением действия, имеющие грамматические категории лица, числа, времени, вида, залога, выступающие в предложении в роли предиката или объекта действия. В анализируемых языках доминируют глагольные ФЕ, обозначающих понятие *labor* ‘труд’, и насчитывают 25 единиц (40%) (*come up the hard way* ‘достичь своего положения тяжелым трудом’) в английском языке и 21 единица (44%) (*гореть на работе*) в русском языке.

К **коммуникативным** ФЕ относятся фразеологизмы, являющиеся предложениями. Коммуникативные ФЕ английского языка (17 ед., 27%) (*He who would search for pearls must dive below* ‘Без труда нет плода’) значительно превосходят коммуникативные ФЕ русского языка (9 ед., 19%) (*гореть на работе*).

Субстантивные ФЕ представлены одинаковым количеством единиц (12 ед.) (англ. 19%, *hard labour* ‘каторжные работы’; рус. 26%, *египетская работа*) и рассматриваются как фразеологические единицы с общим значением лица или предмета, выполняющие в предложении функцию субъекта, объекта или предиката и стоящие соответственно в позиции подлежащего, дополнения или именной части сказуемого.

Адвербиальные ФЕ представлены одинаковым количеством фразеологизмов (4 ед.) (англ. 7%, *by the sweat of one's brow* ‘в поте лица’; рус. 9%, *до седьмого пота*).

Адъективные ФЕ рассматриваются как ФЕ с общим значением качественной характеристики предмета, лица, состояния лица, являющейся в предложении атрибутом. В английском языке обнаружено 4 ФЕ (7%) (*chained to the oar* ‘занятый тяжелым трудом, вынужденный тянуть лямку’), в русском языке – 2 ФЕ (4 %) (*трудолюбив как муравей*).

6. Выводы

В ходе исследования было установлено, что понятие *труд* является ценностным, поскольку *труд*, создавая справедливые общественные отношения, облагораживает человека и становится фактором нравственного воспитания.

6.1. Понятие *labour* / *труд* представлено во фразеологическом фонде анализируемых языков. В результате исследования семантического объема понятия *labour* / *труд*, установлено, что семантический объем данного понятия шире в английском языке. В английском языке понятие *labour* ассоциируется с тяжким трудом; людьми, работающими в компании; результатом работы. В русском языке понятие *труд* означает деятельность человека, направленную на создание материальных и духовных ценностей; усилие, направленное на достижение чего-л.; результат деятельности, работы, произведение; предмет школьного образования; обучение навыкам какой-л. деятельности. Понятие *труд* представляет собой концептуализированную область в языковом сознании представителей

данных лингвосообществ, имеющую определенную структуру и связанную с важнейшими ценностными ориентациями, нормами поведения. Отличие концептуальной картины мира заключается в том, что в русской картине мира труд направлен на создание не только материальных, но и духовных ценностей.

Ядерные и периферийные признаки в анализируемых языках не совпадают. Признак *результат труда* является ядерным в английском языке, но периферийным в русском.

Большинство фразеологизмов в обеих лингвокультурах номинируют деятельность или бездействие человека, субъекта трудовой деятельности, характеризуют работника и его трудовую или интеллектуальную деятельность, называют результат деятельности. В английской фразеологической системе вербализованы признаки *усердно трудиться; тяжкий труд, особенно физический труд; трудолюбивый; результат работы*. В значении русских фразеологизмов отмечены признаки *заниматься трудом, работать; работа, занятие; результат деятельности; отличающийся трудолюбием*.

6.2. По характеру оценки маркированность морально-нравственного понятия *труд* совпадает в анализируемых языках. В исследуемом материале преобладают фразеологизмы с отрицательной оценкой, что связано с признаком *тяжкий труд, особенно физический труд*, а именно – принудительным характером труда, ассоциацией труда с сельскохозяйственными работами. Следует отметить, что лексема *работа* в русском языке этимологически восходит к значению ‘рабство’, работный означало ‘взятый в рабство’. Поэтому фразеологизмы, называющие интенсивно трудящихся людей, даже при общей позитивной ценности труда, характеризуются отрицательными оттенками превосходства, пренебрежения, выражаемого говорящим. Работа оценивается как черная, ломовая, тяжелая, египетская.

6.3. В результате изучения компонентного состава фразеологизмов со значением *labour / труд* были выявлены сходства и отличия. Сходства проявляются в том, что ФЕ со значением *труд* содержат в своей структуре компоненты, относящиеся к группе соматизмов, компоненты природно-ландшафтной семантики, зоонимы, антропонимы, номинации труда. Наиболее фразеоактивным в английском материале выступает соматический компонент, а в русском – лексема *труд* и ее синонимы. Среди фразеологизмов-соматизмов в обоих языках отмечены разные компоненты, общими являются компоненты *hand* ‘рука’ и *shoulder* ‘плечо’. Это можно объяснить тем, что в большинстве случаев ФЕ обозначают физический труд, в выполнении которого задействованы руки, локти, ладони. Фразеологизмы-зоонимы интересны метафорическим

переосмыслением, так как человек отождествляет себя и свои черты с характеристиками животных. Наиболее фразеоактивными компонентами являются наименования одомашненных животных (*вол, лошадь*). В состав английских ФЕ с природно-ландшафтным компонентом входят компоненты, обозначающие растения и ландшафт. В русском языке обнаружен всего один ФЕ с природно-ландшафтным компонентом. Антропоним является низкочастотным компонентом, а этноним зафиксирован только в английском языке. Исследуемые компоненты являются универсальными средствами номинации различных объектов и явлений мира. Однако в различных культурах, приобретая символические смыслы, они становятся отображением культурно маркированного сознания английского и русского этносов. Отличия репрезентации компонентов в составе ФЕ неродственных языков свидетельствуют об этнокультурной маркированности и дают отчётливое представление о восприятии носителями того или иного языка понятия *труд*.

6.4. Структурный анализ ФЕ со значением *labour / труд* в английском и русском языках показал преобладание глагольных единиц со структурой словосочетания. Анализ изучаемого материала свидетельствует о существенном сходстве структурно-грамматической организации ФЕ в исследуемых языках.

В целом можно констатировать, что в языковой картине мира английского и русского народов представлены как универсальные, так и национально-специфичные особенности фразеологизмов со значением *труд*, что обусловлено, с одной стороны, универсальностью труда, а с другой – особенностями национального менталитета, историческими реалиями и спецификой образа жизни каждого этноса. Например, в мировоззрении русского народа сомнению подвергается созидательная сторона труда, почет, богатство, процветание. *Труд* рассматривается как нравственная категория, которая может принести моральное удовлетворение человеку перед собой, людьми и богом: *От трудов праведных не наживешь палат каменных*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию. М.: Современные тетради, 2001. 128 с.
2. Бессонова О. Л. Отражение культурных кодов во фразеологической картине мира // Multilingual education: theories and practices: international forum proceedings / editors: Seitbek Bekenovich Kuanyshbayev, Eva Smetanová; reviewers: Eva Smetanová, Zhamilya Bakirova. 1. vyd. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute, 2017. С. 13-23.
3. Богус З. А. Соматизмы в разносистемных языках: семантикословообразовательный и лингвокультурологический аспекты (на материале русского, адыгейского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Майкоп, 2006. 27 с.
4. Кудрявцева Е. В. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом собака:

лингвокультурологический комментарий // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. № 2. С. 131-134.

5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с

6. Моральный облик строителя коммунизма. Москва: Наука, 1964. 346 с.

7. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 143 с.

8. Трофимова Е. В. Оценочная семантика фразеологических единиц, выражающих отрицательные эмоции в английском языке // Мир. Человек. Язык. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. С. 225-233.

9. Хохлова В. А. Национально-культурная семантика топонимической фразеологии в английском и украинском языках // Science and Education a New Dimension. Philology. Будапешт, 2014. II (4). Issue: 24. P.63-66.

10. Цвык В. А. Нравственная ценность труда // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2014. № 2. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennaya-tsennost-truda>. (дата обращения: 05.10.2021).

11. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Москва: Ленанд, 2015. 274 с.

12. Byessonova O. Women evaluation in English maxims // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). 2021. Vol. 118. P. 569-578.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расширенное. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. 811 с.

2. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / авт.-сост. И. С. Брилева и др; отв. ред. В. Н. Телия. 2-е изд. Москва: АСТ-Пресс, 2006. 784 с.

3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Доступ: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/>. (дата обращения: 02.11.2021).

4. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. Москва: Издательство «Мир и Образование»; Издательство «ОНИКС-ЛИТ», 2012. 1376 с.

6. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. 6-е изд. Москва: Политиздат, 1989. 447 с.

7. Brown L. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Michigan: Clarendon Press, 1993. 3801 p. [NSOED]

8. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. Доступ: <https://slovar-vocab.com/english/collins-cobuild-dictionary.html>. (дата обращения 02.11.2021). [CollinsC]

9. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p. [OALD]

10. Longman Dictionary of Contemporary English 6th edition. Pearson Longman, 2015. 2224 p. [LDCE]

REFERENCES

1. Anisimov, S. F. (2001). *Vvedenie v aksiologiyu* [Introduction to axiology]. Moskva: Sovremennye tetradi. (In Russ.).

2. Bessonova, O. L. (2017). *Otazhenie kulturnykh kodov vo frazeologicheskoy kartine*

mira [Reflection of cultural codes in the phraseological image of the world]. In *Multilingual education: theories and practices: international forum proceedings* 1. vyd. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute. Pp. 13-23. (In Russ.).

3. Bogus, Z. A. (2006). *Somatizmy v raznosistemnykh yazykakh: semantikoslovoobrazovatelnyi i lingvokulturologicheskii aspekty (na materiale russkogo, adygeiskogo i angliiskogo yazykov)* [Somatisms in different system languages: semantic and linguoculturological aspects (based on Russian, Adyghe and English)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Maykop. (In Russ.).

4. Kudryavtseva, E. V. (2015). *Frazeologizmy s komponentom-zoonimom sobaka: lingvokulturologicheskii kommentariy* [Phraseological units with the zoonym component dog: linguoculturological commentary]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. No. 2. Pp. 131-134. (In Russ.).

5. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka* [Modern English Phraseology Course]. Moskva: Vyssh. shk., Dubna: Izd. tsentr «Feniks». (In Russ.).

6. *Moralnyy oblik stroitelya kommunizma* [Moral image of the Communism builder]. Moskva: Nauka, 1964. (In Russ.).

7. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of nominative unit semantics]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

8. Trofimova, E. V. (2019). *Otsenchnaya semantika frazeologicheskikh edinits, vyrazhayushchikh otritsatelnye emotsii v angliiskom yazyke* [Evaluative semantics of phraseological units expressing negative emotions in English]. In *Mir. Chelovek. Yazyk*. Vladimir: Izd-vo VI GU. Pp. 225-233. (In Russ.).

9. Khokhlova, V. A. (2014). *Natsionalno-kulturnaya semantika toponimicheskoy frazeologii v angliiskom i ukrainskom yazykakh* [National-cultural semantics of toponymic phraseology in English and Ukrainian]. In *Science and Education a New Dimension. Philology*. Budapesht. II (4). Issue: 24. Pp.63-66. (In Russ.).

10. Tsvyk, V. A. (2014). *Nravstvennaya tsennost truda* [The moral value of labor]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya*. No. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennaya-tsennost-truda>. (accessed: 05.10.2021). (In Russ.).

11. Shanskiy, N. M. (2015). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. Moskva: Lenand. (In Russ.).

12. Byessonova, O. (2021). Women evaluation in English maxims. In *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS)*. Vol. 118. Pp. 569-578.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Bolshoy psikhologicheskii slovar* [Large psychological dictionary] / pod red. B. G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. 4-e izd., rasshirenoe. Sankt-Peterburg: Praim-EVROZNAK, 2009. (In Russ.).

2. *Bolshoy frazeologicheskii slovar russkogo yazyka: znachenie, upotreblenie, kulturologicheskii kommentariy* [Large phraseological dictionary of the Russian language: meaning, use, cultural commentary] / avt.-sost. I. S. Brileva i dr.; otv. red. V. N. Teliya. 2-e izd. Moskva: AST-Press, 2006. (In Russ.).

3. Efremova, T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Modern interpretation dictionary of the Russian language]. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/efremova>. (accessed: 02.11.2021). (In Russ.).

4. Kuznetsov, S. A. (2000). *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Large interpretive dictionary of the Russian language]. Sankt-Peterburg: Norint. (In Russ.).

5. Ozhegov, S. I. (2012). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms and phraseological expressions]. Moskva: Izdatelstvo «Mir i Obrazovanie»; Izdatelstvo «ONIKS-LIT», 2012. (In Russ.).

6. *Slovar po etike* [Ethics Dictionary] / pod red. A. A. Guseinova i I. S. Kona. 6-e izd. Moskva: Politizdat, 1989. (In Russ.).
7. Brown, L. (1993). *The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*. Michigan: Clarendon Press.
8. *Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary*. Available at: <https://slovar-vocab.com/english/collins-cobuild-dictionary.html>. (accessed: 02.11.2021).
9. Hornby, A. S. (2010). *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press.
10. *Longman Dictionary of Contemporary English*. 6th edition. Pearson Longman, 2015.

Гармаш Дарья Алексеевна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: d.garmash@donnu.ru),
Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный
университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Garmash Daria A. – Postgraduate Student
of English Philology Department
(e-mail: d.garmash@donnu.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 20 сентября 2021 г.

УДК 811.111:81'373.45=... '282.8

© 2021 В. А. Дроздов

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «НАИМЕНОВАНИЯ МИФИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ» В КАРИБСКИХ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ

На материале лексических единиц-мифем, представленных наименованиями духов, демонов, русалок, «населяющих» действительность карибского лингвокультурного сообщества, в статье рассматриваются семантические пути развития заимствований в ЛСГ «Наименования мифических существ» в ямайском, багамском и тринидадо-тобагском креолях, пришедших из различных языков в карибские креоли на англоязычной основе. Установлены следующие системные семантические пути развития лексических заимствований: специализация и генерализация значения, метафора и метонимия.

Ключевые слова: заимствования, развитие, креоли, метафора, метонимия.

© 2021 V. A. Drozdov

WAYS OF SEMANTIC DEVELOPMENT OF LEXICAL BORROWINGS IN LEXICO-SEMANTIC GROUP «NAMES OF MYTHICAL CREATURES» IN ENGLISH-BASED CARIBBEAN CREOLES

Based on the material of lexical myth-words represented by names of spirits, demons, water maidens, haunting the life of Caribbean national linguo-cultural community, the article dwells on the ways of semantic development of borrowings in the lexical-semantic group "Names of mythical creatures" in Jamaican, Bahamian and Trinidad-Tobagonian creoles from different languages in Caribbean English-based creoles. The following 'loan-words' semantic development ways were established: specialization and generalization of meaning, metaphor and metonymy.

Key words: borrowing, development, creoles, metaphor, metonymy.

1. Введение

На современном этапе развития лингвистики наблюдается рост интереса к таким проблемам, как диглоссия и двуязычие, языковые контакты и смешение языков. **Актуальность темы исследования** определяется, во-первых, ростом интереса лингвистов к проблемам пространственной вариативности языка, недостаточным изучением территориального варьирования английского языка в странах Карибского бассейна и механизмов формирования вариантных языковых систем; во-вторых, необходимостью теоретического обобщения системных изменений в лексической системе карибских креолей на англоязычной основе (далее ККАО) под влиянием лексических заимствований. **Объектом** исследования являются заимствованные имена существительные – наименования мифических существ (далее НМС) в ямайском, багамском и тринидадо-тобагском ККАО конца XX – начала XXI века. **Предметом**

исследования являются семантические пути развития лексических заимствований, представленных наименованиями НМС в ККАО. Для работы отбирались и рассматривались заимствования, наименования НМС в ККАО, созданные в соответствии с семантическими способами вторичной номинации. **Цель** исследования – выявить специфические черты ККАО, опираясь на лексические единицы, представленные наименованиями НМС, заимствованными из западноафриканских, европейских, азиатских языков. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**: 1) выявить семантические и лексические особенности иностранных заимствований, представленных наименованиями НМС в трёх ККАО; 2) рассмотреть семантические пути развития лексических заимствований-наименований НМС в трёх ККАО; 3) выявить алломорфные и изоморфные признаки заимствований-наименований НМС в трёх исследуемых ККАО. В качестве **материала исследования** были отобраны лексемы, обозначающие НМС, из различных словарей карибских креолей на англоязычной основе. Общий объем выборки по данным заимствованиям составил 470 НМС в ККАО. Из них 159 лексических единиц НМС в ямайском креоле, 235 лексических единиц НМС в багамском креоле и 76 лексических единиц НМС в тринидадо-тобагском креоле, отобранных методом сплошной выборки из словарей ККАО. По проблеме лексических единиц НМС имеются следующие новейшие публикации: Л. Н. Виноградова [Виноградова, 2018: 82-94], К. Леви-Строс [Леви-Строс, 1983: 428], А. Э. Левицкий [Левицкий, 2011: 448-458], С. Ю. Неклюдов [Неклюдов, 2018: 126-137], Т. Н. Никульшина [Никульшина, 2016: 93-103], А. А. Плотникова [Плотникова, 2018: 158-169], Б. Н. Путилов [Путилов, 2018: 178-189], Дж. Беновски [Benovsky, 2017: 14], Дж. Лоренте [Lorente, 2016], К. Д. Маркман [Markman, 2018: 98-107], С. Р. Уолш [Walsh, 2018], П. Пьетрандреа [Pietrandrea, 2018].

2. Основная часть исследования

В багамском креоле представлены следующие НМС: НМС *Anancy* Ананси ‘человек-паук’ (в его многочисленных вариантных формах), *Anansi*, *Annancy*, *Anancy*, *Nansi*, *Nanza*, *Nassy*, *Nasty* (общекреольское; ср. гаитянское *anassi* с тем же значением; ср. АМА *Ann Nancy ... spin her house*; ср. в языке тви *ananse* ‘паук’ DJE и в языке ибо *Anaiza* ‘паук’, герой из сказки) [Holm, 1982: 4].

ЛСВ-1. Язык тви *ananse* ‘паук’: A spider up to 3 inches long which constructs webs between trees ‘Паук до трех дюймов в длину, плетущий паутину между деревьями’.

ЛСВ-2. *Anancy* – A folk tale hero ‘Сказочный герой’. Например: 1918. *Ber Nancy ... B ‘o’ Nassy... Dis man name Annancy*, ‘Братец Нанси ...’ Братец Насси – это человек по

прозвищу Ананси. 1966 *B Anansi – or Nancy, Boy Nasty, or Gulumbannasi – a trickster and hero, either boy, man or monkrey ... but B Spider is the only web-spinning trickster in the Bahamas* ‘Братец Ананси или Нанси, Малыш Зловреда или Гулумбанасси – обманщик и герой. Он мальчик или мужчина или обезьяна ... Братец Паук – единственный ловкач на Багамах, плетущий паутину’.

ЛСВ-3 *An ananse* ‘a person whose cunning or untrustworthiness is detected or revealed’ ‘человек, чью хитрость и ненадёжность разоблачают и раскрывают’ [Holm, 1982: 4].

Семантическое развитие производного багамского значения от исходного западноафриканского значения происходит путём метафоры по следующей модели: зап-афр. ЛСВ-1 *ananse* ‘паук’ → метафора → БагамКр ЛСВ-2 *Anancy* ‘сказочный герой Ананси из западно-африканского фольклора’.

Семантическое развитие следующего производного багамского ЛСВ от исходного западноафриканского значения происходит путём метафоры и расширения значения по следующей модели: зап-афр. ЛСВ-2 *Ananse* ‘мифический паук в образе человека, ловкий мошенник, герой сказок Вест-Индии; Ананси всегда выглядит забавным в проявлении эгоизма и жадности’ → метафора + расширение значения → БагамКр ЛСВ-3 *An ananse* ‘a person whose cunning or untrustworthiness is detected or revealed’ ‘человек, чью хитрость и ненадёжность разоблачают и раскрывают’.

В тринидадо-тобагском креоле встречаются наименования сказочного героя, НМС Ананси (‘паук’) в следующих вариантах: *Kompe / Compe Anancy / Zayen, Compere Czien* (Trin) [Allsopp, 1996: 166] ‘Братец Паук’ [ФрКр + *Zayen* < Фр (*le*)s *araignee(s)* [(*le*)zaren] ‘паук(и)’ = *spider* ‘паук’, являющееся калькой слова *ananse* (‘паук’) из языка тви *Compere Anancy / Czien* ‘Братец Паук’ / *Tig* ‘Братец Тигр’ (Trin, Stvt). *Compere* [Winer, 2009: 237] a term of address or reference used between close friends, the father and godfather of a child; a respectful term of address for an unknown adult man ‘*Compere* – форма обращения, используемая в среде друзей; отец или крестный отец ребенка; почтительная форма обращения к незнакомому взрослому мужчине’.

Интересно, что имя общекреольского сказочного героя Ананси, обозначающее ‘паук’ в западноафриканском языке тви, было калькировано с этим значением в разных креольских языках. В тринидадо-тобагском креоле оно имеет вид *Compere Zayen / Czien*. Оба варианта имени собственного в ТрТКр являются кальками слова ‘паук’ в зап-афр. языке тви и затем восходят к французско-креольскому патуа.

Следует особо подчеркнуть, что орфографические варианты ФрКр и ТрТКр *Zayen, Czien* – это фонетическое написание французского слова Фр (*le*)s *araignee(s)* [(*le*)za-re-n(e)]

‘паук(и)’, которое подверглось фонетической деформации в соответствии с гиперкорректным правилом английского языка о том, что звук [г] после гласного не произносится. При этом произошла адаптация французского слова [(le)za-re-n(e)] ‘паук(и)’ английским правилам чтения в том деформированном виде, как его «истолковывают» англоязычные тринидадцы: получается форма [zajen], представленная двумя орфографическими вариантами *Zayen*, *Czien*.

Английская калька имени *Ананси* встречается в следующей строке из песни: *Anancy is a spider, Anancy is a man, Anancy's a West Indian, and West African* [Allsopp, 1996: 29] ‘Ананси – паук, Ананси – мужчина, Ананси – человек из Вест-Индии, Ананси – африканец из Западного побережья’.

Семантико-фонетическое развитие тринидадо-тобагского *Compere Zayen / Czien* от западноафриканского этимона из языка тви *ananse* ‘паук’ [Winer, 2009: 237] происходит путём метафоры и калькирования и может быть представлено в виде следующей записи: зап-афр. язык тви *ananse* ‘паук’ → калькирование → англ. *spider* → калькирование → Фр [(le)s araignee(s)] [(le)za-re-n(e)] ‘паук(и)’ → калькирование → ФрКр *Zayen, Czien* [(le)za-re-ne → zajen] ‘паук(и)’ → метафора → ТрТКр *Zayen, Czien* [zajen] ‘человек-паук, герой африканских сказок в фольклоре’.

В основе сравнения – метафорическое переосмысление по формуле «животное → человек».

В тринидадо-тобагском креоле известно наименование мифического существа *soucouyant*. НМС *soucouyant* ЛСВ-1 ‘старуха, сбрасывающая кожу и перемещающаяся как огненный шар; она сосет кровь людей, оставляя кровоподтеки’ (данное слово происходит из языка фульфульде *sukunyadyo*, или сонинке *sukunya* ‘колдуны; пожиратели людей’). Например: *Soucouyans, have an unnatural and indelicate propensity for casting off their skin, which they usually conceal in or under a chocolate mortar. Divested of epidermis, they have the marvellous faculty of flying through the air, resembling at the time balls of fire. They then, vampire-like, suck the blood of those against whom they have any animosity* [Winer, 2009: 838] ‘Старухи-сукуйан обладают противоестественной и отвратительной способностью сбрасывать кожу, которую они прячут внутри или под ступкой для шоколада. Лишенные внешнего покрова, они обладают необычным умением летать в атмосфере, напоминая огненный шар. Затем, словно вампиры они сосут кровь тех, против кого они испытывают чувство озлобления’.

Семантическое развитие производной тринидадо-тобагской инновации,

заимствованной из языка фульфульде происходит путём сужения значения. Результатом сужения значения является его детализация, специализация.

Язык фульфульде *sukunya*yo, сонинке *sukunya* ‘колдуны; пожиратели людей’ → сужение значения → ТрТКр НМС ‘старуха-вампир, сбрасывающая кожу и перемещающаяся как огненный шар; она сосет кровь людей, оставляя кровоподтеки’.

ЛСВ-2 *soucouyant* n A greedy, cruel person (parallel to blood-sucking activity) ‘жадный, жестокий человек’. Например: «*Are they men? A set of soucouyants*» (1952). «*The man sucking, we blood like a soucouyant*» (1966) [Winer, 2009: 838] ‘Разве это люди? Отряд кровососущих’ (1952). ‘Этот человек сосет нашу кровь как вампир’.

Семантическое развитие тринидадо-тобагского значения *soucouyant* от исходного значения языка фульфульде происходит путём расширения значения: язык фульфульде, сонинке НМС *sukunya*, *soucouyant* ‘старуха-вампир’ → расширение значения → ТрТКр *soucouyant* ‘жадный и жестокий человек’.

В ямайском креоле старуху-вампира *soucouyant* ‘сукуйан’ называют также НМС *old suck*. Например: 1895 *It delights in human blood, especially that of new-born infants. In days gone by the ‘Old Suck’ was to be seen enveloped in a flame of fire, wading her way late at nights through the ‘nigger house’, or along the high road ... Infants just born were guarded with the utmost care from the voracious creature of blood* [Cassidy, 1967: 330] ‘Она упивается человеческой кровью, особенно кровью новорожденных младенцев. В былые времена видели старушку-кровососа, охваченную огненным пламенем. Поздно по вечерам пробиралась она через жилища чернокожих или бродила вдоль дорог. Новорожденных младенцев старательно оберегали от кровожадного создания’.

Семантическое развитие производного ямайского ЛСВ *old suck* ‘старушка-вампир’ от исходного западноафриканского значения *Soucouyant* ‘ведьма Сукуйан’ происходит путём актуализации двух каламбурно обыгрываемых значений по следующей модели: зап-афр. *Soucouyant* ‘ведьма Сукуйан’ → каламбур + сокращение → ЯмКр ЛСВ-1 *old suck* ‘старушка Сукуйан’ + ЯмКр ЛСВ-2 *old suck* ‘старушка-вампир’ (намек на ее любимое занятие).

НМС *Old Hige* – A witch or Old witch ‘ведьма-кровосос’. В народных сказках и суевериях считается, что она сбрасывает кожу и летает по ночам (ср. *kin-oul*), чтобы сосать кровь людей (особенно детей) (ср. *old suck*) [Cassidy, 1967: 329]. Например: 1929 *Old Hige is still a menace to infants in Jamaica, and it is from fear of her visit that they are guarded by a blue cross on the ninth night after birth.* ‘Ведьма-кровосос *Old Hige* все еще угроза для младенцев Ямайки. Из-за страха, чтобы она не пришла к ним в дом, их

оберегает синий крестик, надеваемый на девятый день после рождения’. 1943 *Ol-hige, a sorceress. A bat whose appearance portends evil* ‘Ведьма-кровосос *Ol-hige*, чародейка. Она – летучая мышь, появление которой знаменует несчастье’ [Cassidy, 1967: 329].

НМС *Old Witch* – a witch, male or female, old or young ‘Чародей, чародейка (молодая или старая)’. Например: 1907 *One day there was a old witch gal, an Tacoma want the gal to marry* ‘Была однажды девица-ведьма, и Такома хотел на ней жениться’. 1950 *She had a owl-witch bredda name Downiwa* ‘У нее был брат чародей-сова по имени Даунива’. 1960 */nou Andro was a owl witch bwoi/* ‘Так вот, Андро был мальчиком и чародем-совой’.

НМС *Kin-owl* < *skin* + *owl*. Считается, что ведьма *Kin-owl* сбрасывает кожу ночью, принимает вид совы и вылетает, чтобы сосать людскую кровь. Например: 1953 */Kin-owl/ witch – get out of their skin, go and suck people’s blood* [Cassidy, 1967:261] ‘Ведьма-сова сбрасывает кожу и летит сосать кровь людей’.

В багамском креоле распространены ‘сказки’ *The Old Stories*, а также ‘песни’, называемые *sings* [Holm 1982:184]. ‘Песни’ характерны для западноафриканского англоязычного пиджина и карибских креолей. Данное наименование жанра *sings* ‘песни’ также встречается в английском языке чернокожих американцев [Holm 1982: 184]. В этих сказках и песнях часто фигурируют герои-животные, к которым обращаются «Братец» [Holm, 1982: 146]. Встречается в них много наименований мифических существ.

В багамском креоле имеется НМС *Hag, Higue, Hig, Huyg* ‘a witch (male or female) who leaves skin at night to haunt victims by tormenting them or sucking their blood’ [Holm, 1982: 97] ‘Ведьма, которая избавляется от своей кожи и преследует жертвы, сосет их кровь, изводя их’.

НМС *Yeho* ‘Йехо’ [ср. западно-карибское *Yaho* или *Yoho* [Holm, 1978: 214]; ЛСВ-1 *the Bah and W-Carib monsters share specific traits (form, cry, nocturnal prowling, lust for women, backwards feet) suggesting burrowing and an African origin, cf Hweda yahue or Kambari yoho, both ‘devil’* ‘Багамские и западно-карибские чудовища имеют общие особые приметы (внешний вид, рысканье по ночам, вой, страсть к женщинам и ступни, повернутые назад). Например: 1966 *the Yehos are large manlike spirits who stand upright, are covered with hair, and have claws like bears. They can mate with women, producing hairy babies. They are reported to live near Fresh Creek, Andros and on Long Island* ‘Йехо – это громадные призраки, похожие на людей. У них вертикальная стойка, лапы с когтями как у медведей, и они покрыты волосами. Они могут спариваться с женщинами, порождая волосатых младенцев. Говорят, что они живут возле притока Фреш Крик и на острове

Лонг Айленд'. *A Yeho is a monster with his feet turned backwards: he yells «Yeho!» and scares people in the woods (White)* 'Йехо – это чудовище с ногами, повернутыми назад. Он изрыгает крик «Йехо!» и пугает людей в лесу'. ЛСВ-2 *A Yeho is a big monster to scare kids* [Holm, 1982: 226] 'Йехо – это большое чудовище, которым пугают детей'.

Семантическое развитие производных значений в багамском креоле от исходного африканского значения происходит путём сужения и расширения значения по следующим моделям:

Зап-афр. язык хведа *yahue* 'дьявол, чёрт', язык камбари *yoho* 'дьявол, черт' → сужение значения → БагамКр НМС *Yeho* 'Йехо, мифическое существо'.

БагамКр НМС *Yeho* 'Йехо, мифическое существо' → расширение значения → БагамКр ЛСВ-2 *A Yeho* 'большое чудовище, которым пугают детей'.

БагамКр НМС *Errol Fitzgerald* 'Эррол Фитцджералд' [ср в английском языке чернокожих американцев (BlE): 'unnamed ghost with a long chain, spitting fire' 'безымянный призрак с длинной цепью, изрыгающий огонь'] и a fire-spitting ghost with chains on its ankles [Holm, 1982: 171] 'Призрак, изрыгающий огонь, и ноги которого закованы в цепи'.

Семантическое развитие производного багамского ЛСВ от исходного ЛСВ из английского языка чернокожих американцев (BlE) происходит путём сужения значения.

Зап-афр. язык → английский язык чернокожих американцев (BlE) [Holm, 1982: 171]: *Errol Fitzgerald* 'Эррол Фитцджералд' 'безымянный призрак с длинной цепью, изрыгающий огонь' → сужение значения → БагамКр НМС *Errol Fitzgerald* 'Эррол Фитцджералд; призрак, изрыгающий огонь, и ноги которого закованы в цепи'.

3. Выводы

3.1. Каждая из описанных единиц имеет два «уровня» значений, тесно связанных между собой, но все-таки разных. Первое значение может быть условно названо «мифологическим», оно находит отражение в традиционной народной культуре, в фольклорных текстах, мифопоэтических представлениях носителей карибских креолов на англоязычной основе. Второе значение рассмотренных имен объясняется их способностью регулярно употребляться коннотативно.

3.2. Анализируемые имена, являющиеся лексическими заимствованиями, обозначающими мифических персонажей карибских креолов на англоязычной основе, указывают на объекты, которые в современных представлениях о материальном мире считаются несуществующими (*tataduende*, *soukouyant* и др.), представляют собой имена с нулевой денотацией.

3.3. Семантическими путями развития лексических заимствований, обозначающих мифических персонажей ККАО, являются сужение значения, метафоризация, калькирование, каламбур. Для каламбуров характерно то, что в качестве стимулятора у них выступает британский ЛСВ, а в качестве результаты – ЛСВ-карибизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова Л. Н. «Той, що лозами трясе»: полесские поверья о черте // Слово и культура. Москва: Индрик, 2018. Т. 2. С. 82-94.
2. Леви-Стросс К. Структура и форма // Семиотика. Москва, 1983. С. 400-428.
3. Левицкий А. Э. СОН и МЕЧТА в пространстве квазиреальности (на материале восточнославянских и западногерманских лингвокультур) // Лингвофутуризм: взгляд языка в будущее. Москва: Изд-во «Индрик», 2011. С. 448-458.
4. Неклюдов С. Ю. Зоодемонизм // Слово и культура. Москва: Индрик, 2018. Т. 2. С. 126-137.
5. Никульшина Т. Н. Функционально-семантическое пространство «существо ирреального мира» (на материале английского и украинского языков) // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2016. № 1. С. 93-103.
6. Плотникова А. А. Фрагмент балкано-славянской народной демонологии: Борьба воздушных демонов // Слово и культура. Москва: Индрик, 2018. Т. 2. С. 158-169.
7. Путилов Б. Н. Архаические мотивы в карпатском песенном разбойничьем фольклоре // Слово и культура. Москва: Индрик, 2018. Т. 2. С. 178-189.
8. Benovsky J. Branching versus Divergent possible worlds // *Criterion*. 2017. # 19. P. 12-20.
9. Lorente J. M. Possible world theories and the two fictional worlds of More's Utopia: how much (and how) can we apply? 2016. Available at: <http://www.sederi.org/docs/yearbooks/06/6-13-martinez.pdf>. (accessed: 11.04.2017).
10. Markman K. D., McMullen M. N. Counterfactual thinking and Regulatory fit // *Judgement and decision making*. November, 2018. Vol. 1. #2. P. 98-107.
11. Pietrandrea P. The conceptual structure of irreality. A focus on non-exclusion-of-factuality as a conceptual and a linguistic category. 2018. Available at: http://www.host.uniroma3.it/dipertimenti/linguistica/docenti/Pietrandrea_to-appear-conceptual_structure_of_irreality-language-sciences.pdf. (accessed: 04.06.2019).
12. Walsh C. R. Counterfactual Thinking: the temporal order effect. 2018. Available at: www.psy.plymouth.ac.uk/research/cwalsh/Walsh/. (accessed: 17.04.2019).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Allsopp R. Dictionary of Caribbean English Usage. OUP., 1996. 697 p.
2. Cassidy F. G. Dictionary of Jamaican English. Cambridge at the Univesity Press, 1967. 487 p.
3. Holm A. John. Dictionary of Bahamian English. New York, 1982. 228 p.
4. Winer L. Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles. London. Ithaca, 2009. 1041 p.

REFERENCES

1. Vinogradova, L. N. (2018). «Toy shcho lozamy tryase»: polesskie poverya o chorte [He who shakes the branches: Polissya stories about the devil]. In *Slovo i kultura*. T. 2. С. 82-94. (In Russ.).
2. Levi-Stross, K. (1983). Struktura i forma [Structure and form]. In *Semiotika*.

Moskva. Pp. 400-428. (In Russ.).

3. Levitski, A. E. (2011). SON i MECHTA v prostranstve kvazirealnosti (na materiale vostochnoslavjanskikh i zapadnogermanskikh lingvokultur) [DREAM and WAKING-DREAM in the space of quasi-reality (based on the east-Slavonic and West-Germanic linguocultures)]. In *Lingvofuturizm: vzglyad yazyka v budushchee*. Moskva: Izd-vo «Indrik». Pp. 448-458. (In Russ.).

4. Nekludov, S. Yu. (2018). Zoodemonism [Zoodemonism]. In *Slovo i kultura*. Moskva: Indrik. T. 2. Pp. 126-137. (In Russ.).

5. Nikulshina, T. N. (2016). Funktsionalno-semanticheskoe prostranstvo «sushchestvo irrealnogo mira» (na materiale angliyskogo i ukrainskogo yazykov) [Functional-semantic space of “irreal world creature” (based on English and Ukrainian)]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. No. 1. Pp. 93-103. (In Russ.).

6. Plotnikova, A. A. (2018). Fragment balkano-slavyanskoy narodnoy demonologii: Borba vozdukhnykh demonov [A fragment of Balcano-Slavonic folk demonology: The fight of aerial demons]. In *Slovo i kultura*. Moskva: Indrik. T. 2. Pp. 158-169. (In Russ.).

7. Putilov, B. N. (2018). Arkhaicheskie motivy v karpatskom pesennom razboynichem folklore [Archaic motifs in the Carpathian robber song folklore]. In *Slovo i kultura*. Moskva: Indrik. T. 2. Pp. 178-189. (In Russ.).

8. Benovsky, J. (2017). Branching versus Divergent possible worlds. In *Criterion*. # 19. Pp. 12-20.

9. Lorente, J. M. (2016). *Possible world theories and the two fictional worlds of More's Utopia: how much (and how) can we apply?* Available at: <http://www.sederi.org/docs/yearbooks/06/6-13-martinez.pdf>. (accessed: 11.04. 2017).

10. Markman, K. D., McMullen, M. N. (2018). Counterfactual thinking and Regulatory fit. In *Judgement and decision making*. November. Vol. 1. #2. Pp. 98-107.

11. Pietrandrea, P. (2018). *The conceptual structure of irreality. A focus on non-exclusion-of-factuality as a conceptual and a linguistic category*. Available at: http://www.host.uniroma3.it/dipertimenti/linguistica/docenti/Pietrandrea_to-appear-conceptual_structure_of_irreality-language-sciences.pdf. (accessed: 04.06.2019).

12. Walsh, C. R. (2018). Counterfactual Thinking: the temporal order effect. Available at: <http://www.psy.plymouth.ac.uk/research/cwalsh/Walsh/>. (accessed: 17.04.2019).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Allsopp, R. (1996). *Dictionary of Caribbean English Usage*. OUP.

2. Cassidy, F. G. (1967). *Dictionary of Jamaican English*. Cambridge at the Univesity Press.

3. Holm, A. John. (1982). *Dictionary of Bahamian English*. New York.

4. Winer, L. (2009). *Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles*. London. Ithaca.

Дроздов Владимир Александрович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода (e-mail: v.drozdov@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Drozdov Vladimir A. – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Translation Studies Department (e-mail: v.drozdov@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 23 августа 2021 г.

УДК 811.111: 81'373.72

© 2021 Т. Н. Федуленкова

ДЕЛОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ПРИЧАСТНО-СУБСТАНТИВНОЙ СТРУКТУРЫ

Статья посвящена выявлению структурных моделей ФЕ-терминов в современном английском языке, которые имеют в своем составе причастие первое или причастие второе. Результаты исследования позволяют определить процентное соотношение этих структур в общем фонде фразеологической терминологии и выявить их способность к вариантности и характеру переосмысления компонентного состава.

Ключевые слова: терминология, фразеологические единицы, структурные модели, причастные структуры ФЕ-терминов.

© 2021 T. N. Fedulenkova

BUSINESS PHRASEOLOGICAL TERMINOLOGY OF PARTICIPIAL-SUBSTANTIVE STRUCTURE

The paper deals with identifying the structural models of phraseological units in modern English, which include the first participle or the second participle. The results of the study make it possible to determine the percentage of these structures in the general fund of phraseological terminology and to describe their variability and the nature of their semantic transference in the component composition.

Key words: terminology, phraseological units, structural models, participial structures of phraseological units.

Введение

Обзор новейшей научной литературы по проблеме структурирования деловой фразеологии можно найти в ряде публикаций в журналах, входящих в список ВАК (см., например, работы [Федуленкова, Малышева, 2019; Федуленкова, Спицына, 2020; Fedulenkova, 2019]).

Структурирование деловой терминологии фразеологического свойства – это одна из наиболее актуальных проблем современной лингвистики, и фразеологии в частности [Gläser, 1995; Piirainen, 2009; Федуленкова, 2020]. От решения этой проблемы зависит успех сопоставительных и типологических исследований в области деловой фразеологии [Аракин, 1989].

В качестве теоретической базы исследования было избрано фразеологическое учение А. В. Кунина [Кунин, 1970] и метод фразеологической идентификации, предложенный лингвистом и успешно апробированный рядом отечественных и зарубежных исследователей [Cowie, 2001; Naciscione, 2003; Fedulenkova, Adamia, 2019].

Языковой материал для исследования был извлечен из словаря делового английского языка [Ванпоск, 2002], иллюстративные контексты были подобраны из Британского

национального корпуса [BNC].

Основное содержание и представление результатов исследования

1. **Модель P1 + N** – причастно-субстантивная структурная модель характерна для деловых ФЕ-терминов с константной зависимостью компонентов, которые составляют 10% деловой фразеологической терминологии изучаемого словаря. В основном эта модель представлена фразеологическими единицами с частичным переосмыслением компонентного состава:

(a) **issuing house** – an investment bank, stockbroker or other financial institution that organizes a new issue of securities; the issuing house is often referred to as a sponsor because it lends its reputation to the issue [Bannock, 2002: 181] ‘эмиссионный дом – инвестиционный банк, биржевой маклер или другое финансовое учреждение, которое организует новый выпуск ценных бумаг; издательский дом часто называют спонсором, потому что он придает репутацию проблеме’.

(б) **trading floor** – the area of space in a stock exchange or other trading exchange where members gather to deal face-to-face in securities [Bannock, 2002: 370] ‘торговая площадка – пространство на фондовой бирже или другой торговой бирже, где собираются участники, чтобы торговать ценными бумагами лицом к лицу’.

(в) **sinking fund** – provision for the repayment of debt, including the redemption of a security by the issuer, by accumulating a fund through regular payments that, with interest, will amortize the loan [Bannock, 2002: 344] ‘амортизационный фонд – резерв на погашение задолженности, в том числе погашение залога эмитентом путем накопления средств посредством регулярных платежей, которые с процентами амортизируют кредит’.

Проиллюстрируем использование рассматриваемых ФЕ-терминов в деловом дискурсе:

(a) *He went to work for an organisation that combined the roles of an issuing house and a conglomerate. The two sides of the business were interrelated and operated in parallel. The issuing house was active in turning small- and medium-sized firms into public companies. At the same time, an industrial holding company was being built up by acquiring firms which, for various reasons, were unsuitable for turning into public companies. In 1970 an opportunity came Cuckney's way which offered the kind of unusual challenge he has always relished. He was invited to become chairman of the Mersey Docks and Harbour Board, which fell into the grey area between the public and private sector <...> [BNC]* ‘Он пошел работать в организацию, которая совмещала роли **эмиссионного дома** и конгломерата. Две стороны бизнеса были взаимосвязаны и работали параллельно. Эмитент активно работал над превращением малых и средних фирм в публичные компании. В то же время производственный холдинг создавался путем приобретения фирм, которые по разным причинам не подходили для

превращения в публичные компании. В 1970 году у Кукни появилась возможность, предложившая необычный вызов, который ему всегда нравился. Его пригласили стать председателем Совета по дока и гавани Мерси, который оказался в серой зоне между государственным и частным сектором <...>’.

(б) <...> on which they were due to be announced, the dealing manager of DPR Futures would scream at the AEs: «This is it. Get'em in. Get as many as you can for the trade figures. We've got our forecasts right this time... If they're afraid, get'em in for the minimum. Bull up. Bull up». The AEs would scramble between their dealing screens and telephones, negotiating afresh every minute. Their voices conveyed urgency. Furthermore, the infamous cassette tape recording of open outcry on a real **trading floor** was turned right up to impress clients, so the they had to shout loudly to make themselves heard [BNC] ‘<...> когда их должны были объявить, дилинговый менеджер ДПР Фьючерс кричал на АЕ: «Вот и все. Приведите их. Получите столько, сколько сможете для торговых показателей. Мы правильно сделали наши прогнозы на этот раз... Если они боятся, сделайте это по минимуму. Поднимите. Поднимите. Поднимите». Представители АЕ будут карабкаться между экранами своих торговых операций и телефонами, возобновляя переговоры каждую минуту. В их голосах говорилось о срочности. Кроме того, печально известная кассетная запись открытого протеста в реальном *торговом зале* была повернута вправо, чтобы произвести впечатление на клиентов, поэтому они должны были громко кричать, чтобы их слышали’.

(в) Therefore a bond with a put option will always trade on the basis of the yield to maturity or the yield to put, whichever is greater. # 5.4.7 Yield to average life and yield to equivalent life # Some bonds have a **sinking fund** or purchase fund attached to them. For such bonds a proportion of the issue is redeemed before maturity, either randomly on the basis of the bond serial numbers or through direct purchase in the market. A redemption schedule specifies the dates, the proportions and (in the case of random drawings) the values of the redemption payments [BNC] ‘Следовательно, облигация с опционом на продажу всегда будет торговаться на основе доходности к погашению или доходности на продажу, в зависимости от того, что больше. # 5.4.7 Доходность к среднему сроку жизни и доходность к эквивалентному сроку жизни # Некоторые облигации имеют прикрепленный к ним *фонд погашения* или фонд покупки. Для таких облигаций часть выпуска выкупается до наступления срока погашения либо случайным образом на основе серийных номеров облигаций, либо путем прямой покупки на рынке. В графике погашения указываются даты, пропорции и (в случае случайных розыгрышей) суммы выплат по погашению’.

В рамках рассматриваемой модели небольшое количество ФЕ-терминов (около 2%) демонстрирует: 1) варианты отношения, в которых варьируется первый компонент

структуры, и 2) отношения оппозиции, как например в цепочках ФЕ-терминов: 1) *running yield / current yield / earning yield / flat yield* – текущая / фиксированная доходность и 2) *redemption yield / bond yield* – доход от погашения / доходность облигаций.

Вариантные отношения ФЕ-терминов, представленные в изучаемом языковом материале исключительно лексическими вариантами, не нарушают тождества фразеологической единицы как средства номинации [Игнатович, Федуленкова, 2017].

Деловой дискурс современного английского языка убедительно иллюстрирует это свойство рассматриваемых ФЕ-терминов:

(1a) *<...> stock will usually be sold for less than 100. Table 3.4 gives details of government bond issues during the last three months of 1991 and shows that, of the five issues, three were made at prices below par and two at prices above par. Once issued, bonds will, of course, be subject to continual price fluctuations as a result of changing market demand and only by chance will market price be equal to par value. This means that the effective return or yield will differ from the coupon. Two yields can be defined. The **running yield** is given by dividing the coupon by current market price and then multiplying the result by 100 in order to express it as a percentage [BNC]* ‘<...> акции обычно продаются по цене менее 100. Таблица 3.4 содержит подробную информацию о выпусках государственных облигаций за последние три месяца 1991 г. и показывает, что из пяти выпусков три были произведены по ценам ниже номинала, а два – по ценам выше номинала. После выпуска облигации, конечно, будут подвержены постоянным колебаниям цен в результате изменения рыночного спроса, и только случайно рыночная цена будет равна номинальной стоимости. Это означает, что эффективная доходность или доходность будут отличаться от купонной. Можно определить два поступления. **Текущая доходность** определяется путем деления купона на текущую рыночную цену и последующего умножения результата на 100, чтобы выразить его в процентах’.

(16) *You can protect yourself against future rises in interest rates by means of a hedging instrument known as a forward rate agreement, or FRA. Effectively, you agree with a bank that on, say, 1 January you will pay the bank interest on a notional principal calculated using a fixed interest rate reflecting the **current yield** curve; the bank will pay you interest on the same notional principal at whatever interest rate pertains on 1 January. In practice the two payments are netted off. You are locked into the current interest rate, for better or worse [BNC]* ‘Вы можете защитить себя от будущего повышения процентных ставок с помощью инструмента хеджирования, известного как соглашение о форвардной ставке или СФС. Фактически вы соглашаетесь с банком, что, скажем, 1 января вы будете платить банку проценты по условной основной сумме, рассчитанной с использованием фиксированной

процентной ставки, отражающей кривую *текущей доходности*; банк будет выплачивать вам проценты по той же условной основной сумме при любой процентной ставке, установленной на 1 января. На практике два платежа вычитаются. Вы привязаны к текущей процентной ставке, хорошо это или плохо’.

(1в) *There has been a reasonably stable relationship between equity earnings yields and real bond yields in the UK for much of the 1980's. Given the higher risk associated with equity, a positive yield gap (i.e. with **earnings yield** greater than the bond yield) would be expected. However, in the period before 19th October the yield gap had become significantly negative and for the **earnings yield** to rise back to parity with the bond yield a significant fall in equity prices was needed* [BNC] ‘На протяжении большей части 1980-х годов в Великобритании существовала достаточно стабильная взаимосвязь между доходностью доходов от акций и реальной доходностью облигаций. Учитывая более высокий риск, связанный с собственным капиталом, можно ожидать положительного разрыва в *текущей доходности* (т. е. с доходностью выше доходности облигаций). Однако в период до 19 октября разрыв доходности стал значительно отрицательным, и для того, чтобы доходность вернулась к паритету с доходностью облигаций, требовалось значительное падение цен на акции’.

(1г) *When the inflation rate is expected to remain constant over time, the normal position of the yield curve is to be upward-sloping. The expectations hypothesis by itself is insufficient to explain this, since under constant inflationary expectations, the expectations hypothesis predicts a **flat yield** curve. A rising yield curve can be explained by liquidity preference theory. A rising yield curve results from investors' preferences to stay liquid. Since borrowers prefer to borrow long and lenders prefer to lend short, investors have to be compensated by a liquidity premium to forgo liquidity, and this increases with term to maturity* [BNC] ‘Когда ожидается, что уровень инфляции останется постоянным с течением времени, нормальное положение кривой доходности должно иметь восходящий наклон. Гипотеза ожиданий сама по себе недостаточна для объяснения этого, поскольку при постоянных инфляционных ожиданиях гипотеза ожиданий предсказывает пологую кривую *текущей доходности*. Рост кривой доходности можно объяснить теорией предпочтения ликвидности. Рост кривой доходности является результатом предпочтения инвесторов оставаться ликвидными. Поскольку заемщики предпочитают брать длинные заимствования, а кредиторы предпочитают давать короткие, инвесторы должны получать компенсацию за отказ от ликвидности в виде премии за ликвидность, и эта сумма увеличивается со сроком до погашения’.

Отношения оппозиции [Gläser, 1995: 49] можно проиллюстрировать следующими контекстами:

(2) *But holders of Treasury 9 per cent stock 2002, if they held the stock until redemption in*

August 2002, would only receive back 100 for each 100 nominal amount of stock; i.e. they would lose capital value of 3.09375 on each 100 nominal amount of stock. When this loss is allowed for and expressed in terms of an annual (negative) return over the holding period, it is possible to derive a **redemption yield** comprised of both running yield minus annualised capital loss. In the case of Treasury 9 per cent stock 2002 the **redemption yield**, at end-February 1992, was 9.27% [BNC] ‘Но держатели 9% акций казначейства 2002 года, если они владели акциями до погашения в августе 2002 года, получили бы назад только 100 на каждые 100 номинальных акций; то есть они потеряли бы стоимость капитала в размере 3,09375 на каждые 100 номиналов акций. Когда этот убыток разрешен и выражен в терминах годовой (отрицательной) доходности в течение периода владения, можно вывести *доход от погашения*, состоящий как из текущей доходности, так и из годовых потерь капитала. В случае казначейских 9-процентных акций 2002 г. **доходность погашения** на конец февраля 1992 г. составляла 9,27%’.

2. **Модель P2 + N** – причастно-субстантивная структурная модель характерна для деловых ФЕ-терминов с константной зависимостью компонентов, которые составляют 12% деловой фразеологической терминологии изучаемого словаря. В основном эта модель представлена фразеологическими единицами с частичным переосмыслением компонентного состава:

(a) **quoted company** – a company whose quoted shares are listed on an official stock exchange [BNC] ‘котируемая компания – компания, акции которой котируются на официальной фондовой бирже’;

(б) **sunk costs** – a cost incurred in the past and which is therefore irrelevant to any future decision-making [BNC] ‘невозвратные затраты – затраты, понесенные в прошлом и, следовательно, не имеющие отношения к любому будущему принятию решения’;

(в) **weighted average** – an average calculated by assigning weights to each reflect their relative importance, for example, the weighted average for a share price index calculated in this way could be arrived at by multiplying the prices of securities by their traded volumes (weights), adding them together and dividing by the sum of the weights [BNC] ‘средневзвешенное значение – среднее значение, рассчитанное путем присвоения весов (объемов) каждому из них, отражающих их относительную важность, например, средневзвешенное значение для индекса цен на акции, рассчитанное таким образом, может быть получено путем умножения цен на ценные бумаги на их проданные объемы (веса), сложения их вместе и деления на сумму весов’.

Проиллюстрируем использование рассматриваемых ФЕ-терминов в деловом дискурсе:

(a) <...> *Scottish textile company. Philip Wilbraham has built a group quickly by taking*

*advantage of lower prices, Philip Ames is buying up cheap high street sites for 4 Play Records and Roger Myers, who has already built and sold one restaurant group, is now doing it all again. All four are having a good recession. Mr Myers, 45, has good reason to be pleased with himself. A former accountant who used to work in the music industry with Tony Visconti (David Bowie's producer), he now has a hit of his own with the **quoted company** The Pelican Group. <...>. The company's most recent results, to the end of March, show a pre-tax profit of 453,000 on sales of 6m, an impressive performance when, all around, belts are being tightened. It is success for the second time for Mr. Myers <...> [BNC] ' <...> Шотландская текстильная компания. Филип Уилбрахам быстро создал группу, воспользовавшись более низкими ценами, Филип Эймс скупает дешевые сайты на главной улице для 4 Плей Рекордс, а Роджер Майерс, который уже построил и продал одну ресторанный группу, теперь делает все это снова. У всех четырех хороший спад. У 45-летнего мистера Майерса есть все основания быть довольным собой. Бывший бухгалтер, который раньше работал в музыкальной индустрии с Тони Висконти (продюсер Дэвида Боуи), теперь у него есть собственный хит с **котируемой компанией** The Pelican Group. <...>. Последние результаты компании, по состоянию на конец марта, показывают прибыль до налогообложения в размере 453 000 при продажах в 6 млн., что является впечатляющим показателем, когда повсюду затягиваются ремни. Это второй успех мистера Майерса <...>'.*

*(б) One obvious question is, what conditions are necessary for a market to be perfectly contestable? This is of great interest since 'perfect contestability' turns out to have important efficiency properties. unfortunately, there is some disagreement about the answer. Dixit (1982) proposes the following four conditions: 1 That all producers have access to the same technology. 2 That this technology may have scale economies which in turn may arise through fixed costs but not **sunk costs**. 3 Incumbent firms can change prices only within a non-zero-time lag. 4 Consumers must respond to price differences with a shorter time lag [BNC] 'Возникает очевидный вопрос: какие условия необходимы для того, чтобы рынок был полностью конкурентным? Это представляет большой интерес, поскольку «идеальная состоятельность», как оказывается, обладает важными характеристиками эффективности. К сожалению, есть некоторые разногласия по поводу ответа. Диксит (1982) предлагает следующие четыре условия: 1) все производители должны иметь доступ к одной и той же технологии; 2) эта технология может иметь эффект масштаба, который, в свою очередь, может возникать за счет постоянных затрат, но **невозвратных затрат**; 3) действующие фирмы могут изменять цены только с ненулевым временным лагом; 4) потребители должны реагировать на разницу в ценах с более коротким временным лагом'.*

(в) <...> post-war history. However, the growth has not been matched by an increase in lessees' sophistication. Research on UK quoted companies indicates that over half use either a

wrong or an inappropriate technique for evaluating leases <...>. The research found, for example, that of the firms surveyed, 22% incorrectly used the before tax rate as the discount rate, while 14% used the **weighted average** cost of capital as the discount rate. It is therefore worth returning to basics. I shall explain here the lease evaluation techniques that finance directors should normally use when deciding whether to lease or buy. [BNC] ‘<...> послевоенная история. Однако рост не сопровождался повышением искушенности арендаторов. Исследование британских компаний, котируемых на бирже, показывает, что более половины используют неправильный или неподходящий метод оценки аренды <...>. Исследование показало, например, что из опрошенных фирм 22% неправильно использовали ставку до налогообложения в качестве ставки дисконтирования, а 14% использовали **средневзвешенную стоимость** капитала в качестве ставки дисконтирования. Поэтому стоит вернуться к основам. Я объясню здесь методы оценки аренды, которые обычно следует использовать финансовым директорам при принятии решения о покупке или аренде’.

Среди рассматриваемой группы терминов фразеологического свойства встречаются ФЕ-термины с полным переосмыслением компонентного состава, как, например, в ФЕ-термине: **repeated game** [Bannock, 2002: 315] – *a strategic interaction between a small number of players that occurs in the same form many times; the repeated game is a concept drawn from game theory, which characterizes real-life situations as simple games* ‘повторная игра – стратегическое взаимодействие между небольшим количеством игроков, которое происходит в одной и той же форме много раз; повторяющаяся игра – это концепция, взятая из теории игр, которая характеризует реальные ситуации как простые игры’.

Проиллюстрируем использование рассматриваемого ФЕ-термина в деловом дискурсе:

<...> based on backward induction can be constructed, to the effect that the equilibrium strategies for the multi-period game consist simply of repetitions of the single-period NE, for example the one-period Cournot equilibrium outputs in a market in which firms make output choices. Nothing of substance, therefore, is added by analysing the market in a multi-period setting. On the other hand, if there is no known, certain last period from which this backward induction argument can begin, it makes sense to discuss the conditions under which collusive behaviour can be sustained as a non-co-operative equilibrium of the **repeated game** [BNC] ‘<...> на основе обратной индукции могут быть построены так, что равновесные стратегии для многопериодной игры состоят просто из повторений однопериодных НЕ, например, однопериодных равновесных выпусков Курно на рынке, на котором фирмы делают выбор выпуска. Таким образом, анализ рынка в многопериодной обстановке не

добавляет ничего существенного. С другой стороны, если нет известного, определенного последнего периода, с которого может начаться этот аргумент обратной индукции, имеет смысл обсудить условия, при которых поведение сговора может поддерживаться как некооперативное равновесие *повторяющейся игры*.

Выводы

Проведенный семантический анализ причастных структур современной деловой терминологии фразеологического свойства, основанный на методике дефиниций и подтвержденный контекстуально, приводит к следующим выводам:

1) причастно-субстантивная структурная модель с причастием первым (P1) характерна для деловых ФЕ-терминов с константной зависимостью компонентов, которые составляют 10% деловой фразеологической терминологии изучаемого словаря;

2) причастно-субстантивная структурная модель с причастием вторым (P2) характерна для деловых ФЕ-терминов с константной зависимостью компонентов, которые составляют 12% деловой фразеологической терминологии изучаемого словаря;

3) обе эти модели представлены в основном фразеологическими единицами с частичным переосмыслением компонентного состава;

4) варианты отношения ФЕ-терминов, характеризующие структурную модель P1 + N, представлены в изучаемом языковом материале исключительно лексическими вариантами и не нарушают тождества фразеологической единицы как средства номинации;

ФЕ-термины с полным переосмыслением компонентного состава выявляются в рамках структурной модели с причастием 2 (P2 + N).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. Москва: ВШ, 1989. 158 с.
2. Игнатович Я. П., Федуленкова Т. Н. Вариант фразеологической единицы как показатель ее тождества (на материале фразеологии с компонентом – глаголом отчуждения) // Язык и культура. 2017. № 37. С. 35-47.
3. Кунин А. В. Английская фразеология: Теоретический курс. Москва: ВШ, 1970. 344 с.
4. Федуленкова Т. Н. Одномерные модели фразеологии современного международного делового языка // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 4. С. 70-83
5. Федуленкова Т. Н. Малышева А. С. Структурно-компонентное наполнение субстантивной модели английского делового ФЕ-термина // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2019. Т. 15. Вып. 3(45). С. 30-40.
6. Федуленкова Т. Н., Спицына Н. Н. Фразеологическая терминология делового английского языка: основные структурные модели // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2020. № 1. С. 5-13.
7. Cowie A. P. Phraseology: Theory, Analysis and Applications. Oxford: Oxford University Press. 2001. 272 p.

8. Fedulenkova T. N. Experience of Phraseological Studies in Academic Group for Multilingual Purposes // *Proceedings of the International Conference on European Multilingualism: Shaping Sustainable Educational and Social Environment (EMSSESE 2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Paris, Amsterdam: Atlantis Press, 2019. Vol. 360. Available at: <https://www.atlantis-press.com/article/125921152.pdf>. (accessed: 30.09.2021).

9. Fedulenkova T. N., Adamia Z. Seven frequent models in biblical phraseology of modern English // *WEST-EAST*. 2019. Vol. 2/1. № 1. P. 17-23.

10. Gläser R. Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes // *Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English*. Frankfurt-am-Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang GmbH, 1995. P. 33-57.

11. Naciscione A. Translation of Terminology: Why Kill the Metaphor? // *Proceedings of the Third Riga Symposium on Pragmatic Aspects of Translation*. Riga: University of Latvia, 2003. P. 102-115.

12. Piirainen E. *Zur Theorie der Phraseologie. Kognitive und kulturelle Aspekte*. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 2009. 211 S.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Bannock Gr. *The New Penguin Business Dictionary*. London: Penguin Books, 2002. 394 p.

2. BNC: British National Corpus. Доступ: <https://www.natcorp.ox.ac.uk/>. (дата обращения: 05.07.2021).

REFERENCES

1. Arakin, V. D. (1989). *Tipologiya yazykov i problema metodicheskogo prognozirovaniya* [Typology of languages and the problem of methodical forecasting]. Moskva: VSh. (In Russ.).

2. Ignatovich, Ya. P., Fedulenkova, T. N. (2017). Variant frazeologicheskoy edinitsey kak pokazatel ee tozhdestva (na materiale frazeologii s komponentom – glagolom otchuzhdeniya) [Variant of a phraseological unit as an indicator of its identity (based on the phraseology with a verb-component of alienation)]. In *Yazyk i kultura*. No. 37. Pp. 35-47. (In Russ.).

3. Kunin, A. V. (1970). *Angliyskaya frazeologiya: Teoreticheskiy kurs* [English phraseology: Theoretical course]. Moskva: VSh. (In Russ.).

4. Fedulenkova, T. N. (2020). Odnomernye modeli frazeologii sovremennogo mezhdunarodnogo delovogo yazyka [One-dimensional models of phraseology of modern international business language]. In *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki*. Vol. 6. No. 4. Pp. 70-83. (In Russ.).

5. Fedulenkova, T. N. Malysheva, A. S. (2019). Strukturno-komponentnoe napolnenie substantivnoy modeli angliyskogo delovogo FE-termina [Structural-component filling of the substantive model of the English business phraseological unit]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. Vol. 15. Vyp. 3 (45). Pp. 30-40. (In Russ.).

6. Fedulenkova, T. N., Spitsyna N. N. (2020). Frazeologicheskaya terminologiya delovogo angliyskogo yazyka: osnovnye strukturnye modeli [Phraseological terminology of business English: basic structural models]. In *Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psihologiya*. No. 1. Pp. 5-13. (In Russ.).

7. Cowie, A. P. (2001). *Phraseology: Theory, Analysis and Applications*. Oxford: Oxford University Press.

8. Fedulenkova, T. N. (2019). Experience of Phraseological Studies in Academic Group for Multilingual Purposes. In *Proceedings of the International Conference on European Multilingualism: Shaping Sustainable Educational and Social Environment (EMSSESE 2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Paris, Amsterdam: Atlantis Press. Vol. 360. Available at: <https://www.atlantis-press.com/article/125921152.pdf>. (accessed: 30.09.2021).

9. Fedulenkova, T. N., Adamia, Z. (2019). Seven frequent models in biblical phraseology of modern English. In *WEST-EAST*. Vol. 2/1. No. 1. Pp. 17-23.
10. Gläser, R. (1995). Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes. In *Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English*. Frankfurt-am-Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang GmbH. Pp. 33-57.
11. Naciscione, A. (2003). Translation of Terminology: Why Kill the Metaphor? In *Proceedings of the Third Riga Symposium on Pragmatic Aspects of Translation*. Riga: University of Latvia.
12. Piirainen, E. (2009). *Zur Theorie der Phraseologie. Kognitive und kulturelle Aspekte*. Tübingen: Stauffenburg Verlag.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Bannock, Gr. (2002). *The New Penguin Business Dictionary*. London: Penguin Books.
2. BNC: *British National Corpus*. Aailed at: <https://www.natcorp.ox.ac.uk/>. (accessed: 05.07.2021).

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, член-корр. РАН, Заслуженный деятель науки и образования, профессор, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации (e-mail: fedulenkova@list.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых», 600000, Владимир, ул. Горького, 87

Fedulenkova Tatiana N. – Doctor of Philology, RANS Corr. Member, Honored Practitioner of Science and Education, Professor, Professor of Foreign Languages of Professional Communication Department (e-mail: fedulenkova@list.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Vladimir State University named after the Stoletov brothers», 87, Gorkogo, Vladimir, 600000

Поступила в редакцию 01 октября 2021 г.

О НАЗВАНИЯХ ЖЕНЩИН В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ ПО ИХ ПРОФЕССИИ И ФУНКЦИИ

В настоящей статье отражены результаты наших наблюдений над языком польских электронных газет. Новые и часто необычные для польского языка названия женщин по их профессии и функции уже год как появляются в текстах польских СМИ. Статья позволяет произвести сравнение этого материала с образовательными процессами подобного порядка, происходящими в русском языке.

Ключевые слова: *гендерный подход, женский и мужской род, межъязыковой омоним, наименование, слово, феминитивы.*

© 2021 V. Shetelya

ON NAMES OF WOMEN DENOTING PROFESSION AND FUNCTION IN POLISH

This study focuses on the results of our observations on the language of Polish online newspapers. New and often unusual for the Polish language names of women by their profession and function have been appearing in the texts of the Polish media for a year now. In the article we compare this material with similar educational processes typical of the Russian language.

Key words: *gender approach, feminine and masculine gender, interlanguage homonym, name, word, feminitives.*

Одной из задач лингвистики, как известно, является отслеживание всех изменений в речи, отражающих все изменения в жизни общества. Появление в речи новых единиц является благодатной темой для изучения.

Знакомясь в последнее время с текстами польских электронных газет (Gazeta Wyborcza, Wirtualna Polska, Wiadomości, Wprost), отмечаем активность употребления непривычных для носителя польского языка новых наименований женщин по их профессии или функции.

Польские справочники отмечают наименования женщин, часто производные от мужских наименований женщин по выполняемым ими профессиям и функциям – *nomina feminativa* [Bartnicka, 2000: 230-233].

Целый раздел посвятила этой проблеме «Gramatyka współczesnego języka polskiego», в которой говорится о женских наименованиях (от мужских) и мужских (от женских) [Gramatyka, 1984: 364-374].

Проблема фрагментарно представлена в ряде пособий для университетов, как скажем, в работе D. Zdunkiewicz-Jedynak «Wykłady ze stylistyki» [Zdunkiewicz-Jedynak, 2008] и других.

Особо отметим, что в настоящей статье идет речь именно о лицах женского пола,

называемых по выполняемой ими профессии или функции, а не о существительных, обозначающих профессию женщины, на что может указывать заглавие статьи Л. И. Коноваловой «Имена существительные в русском языке, обозначающие профессию женщины», хотя, действительно, представленные здесь названия, образованные от существительных *бизнес, коммерция, теннис, хоккей*, отражаются в названиях профессии лиц женского пола: *бизнесменка, коммерсантка, теннисистка, хоккеистка* [Коновалова, 1997: 72-79].

Хотя данный гендерный подход в изучению лексических и словообразовательных систем обозначился в истории лингвистики достаточно давно, см., напр., «Историю польского языка» З. Клеменсевича, где в большей мере идет речь о наименованиях мужчин по выполняемой ими профессии [Klemensiewicz, 1985: 621-625], или же статью А. Зайды [Зайда, 2017: 734], однако известные библиографические справочники содержат скудную информацию о работах на данную тему [см., напр.: Handke, Rzetelska-Feleszko, 1977].

В настоящей статье представлен синхронический срез, т. е. даны только те единицы, которые проявились в публицистических текстах газет в период первой половины февраля 2021 г., хотя подобные образования, необычные для польского уха, встречались нами и раньше. До сих пор встречаются на газетной полосе (информационной ленте) новые образования, как напр., *tiktokerka* от названия социальной сети *TikTok*, в которой занята дама.

Данная группа слов могла бы подойти под общий термин *феминитивы* (от *femina* – «женщина»), который по Википедии группирует «имена существительные женского рода, которые обозначают женщин, образованные от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин, и являются парными с ними» (ru.wikipedia.org). Повторим – «могла бы подойти под термин феминитивы», если бы в определении обозначалась не просто женщина, а наименование лица женского пола от профессии или функции, выполняемой женщиной.

Как показывают материалы газет, не всегда наблюдается здесь парность, не всегда женская форма происходит от мужской. Действительно, чаще всего имеем дело с существительными в женском роде, т. е. женскую форму, образованную от мужского названия, выполняемой мужчиной профессии или функции.

В польской номинативной системе, также как и в русской, имеются названия данного разряда, которые в большей мере подходят женщине, чем мужчине.

Традиционно один ряд профессий закрепился за женщинами, а другой за мужчинами, хотя в наши века так называемые только «мужские» и только «женские» профессии часто могут выполняться взаимно представителями разных полов.

Существует ряд наименований, которые привычнее называть «женской»

профессией, скажем, слова *pielęgniarka* – «медсестра», *modelka* – «модель», хотя можно здесь вспомнить слово *pielęgniarcz* – «медбрат»; *model* – «модель», которые все же вопреки вышепредставленной дефиниции Википедии, образованы, если это возможно, от однокоренной женской формы.

Из новых «чисто женских» феминитивов, которые относятся только к профессии, выполняемой женщиной, можно назвать, по нашим наблюдениям, одно наименование – *pogodynka* (от *pogoda* – «погода») – «женщина-синоптик, объявляющая из экрана ТВ погоду на завтра». Слово *pogodynka* не имеет однокоренной мужской пары. Трудно себе представить, чтобы для мужчины, выполняющего эту функцию, был бы принят термин *pogodyn*. Такое же отсутствие однокоренной мужской пары видим в синониме к слову *женщина* – *białogłowa*, *białogłówka*, прилаг. *białogłowski*, которые как факты истории приводятся Н. Е. Ананьевой [Ананьева, 2004: 279].

Если учесть фактор времени употребления единиц, то польское слово *poetka* по сравнению со словом *поэтесса* оказалось менее востребованным в польской речи, чем его эквивалент в русском языке. Впрочем, можно заметить, что в русском употребление разговорного *поэтка* вполне возможно и допустимо, но оно не оказалось в достаточной степени востребованным. Можно предположить, что определенное влияние на активизацию в русском языке слова *поэтесса* оказала творческая деятельность поэтесс А. Ахматовой и М. Цветаевой, хотя «поэтки» это слово, по какой-то личной причине, не одобряли.

В польском языке слово *poetka* стало востребованным уже в наше время, вероятно, под влиянием международного успеха нобелистки В. Шимборской. Впрочем, всегда существовала потенциальная возможность употребления слова *poetka* – *поэтка* в речи, как в польской, так и русской. Кроме того, существовала словообразовательная модель и основные весьма продуктивные суффиксы *-ka* или же *-ini* (*-yni*), при помощи которых от существительного в мужском роде *poeta* наименование женщины по роду деятельности было возможным для воспроизведения слова.

В польском языке длительное время, начиная с 50-х годов XX века, существовал термин, который мог быть словообразовательной моделью для создания в польской речи другой формы наименования женщины, трудящейся на ниве поэзии. Имеется в виду слово на *-ess(a)* – *-ecc(a)* – *stewardessa / stewardesa*, образованное от заимствованного существительного в мужском роде – *steward* – «бортпроводник на судне (морском или воздушном)».

Все же для названия женщины, создающей поэтические произведения, постепенно входит в употребление форма, образованная от существительного в мужском роде *poeta* – *poetka*. Позабылась возможность воспроизведения этого наименования по модели

на *-ess(a)*. Но все же по этой модели образовано современное название *fitnesska* – «работница фитнес-клубов».

В течение нескольких вечеров в польских текстах электронных газет, доступ к которым является возможным благодаря Интернету, были нами выделены наименования женщин, названные так по выполняемой ими профессии.

Представляем самые обиходные единицы в паре с «мужскими» вариантами с соответствующим переводом их на русский язык. Так, например: *aktorka* – *aktor* ‘актёрка, актёр’; *artystka* – *artysta* ‘артистка, артист’; *fryzjerka* – *fryzjer* ‘парикмахерша, парикмахер’; *lekarka* – *lekarz* ‘врачиха, врач’; *pracownica* – *pracownik* ‘работница, работник’; *nauczycielka* – *nauczyciel* ‘учительница, учитель’; *przyjaciółka* – *przyjaciół* ‘подружка, друг’ и другие. Это обычные наименования, длительное время употребляемые в польской речи.

Если рассматривать эти слова с точки частотности их употребления, то слово *przyjaciółka* является более частотным и более востребованным в речи женщины, чем *przyjaciół* в мужской речи.

Если разобраться со словом *profesorka* ‘профессорша’, в речи учащихся лицеев вместо нормативного слова *profesor* в обращении «*pani profesor*», употребляющих *profesorka* – «*pani profesorko*», то по материалам сегодняшних газет видно, что подобные использования «женской» формой *profesorka* применяется для названия и обращения даже к женщине-преподавателю вуза, имеющей это ученое звание.

В ряду подобных входящих в обращение наименований, созданных в результате «феминизации» чисто «мужских» профессий, можно назвать единицы типа: *adwokatka* – *adwokat* ‘адвокатка’; *działaczka* – *działacz* ‘функционерка (деятельница), функционер (деятель)’; *partnerka* – *partner* ‘партнёр-женщина, партнёр’; *policjantka* – *policjant* ‘женщина-полицейская, полицейский’; синоним: *funkcjonariuszka* – *funkcjonariusz* ‘женщина-полицейская, полицейский’; *reżyserka* (filma) – *reżyser* ‘режиссёрша, режиссёр’; *rzeczniczka* – *rzecznik* ‘представительница, представитель’.

Иногда титул *pani* + мужская форма может определить пол профессионала, напр.: *pani adwokat*, *pani rzecznik*. Но отметим, что не всегда подобные сочетания будут удачными.

Феминитив *weterynarka* ‘женщина-ветеринар’, образованный от существительного мужского рода *weterynarz* ‘врач животных’ (возможно *pani weterynarz*) вызывает необходимость в комментарии этой единицы в свете «Словаря универбатов современного русского языка» Г. В. Клименко и Е. М. Марковой.

В данном словаре указано словосочетание *ветеринарная СЛУЖБА*, как основа образования для слова *ветеринарка* в значении «трудящийся на ниве селекционной работы, растениеводства и т. д.» [Клименко, Маркова, 2019: 23]. Вероятней всего, имеем здесь дело с

межъязыковой омонимией, поскольку, как видим, при тождестве форм в русском и польском языках термин употребляется для обозначения несколько различных понятий.

Попутно отметим в связи с этим статью Ясаи Ласло «Заметки об универбации и диминуции на основе их формального сходства» [Ясаи, 2021: 931], в которой говорится об омонимичности словосочетаний как основ универбации, но это не имеет отношения к данному конкретному случаю со словом *weterynarka* – 1) «женская профессия» (в польском), 2) «поле деятельности», «отрасль хозяйства» (в русском).

Более активное участие женщин в политической и общественной жизни привело в образованию форм: *prezydentka* – *prezydent* – для названия главы государства и города (возможно *pani prezydent*); *posłanka* – *poseł* ‘посланка, посланник’ (возможно *pani poseł*); *europosłanka* – *europoseł* ‘европосланка, посланник’.

Из этого ряда выделяется единица, образованная при помощи суффикса *-ini-*: *marszałkini* (возможно *pani marszałek*): «*marszałkini województwa lubelskiego*» от *marszałek* ‘лицо на низшей или временной должности в районной администрации’.

Польская грамматика Б. Бартницкой и Х. Саткевича допускает возможность образования подобных единиц, но отмечает, что скажем, словам типа *filolożka*, *psycholożka*, употребляемые вместо *filologini*, *psychologini*, часто обладают шутливой окрашенностью [Bartnicka, 2000: 231].

Но все же отметим, что в современных текстах подобные наименования с чередованием *g* – *ż* (в основах) ничуть не обладают подобной окрашенностью (при образовании наименований женщин от профессии или функции): *politolożka* – *politolog* ‘женщина-политолог, политолог’, а также наименований женщин разных медицинских специальностей: *epidemiolożka* – *epidemiolog* ‘женщина-эпидемиолог, эпидемиолог’; *ginekołożka* – *ginekolog* ‘женщина-гинеколог, гинеколог’; *onkołożka* – *onkolog* ‘женщина-онколог, онколог’; *psycholożka* – *psycholog* ‘женщина-психолог, психолог’; *wirusolożka* – *wirusolog* ‘женщина-вирусолог, вирусолог’.

Эти новые формы раньше не встречались ни в СМИ, ни в разговорной польской речи.

Как раз употребление слов *politologini*, *epidemiologini*, *onkologini*, *psychologini*, *wirusologini* может вызвать несерьёзное отношение к дамам данной профессии и выполняемой ими специальности. Такого отношения к этим словам не будет, если мужскую форму профессий предварит титул *pani*.

Отметим новые термины данного разряда, образованные от существительных мужских профессий и вошедшие в польский язык путем заимствования.

К ранее упомянутой *fitnesska* добавляется: *kinomanka*, *internautka* и единицы со скрытой семантикой: *sommelierka* от *sommelier* ‘работник ресторана, специалист по

винам'; *youtuberka* от *youtuber* 'пользователь YouTube'; *celebrytka* от *celebryta* – 'известное лицо в медиа'; *influencerka* от *influencer* 'лицо, получающие от своего увлечения стабильный доход'.

Таким образом, отметим, что авторы польских электронных газет употребляют в настоящее время феминитивы, образованные при помощи традиционных польских суффиксов от существительных мужского рода и называющих лицо женского пола, выполняющих определенную профессию или функцию. Происходит определенная активизация феминитивов в речи современных польских СМИ. В процессе заимствования от парных мужских названий образуются их женские формы.

Вместе с тем задаемся вопросом на будущее, который, во-первых, прозвучал даже в самой формулировке заглавия раздела «Словообразование как механизм, обеспечивающий бесконечность словаря» (и номинации) в книге А. Г. Лыкова [Лыков, 1976: 57] о бесконечном воспроизведении феминитивных пар. А во-вторых, насколько данные образования обладают асимметрией, свойственной антонимам [Marczewska, 1986: 139-163], и насколько слова типа *politolog* – *politologini* являются, в свете этой работы, антонимами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьева Н. Е. История и диалектология польского языка. 2-е изд., испр. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 304 с.
2. Зайда А. О польской лексике сквозь века // Лексикология и лексикография славянских языков. Международный коллективный труд. Москва: ЛЕКСРУС, 2017. С. 712-763.
3. Клименко Г. В., Маркова Е. М. Словарь универбатов современного русского языка. Москва: Прометей, 2019. 110 с.
4. Коновалова Л. И. Имена существительные в русском языке, обозначающие профессию женщины // История русского языка. Словообразование и формообразование. Казань: УНИПРЕСС, 1997. С. 72-79.
5. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). Москва: Высш. школа, 1976. 120 с.
6. Ясаи Л. Заметки об универбации и диминуции на основе их формального сходства // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. Москва: ФЛИНТА, 2021. С. 926-938.
7. Bartnicka B., Satkiewicz H. Gramatyka języka polskiego. Podręcznik dla cudzoziemców. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2000. 280 s.
8. Gramatyka współczesnego języka polskiego: Morfologia. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. 560 s.
9. Handke K., Rzetelska-Feleszko E. Przewodnik po językoznawstwie polskim. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich. Wydawnictwo, 1977. 474 s.
10. Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego. III. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985. 796 s.
11. Marczewska H. Hierarchiczny charakter zjawiska asymetrii antonomów przymiotnikowych w wykonaniu językowym // Wiedza a język. T. I. Ogólna psychologia języka i neurolingwistyka. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich. Wydawnictwo PAN, 1986. S. 139-163.

12. Zdunkiewicz- Jedynak D. Wykłady ze stylistyki. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. 217 s.

REFERENCES

1. Ananieva, N. E. (2004). *Istoria i dialektologia polskiego yazyka* [History and dialectology of the Polish language]. Moskva. (In Russ.).
2. Zayda, A. (2017). O polskoy leksike skvoz veka [On the Polish vocabulary through the centuries]. In *Leksykologiya i leksykografya slavyanskih yazykov. Mezdunarodnyy kollektivnyy trud*. Moskva: LEKSRUS. Pp. 712-763. (In Russ.).
3. Klimenko, G. V., Markova, J. M. (2019). *Slovar univerbatov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of the univerbation words of modern Russian language]. Moskva: Prometey. (In Russ.).
4. Konovalova, L. I. (1997). Imya sushchestvitelnoe v russkom yazyke, oboznachayushchie professiyu zhenshchiny [Nouns in the Russian language denoting the profession of a woman]. In *Istoriya russkogo yazyka. Slovoobrazovanie i formoobrazovanie*. Kazan. Pp. 72-79. (In Russ.).
5. Lykov, A. G. (1976). *Sovremennaya russkaya leksikologiya (russkoe okkazyonalnoe slovo)* [Modern Russian lexicology (Russian occasional word)]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
6. Yasi, L. (2021). Zametki ob univerbatsii i diminutsii na osnove ikh formalnogo shodstva [Notes on univerbalization and diminution based on their formal similarity]. In *Aktyvnyye processy v sovremennom russkom yazyke: natsionalnoe i internatsionalnoe*. Moskva: FLINTA. Pp. 926-938. (In Russ.).
7. Bartnicka, B., Satkiewich, H. (2000). *Gramatyka yazyka polskiego. Podrechnyk dla cudzoziemcuw* [Grammar of the Polish language. A handbook for foreigners]. Varshava: Veda Powshehna. (In Polish).
8. *Gramatyka wspulchesnego yazyka polskiego: Morfologiya* [Grammar of Modern Polish: morphology]. Varshava: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. (In Polish).
9. Handke, K., Rzetelska-Feleszko, E. (1977). *Pshevodnik po jazykoznavstve polskim* [Guide to polish linguistics]. Vroclav-Varshava-Krakow-Gdansk: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich. Wydawnictwo. (In Polish).
10. Klemensiewicz, Z. (1985). *Historia yazyka polskiego* [History of the Polish language]. III. Varshava: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. (In Polish).
11. Marchevska, H. (1986). Hierarchiczny charakter zjawiska asymetrii antonomuw pshymiotnikovykh v vykonaniu yazykovym [The hierarchical nature of the phenomenon of adjectival antonyms asymmetry in linguistic performance]. In *Viedza a Yazyk. T. I. Ogulna psyhologia yazyka i neurolingvistyka*. Vroclav-Varshava-Krakow-Gdansk: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich. Wydawnictwo PAN. Pp. 139-163. (In Polish).
12. Zdunkiewicz-Jedynak, D. (2008). *Vykłady ze stylistyki* [Interpretations from the Stylistics]. Varshava: Wydawnictwo Naukowe PWN. (In Polish).

Шетэля Виктор – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры контрастивной лингвистики (e-mail: szetela@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский педагогический государственный университет» 119571, Москва, проспект Вернадского, 88

Szetela V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Contrastive Linguistics Department (e-mail: szetela@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Vocational Education «Moscow State Pedagogical University» 88 Vernadskogo, Moscow, 119571

Поступила в редакцию 19 августа 2021 г.

ПОРТРЕТ УЧЁНОГО

Юбилейные даты в жизни выдающихся людей – это замечательный повод для друзей и коллег отдать должное заслугам и достижениям юбиляра, а для самого юбиляра – повод оглянуться назад и наметить очередные планы на будущее. 2 января 2022 г. свой 75-летний юбилей отмечает известный учёный – типолог и германист, заведующий кафедрой германской филологии, Заслуженный профессор Донецкого национального университета, член Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, доктор филологических наук, профессор, основатель и бессменный главный редактор журнала «Studia Germanica, Romanica et Comparatistica» Владимир Дмитриевич Калиущенко.

Редколлегия журнала, коллеги, ученики сердечно поздравляют дорогого Владимира Дмитриевича с юбилеем и искренне желают крепкого здоровья, счастья, насыщенной творческой жизни и талантливых учеников!

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ КАЛИУЩЕНКО

Малой родиной Владимира Дмитриевича Калиущенко является г. Первомайск Ворошиловской (ныне Луганской) области, где 2 января 1947 г. Он появился на свет в семье врача Дмитрия Андреевича и педагога, Нины Павловны Калиущенко, которая с раннего детства и привила своему сыну – будущему доктору наук – любовь к изучению иностранных языков. В 1966 г. Владимир Дмитриевич стал студентом Пятигорского педагогического института, позже перевелся и окончил Донецкий государственный университет (сейчас государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»).

В Донецком университете Владимир Дмитриевич не только овладевал практическими навыками владения немецким языком, но и открыл для себя лингвистическую науку, по-настоящему увлёкся ею и пронёс эту любовь через всю жизнь. Большую роль в этом сыграл научный руководитель его дипломной работы известный профессор-германист Алексей Алексеевич Прокопчук. Сейчас кажется совершенно закономерным, что с такими аналитическими способностями, с таким трудолюбием и желанием достичь поставленных перед собой целей Владимиру Дмитриевичу суждено было сделать прекрасную академическую карьеру, и первым шагом в этом направлении стала работа на кафедре немецкого языка факультета романо-германской филологии,

где началось его становление как преподавателя и исследователя.

Важную и даже судьбоносную роль в жизни юбиляра сыграл замечательный город Санкт-Петербург, ведь он поступил и окончил аспирантуру Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР и под руководством блестящего учёного профессора Владимира Петровича Недялкова, ставшего Учителем Владимира Дмитриевича, в 1979 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Немецкие отсубстантивные глаголы», а в 1989 – докторскую диссертацию на тему «Словообразование «имя – глагол». Типология отыменных глаголов». Владимир Дмитриевич проникся идеями выдающихся учёных Санкт-Петербургской типологической школы и остался её верным последователем, создав спустя 15 лет свою научную школу «Германистика, типология, сопоставительная лингвистика: лексико-семантические и словообразовательные исследования» уже в Донецке. В центре внимания донецких исследователей были и остаются проблемы изучения семантики разных классов слов (прежде всего глаголов) в германских языках, а также сопоставление германских и романских языков со славянскими.

Вся научно-преподавательская деятельность Владимира Дмитриевича неразрывно связана с факультетом романо-германской филологии (с 2004 г. – факультетом иностранных языков) Донецкого национального университета, где он прошел путь от ассистента до профессора. С 1987 года Владимир Дмитриевич руководит кафедрой немецкого языка (с 2000 г. – германской филологии), а в 1990 г. ему присвоено ученое звание профессора кафедры немецкого языка, и он избирается деканом факультета романо-германской филологии. На этом ответственном посту Владимир Дмитриевич работает до 2015 года до назначения на должность проректора по научной работе и инновационной деятельности Донецкого национального университета.

Достижения в различных сферах образовательной, научной и социальной сферах и заслуги В. Д. Калиущенко перед факультетом и университетом за 50 лет трудовой деятельности можно перечислять бесконечно.

Владимир Дмитриевич получил заслуженное признание в отечественных и зарубежных научных кругах, его ценят и уважают коллеги из многих научно-образовательных учреждений. В. Д. Калиущенко является основателем и действующим руководителем научной школы «Германистика, типология, сопоставительная лингвистика: лексико-семантические и словообразовательные исследования», созданной на факультете иностранных языков в 1994 году. В основе научной концепции деятельности школы опора на широкую эмпирическую базу, внимание к материалу,

стремление получить обобщения индуктивного характера, внимание к формальной и особенно к содержательной стороне исследуемых явлений, к их взаимосвязи, применение таких лингвистических методов, как трансформационный, компонентный анализ, построение формул толкования значений, логические исчисления, типологический, сопоставительный методы. Научной школе присуще использование количественного анализа материала. Владимир Дмитриевич всегда подчеркивает, что почти в каждом из языков, по крайней мере, индоевропейских, есть все, что есть в других языках, различия заключаются прежде всего в тенденциях, которые важно измерить количественно. Он выступил инициатором создания специализированного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по двум специальностям – «Германские языки» и «Сравнительно-историческое, и типологическое языкознание» и до сих пор является его бессменным председателем. В июле 2016 года высокий статус диссертационного совета на факультете иностранных языков был подтвержден, и сегодня молодые ученые имеют возможность представить и защитить диссертации по специальностям 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание и 10.02.04 – германские языки. Под руководством Владимира Дмитриевича защищено 7 докторских и 24 кандидатских диссертации. Круг научных интересов доктора филологических наук, профессора Калиущенко широк: типология словообразования, лексико-семантическая типология, сопоставительные исследования лексических и словообразовательных классов слов, диахронические исследования лексики и словообразования в разных языках. Результаты его исследовательских поисков изложены в свыше 100 научных работах, нескольких учебных пособиях на русском, украинском, немецком и английском языках, среди них 2 монографии, опубликованные на немецком языке в Германии, он является ответственным редактором ряда периодических научных изданий и монографической серии «Типологические, сопоставительные, диахронические исследования» (18 выпусков).

Вся жизнь Владимира Дмитриевича неразрывно связана с ДонНУ и факультетом иностранных языков, он буквально творил историю факультета, создавал его во всех смыслах, развивал по всем направлениям, делал для факультета, его коллектива всё возможное, а порой даже невозможное в рамках своего времени. Он внес неоценимый личный вклад в развитие и становление факультета и кафедры германской филологии и в трудную минуту остался верен своей кафедре, своему факультету, своему университету, своим личным примером и глубоким патриотизмом вселив в свой коллектив уверенность в правильности выбора и необходимости остаться со своим факультетом и своей Родиной.

Благодаря таланту организатора Владимир Дмитриевич неизменно становился

инициатором и организатором различных международных проектов, научных, методических, практических конференций и культурно-образовательных проектов. По его инициативе и при его непосредственном участии было придумано, создано, воплощено, реализовано, преобразовано, достигнуто и выполнено столько проектов, планов, программ, мероприятий, событий, что хватило бы на несколько насыщенных плодотворных жизней. Во многом благодаря личной заслуге Владимира Дмитриевича, его вдумчивому и внимательному отношению к процессам, происходящим в науке, культуре и обществе, на факультете иностранных языков по-прежнему успешно функционируют аспирантура и докторантура, регулярно проводятся международные конференции, издаются монографии, монографические серии, сборники научных трудов, учебно-методическая литература. Факультет иностранных языков остается флагманом языкового образования и подготовки специалистов по иностранным языкам. Кафедра германской филологии Донецкого национального университета отличается высоким уровнем преподавательского состава (на ней работают 4 штатных доктора наук) и создаваемого научного продукта – преподавателями кафедры опубликованы в Германии 5 монографий и один сборник научных трудов.

Владимира Дмитриевича отличает безусловный талант настоящего Учителя, который своим вниманием и заботой заслужил бесконечное доверие своих учеников. Плодотворность его исследовательского поиска, его творческая энергия не перестает восхищать. Под его руководством студенты, аспиранты и докторанты факультета в течение многих лет добиваются высоких результатов в научной деятельности, получают дипломы на международных конференциях и занимают призовые места в конкурсах научных работ разных уровней, вдохновляясь личным примером своего наставника и его неустанным движением вперед.

Владимир Дмитриевич пользуется авторитетом и заслуженным уважением в научных кругах Российской Федерации и в дальнем зарубежье. Его заслуги в сфере науки и образования отмечены наградами, почетными званиями, грамотами и благодарностями.

Любой, кто знает Владимира Дмитриевича, кому выпала честь общаться с ним как с профессионалом, и кто имел удовольствие говорить с ним на разные темы, наверняка скажет, что отличительными чертами его характера являются порядочность, человечность, равнодушие, умение сопереживать, желание помочь, поддержать, утешить. Выходец из семьи врача и педагога, Владимир Дмитриевич впитал в себя с раннего детства бережное отношение к человеку, истинную интеллигентность. Ему близки проблемы коллег и студентов, он бережно относится к ветеранам факультета.

Блестящий организатор, как когда-то говорили «хозяйственник», но на самом деле настоящий хозяин в хорошем смысле слова, он и сам всегда был неравнодушен к своему факультету и учил этому других. В каждой его идее, в каждом принятом решении видна забота о настоящем и будущем факультета, о конкретных людях.

Владимир Дмитриевич проявил свой талант организатора и дипломата и в своей личной жизни, создав прекрасную семью – его жена Силвия Робертовна, сын Олег, дочь Юлия и внук Вова являются его надежным тылом, неисчерпаемым источником любви, поддержкой и опорой в трудные моменты жизни и самыми дорогими людьми, которые искренне радуются победам и достижениям уважаемого и любимого главы семьи.

В день славного юбилея весь коллектив факультета иностранных языков, коллеги, друзья и многочисленные нынешние и бывшие ученики Владимира Дмитриевича от всей души поздравляют дорогого и любимого Учителя, блестящего Учёного, выдающегося Руководителя, прекрасного Человека. Примите нашу признательность за Ваш неоценимый вклад в становление факультета, за Вашу доброту, внимательность, порядочность и человечность. Вы вырастили несколько поколений благодарных учеников, указали жизненный путь огромному количеству людей, и ещё несколько поколений рассчитывают на то, что Вы поделитесь с ними своим бесценным профессиональным и жизненным опытом. Здоровья Вам, счастья, любви, удачи и вдохновения!

*От имени коллектива факультета иностранных языков,
декан ФИЯ А. Г. Удинская*

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), междустрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity. ...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с. Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419). Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p. Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.
<i>Статья из сборника</i>	Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романья. Лингвистическое наследие III. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46. Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428. Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
<i>Журнальная статья</i>	Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22. Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161. Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.
<i>Интернет-ресурсы</i>	Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014). Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
Монография, книга, раздел монографии	Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.). Kaliušenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419). Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5. Bessonova, O. L. (2013). Protседury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).
Отдельный том многотомного издания	Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.). Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).
Статья из сборника	Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.). Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.). Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
Журнальная статья	Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i>

	<i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova</i>. No 28. Pp. 11-22. (In Russ.). Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta</i>. No 4. Pp. 150-161. (In Russ.). Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal</i>. Vol. 91. Pp. 169-188.
<i>Интернет-ресурсы</i>	Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya</i>. No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.). Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix</i>. January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM</i>. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

Том 17 Выпуск 4 (54) 2021

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 07.12.2021 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 14,06.
Тираж 100 экз. Заказ № 21дек233.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.